Т30 5/8

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В МОСКВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ
МОСКОВСКОГО
РАБОЧЕГО
СОЮЗА
1893-95 г.г.
И ДОКУМЕНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН

~~19/II-1577~~

~~21/8 594.~~

7/II-41

T30 5/8

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДРУГ. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

1932

№ 11 (LXXXVIII)

МОСКВА

[redacted]

Н-12

Т30 5/8

НА ЗАРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В МОСКВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ МОСКОВСКОГО РАБОЧЕГО СОЮЗА (1893—95 гг.) и ДОКУМЕНТЫ

К/Н

1356

Собрал и приготовил к печати
С. И. МИЦКЕВИЧ

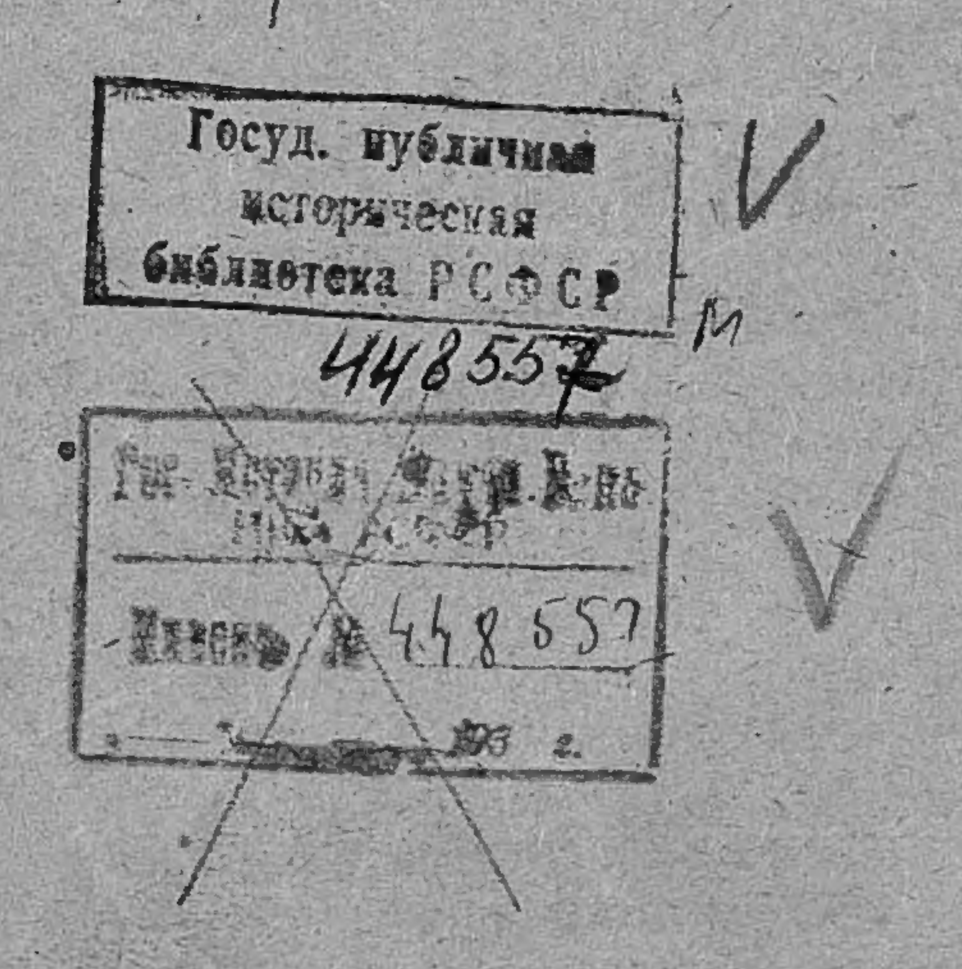
—

БИБЛИОТЕКА
КЛУБА
им. КУХМИСТЕРОВА
Моск. Кур. ж. д.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Обложка худ. В. С. Резникова

Сдано в производство 1/X—32 г
Подписано к печати 7/XII—32 г
Ответств. редактор *А. П. Голубков*
Техническ. редакт. *С. М. Матвеев.*
Формат бумаги 62×94 1/16 п. листа
Изд. № 87. Уполн. Главл. В—30875.
Тираж 5.100. Зак. № 5.83 Центр. тип. НКВМ им. Клима Ворошилова.
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1930 году в издательстве «Московский Рабочий» вышла книга «Литература Московского рабочего союза», в которой была опубликована найденная в архивах литература первой Московской марксистской организации (1893—95 гг.), начавшей систематическую пропаганду и агитацию среди московских рабочих.

В этой книге печатаются собранные мною воспоминания участников этой организации. Удалось собрать воспоминания почти всех руководящих работников организации за исключением ранее умерших: А. И. Хозецкого, Ф. И. Полякова и К. Ф. Бойе. Большая часть воспоминаний печатается впервые: А. Н. Винокурова, М. Н. Лядова, Е. И. Спонти, С. И. Прокофьева, В. Н. Масленникова, А. И. Рязанова, Е. И Немчинова, А. Д. Карпузи и М. П. Петров, Я. Г. Туркина, Г. П. Овчинкина, М. А. Игнатовой и т. Волынкина. Воспоминания С. И. Мицкевича, А. И. Елизаровой, С. И. Мураловой, И. А. Давыдова, В. Д. Бонч-Бруевича и З. Л. Лаврова были напечатаны раньше и здесь перепечатываются. Часть воспоминаний принадлежит интеллигентам (10), другая часть рабочим (9).

В приложениях приведены отрывки из воспоминаний В. Чернова, чтобы показать, как отражалась наша работа в представлении наших тогдашних противников — народников. Здесь же помещен ряд документов, в том числе докладная записка министра юстиции Муравьева и приговор по делу участников организации, опубликованные в нашей упомянутой книге «Литература Московского рабочего союза». Перепечатываются они здесь в виду того, что упомянутую книгу не легко найти, а эти 2 документа являются полезным дополнением к воспоминаниям.

Характерной чертой всех воспоминаний является отсутствие сколько-нибудь крупных противоречий. Мелкие противоречия, неизбежные в воспоминаниях, относящихся к сравнительно отдаленному времени (около 40 лет назад), оговорены в примечаниях. И даже воспоминания нашего врага Чернова и жандармские документы подтверждают в общем воспоминания самих участников организации.

Изданием этих воспоминаний, литературы Московского рабочего союза и некоторых документов дается достаточно

материала для истории первой Московской марксистской рабочей организации (1893—95 гг.). Собираемые ныне материалы по истории московских фабрик и заводов должны подвести под эту историю еще более прочный и обширный фундамент.

С другой стороны, полагаю, что для этой истории эти воспоминания будут не бесполезны, так как дают материал по истории первых марксистских кружков на ряде московских фабрик и заводов.

Еще несколько слов о названии организации. Первое время наша организация не носила никакого названия, и листки, выпускаемые организацией, не были подписаны. Только весной 1895 г., незадолго до разгрома организации, вышла прокламация, в которой сообщается об образовании «Рабочего союза». С этого времени, вероятнее всего с 1 мая 1895 г., как об этом пишет М. Н. Лядов в своей книге «История Рос. соц.-дем. раб. партии», 1906 г.[1], организация носила это название. В июне и в августе 1895 г. основная группа руководящих участников организации была арестована. Оставшиеся на свободе участники и вновь примкнувшие к ним лица в начале 1896 г. восстановили организацию, которая приняла название «Московского рабочего союза» и стала выпускать листки с надписью «Московский рабочий союз». До этого времени все листовки Московской организации выходили без подписи.

В виду того, что название «Московский рабочий союз» для первой московской организации укоренилось в литературе, я так и называют эту организацию.

Нечто аналогичное произошло с Петербургской марксистской организацией: она также сначала (в 1893—95 гг.) не имела названия и только уже после ареста (в ноябре 1895 г.) первых руководящих работников приняла название «Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса».

После опубликования литературы и воспоминаний участников первой московской рабочей организации, думаю, что к ней можно целиком применить следующие слова Ленина: «Слияние передовых рабочих с соц.-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории

[1] В 1924 г. эта книга переиздана под заглавием «Как начала складываться РКП(б)» (см. стр. 107).

Маркса и Энгельса... История русского революционного движения долгим и трудным путем выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата» (Ленин, соч. т. II, стр. 537).

Заглавием книги взято заглавие моих воспоминаний, помещенных в книге «Текущий момент», вышедшей в изд. «Колокол» в начале 1906 г. Под таким же заглавием в 1919 г. Госиздатом была выпущена книга, в которой также помещена моя статья и ряд воспоминаний и материалов по истории Московской партийной организации.

Статьи и документы снабжены примечаниями, которые подписаны моими инициалами — С. М.

Документы, помещенные в приложениях, собрала в 1923 г. по моим указаниям в «Архиве революции и внешней политики» т. В. П. Милютина, ею же записаны воспоминания некоторых рабочих: тт. Я. Г. Туркина, Г. П. Овчинкина и М. А. Игнатовой; воспоминания т. Волынкина записаны Е. Н. Поповой.

С. Мицкевич

Января 1933 г.

С. Мицкевич

На заре рабочего движения в Москве[1]

В Москве в начале 1893 года на одной студенческой вечеринке выступили с критикой народничества с точки зрения теории Маркса два марксиста[2]. Это не было, строго говоря, первым выступлением марксистов в Москве, потому что еще в 1891 и 1892 гг. покойный Григорий Мандельштам выступал несколько раз среди студенчества с изложением марксистских взглядов, но тогда это не производило особого впечатления, потому ли, что почва для восприятия этих идей еще не была достаточно подготовлена, или потому, что выступления были в сравнительно тесных кружках. Теперь же это выступление произвело сенсацию; об этом много толковали, и все ругали этих еретиков-марксистов: как осмелились какие-то молокососы не признавать всеми признанных авторитетов и корифеев русского народничества—«В. В.», Михайловского, Кареева, Николая—она. Главная церь марксистов была все-таки достигнута: был возбужден интерес к новым идеям среди широких кругов молодежи. С этого времени марксисты являются непременными гостями студенческих вечеринок, очень частых в эту зиму. Марксисты, выступавшие на этих вечеринках, были по большей части из первого московского марксистского кружка, образовавшегося еще в зиму 1891 и 1892 гг. с целью изучения и переводов на русский язык марксистской литературы. В этом кружке основательно изучались «Капитал» и все дру-

---

[1] Эти мои воспоминания были впервые напечатаны в сборнике «Текущий момент», вышедшем в начале 1906 г. в Москве в изд. «Колокол». Написаны они были в «дни свобод», в ноябре—декабре 1905 г., т.-е. через 11—12 лет после событий, которые здесь описываются.

В несколько измененном виде они были помещены в сб. «На заре рабочего движения», изд. Госиздатом в 1919 г. Здесь они помещаются без изменений, в том виде, в каком они были помещены в сб. «Текущий момент» в 1906 г., как своего рода документ, написанный по свежим воспоминаниям. И действительно, позднейшее мое ознакомление с делом и другими воспоминаниями позволяет мне утверждать, что эти воспоминания точно воспроизводили события; следует иметь в виду при чтении их, что они были помещены в легальной печати, хотя этот сборник и был конфискован немедленно по выходе.

Примечания к этой статье в сносках, обозначенных цифрами, написаны к настоящему изданию, а обозначенные звездочками были помещены в изд. 1906 г.

[2] Выступали А. Н. Рязанов и Н. А. Давыдов; повидимому, как раз эта вечеринка описана В. Черновым (см. в этой книге стр. 231)

гие сочинения Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского; из русских авторов—Н. И. Зибер, статьи из «Юридического Вестника» П. Н. Скворцова, Харизоменова, труды по исследованию московских фабрик: Погожева, Эрисмана, Дементьева и др. Русская литература, издаваемая за границей группой «Освобождение труда» — «Наши разногласия» Плеханова, его же «Социализм и политическая борьба», Сборник и журнал «Социал-демократ» и др. — в это время в Москве были величайшей редкостью, и мало кому удавалось их доставать, между тем как немецкую литературу сравнительно легко было доставать в иностранных магазинах; потом, в 1894 году, наладилось получение и русской литературы как через магазины, так и в транспортах *.

Этим же кружком было сделано много переводов, которые ходили по рукам в рукописях. Переведено было много брошюр Энгельса, как-то: «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, собственности и государства» и др., только что вышедшая тогда на немецком языке «Эрфуртская программа» Каутского, брошюры Шиппеля, Кампфмейера и др. из серии «Arbeiter bibliothek», брошюры Гэда, Лафарга, статьи из «Neue Zeit» и т. д. Уровень образования тогдашней студенческой молодежи был невысок; чувствовалось еще прежнее полупрезрительное отношение старого народничества к науке. Большинство читало 2—3 статьи Михайловского, В. В.- «Судьбы капитализма в России» и в лучшем случае Николая — она. Такую публику марксисты, основательно проштудировавшие Маркса, Энгельса, Каутского, читавшие немало по истории, экономике и статистике, удивляли своей эрудицией. Среди противников марксистов был только один человек, обладавший большой эрудицией, это — П. Н. Милюков. Оригинально было видеть, как против него, тогда уже известного ученого, с успехом выступал молодой студент-марксист К.[1].

Следующий зимний сезон 1893—94 года был еще оживленнее в Москве: устраивались часто «вечеринки» с разговорами, организовывалось много кружков «саморазвития», образовалось и несколько политических групп; более заметная из них — «босяки» — хотела опереться в политиче-

* В распоряжении этого кружка была еще рукопись большого и в высокой степени интересного труда Федосеева «О падении крепостного права в России», в котором была проведена точка зрения экономического материализма. Федосеев, очень талантливый человек, первый раз арестованный в 1889 г. в Казани за организацию социал-демократического кружка, с тех пор до самой своей смерти, в 1898 г., непрерывно пребывал в тюрьмах и ссылке по нескольким делам. Застрелился в Верхоленске в 1898 г. У него начато было несколько трудов по экономической истории России. Все это куда-то запропало.

[1] Д. П. Калафати, на 2 съезде РС-ДРП кличка «Махов».

ской борьбе на будто бы революционный и многочисленный класс босяков, а также на «разночинцев», понимая под этим словом мелкую служащую интеллигенцию. Тогда же стала образовываться партия «Народного права». Оживилась в это время и публицистика, бывшая раньше скучной до тошноты. «Русское Богатство» открыло тогда против марксизма огонь по всей линии, хотя в легальной русской литературе не появилось еще ни одной марксистской статьи о русской действительности, если не считать чисто статистических работ П. Н. Скворцова в «Юридическом Вестнике». Кривенко писал тогда в «Русском Богатстве», что марксисты, чтобы быть последовательными, должны насаждать капитализм в России, а для этого им самое лучшее итти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы. Михайловский также называл активными марксистами тех, кто активно насаждал капитализм. Такое понятие о марксизме и было господствующим в то время среди интеллигенции; марксистов считали единомышленниками Вышнеградского и Витте, насаждающих капитализм в России; недаром-де они любят цитировать «Вестник финансов» и радуются успехам русского капитализма и разложению общины. Особенно рьяными марксоедами были тогда «народоправцы»; они считали пропаганду марксизма особенно вредной, так как марксизм, по их мнению, отвлекает внимание от политической борьбы, а они, основатели партии «Народного права», ради привлечения к политической борьбе широких слоев решили пока спрятать в карман свой социализм и выставить одну политическую платформу, которая должна об'единить все направления, как это пытался сделать впоследствии «Союз освобождения». Мы же, марксисты, думали, наоборот, путем распространения идей классовой борьбы и социализма вовлечь и в политическую борьбу новый громадный класс — русский пролетариат. История показала, кто был прав.

Для борьбы с марксистами народники в эту зиму вызывали из Питера свою тяжелую артиллерию. Так, на Рождестве в 1893 году в Москву приехал и читал реферат «В. В.», но вслед за ним приехал П. Струве. На этот же реферат попал бывший тогда проездом в Москве В. Ильин [1], и оба они с большим успехом выступили против «В. В.» [2].

---

[1] В. И. Ленин.

[2] Я лично не был на этой вечеринке, так как уезжал в это время на рождественские каникулы в Нижний-Новгород, и писал о ней по рассказам других. Другие воспоминания (см. восп. Давыдова, Лядова, Бонч-Бруевича, Елизаровой, Голубевой и Чернова) не упоминают о Струве как участнике этой вечеринки.

Зимний сезон 1894—95 гг. проходил также очень оживленно. Осенью вышла книга Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», а вскоре первая легальная марксистская книга «Критические очерки» П. Струве. В декабре 1894 г. вышла книга Бельтова «Очерки монистического взгляда на историю». Эти книги, особенно последняя, произвели шум. Марксисты были очень обрадованы, что наконец-то марксизм появился в легальной литературе и притом в такой блестящей форме, как у Бельтова; народники же были возмущены книгой Бельтова за бесцеремонное третирование корифеев народничества, но книга читалась все-таки очень усердно и многих обратила в марксизм.

Около этого же времени появились в Москве 3 гектографированных выпуска очень интересной работы В. Ильина: «Что такое друзья народа и как они воюют с социал-демократами». Здесь велась речь о Михайловском, Южакове и Кривенко. Эта работа нигде не была напечатана. В ней было много ценного статистического материала, который частью вошел потом в другие работы В. Ильина[1].

Среди молодежи в эту зиму продолжали развиваться кружки самообразования; ею усердно изучалась русская действительность, к чему толчком служила и критика народничества со стороны марксистов. Из этих кружков вышло много марксистов. Среди студенчества за это время большим авторитетом пользовался «Союзный совет» землячеств, который содействовал об'единению кружков, выработке общих программ и т. д. В этот период студенчество стремилось сосредоточиться на выработке своего миросозерцания, оно старалось разобраться в том идейном перевороте, который переживала тогда русская интеллигенция, а по-

---

[1] Моя скромная характеристика этой работы В. И. Ленина об'ясняется, конечно, условиями легальной печати, в которой впервые были напечатаны эти воспоминания. Особенно подчеркивать революционный характер этой работы было, конечно, неудобно, тем более, что В. И. жил в это время легально в Петербурге.

Хотя и в таком виде, вся статья могла появиться в легальной печати лишь в условиях «дней свобод», когда относительная свобода печати была отвоевана революцией и была максимальной за все время существования монархии Романовых. Не упомянул я здесь тогда также по конспиративным соображениям, что группа Масленникова—Ганшина отпечатала на множительном аппарате эту брошюру в Москве (см. в этой книге восп. Масленникова, стр. 118).

Летом 1894 г. т. Ленин на даче около Люблина у сестры своей А. И. Елизаровой (где он кончал 3-ю часть «Друзей народа») часто видался со мной (первый раз я видел его в Нижнем летом 1893 г. у П. Н. Скворцова), очень интересовался московской работой, расспрашивая о характере этой работы, о типе московских рабочих, говорил о своих теоретических работах.

тому оно в своей массе относилось несочувственно к попыткам вызвать студенческие волнения по незначительному поводу. Но в это же время образовалась небольшая группа «студентов радикалов», которая, напротив, стремилась вызвать волнения и, воспользовавшись каким-то поводом, кажется, речью Ключевского по случаю смерти Александра III, стала собирать сходки в университете, но масса сознательного студенчества, во главе с «Союзным советом», была против этого. Члены «Союзного совета» ходили на сходки и уговаривали расходиться и не производить волнений; против волнений высказывались тогда и студенты-марксисты, которые, впрочем, и вообще-то очень мало интересовались академической жизнью, всецело поглощенные некоторые своим самообразованием, а некоторые уже работой среди рабочих. Но полиция поставила всех на одну доску: в ночь с 3 на 4 декабря было произведено много арестов; весь «Союзный совет», часть «студентов-радикалов», несколько марксистов, П. Н. Милюков и др. были разосланы по разным городам на 2—3 года. Эти высылки мало отразились на московской жизни, которая попрежнему шла живо, и как раз в это-то время, с начала 1895 года, марксизм стал приобретать все более приверженцев среди молодежи. Распространение легальной и нелегальной марксистской литературы и частое выступление марксистов в кружках и на собраниях дали возможность ознакомиться с марксизмом не только по статьям Михайловского и Кривенко. Но больше всего толкнуло интеллигенцию к марксизму начавшееся вскоре массовое рабоче движение. Прокламации к рабочим, празднование рабочими 1 мая 1895 года, большие аресты среди рабочих в 1895 году, петербургские стачки 1896 года — все это открыло глаза интеллигенции на существование у нее под боком революционного класса, который сможет сдвинуть русскую жизнь с той мертвой точки, на которую она попала в 80-е годы. Тогда начался массовый переход интеллигенции в марксизм, началось то «марксобесие», которое нашел в Петербурге писатель Тверской[1] при своем посещении России в 1896 году.

И в то время, когда еще в начале 1895 года сочувствующие марксизму среди студенчества в Москве считались немногими десятками, уже к началу 1897 года марксизм почти безраздельно господствовал среди него: марксистская литература имела необычайный успех, выход каждой книги первого легального марксистского журнала «Новое Слово» (с марта по ноябрь 1897 года) был целым событием.

---

[1] Тверской, писавший в «Вестнике Европы», долго жил в Америке и приезжал в Россию в 1896 г.

II

Я выше упоминал уже, что народники говорили, что активные марксисты должны итти в деревню и открывать там кабаки и ссудные кассы, но марксисты не последовали этим советам мудрых истолкователей Маркса; они иначе понимали своего великого учителя и иначе проявили свою активность: они пошли в рабочие массы с пропагандой социал-демократических идей.

В сентябре 1893 года из вышеупомянутого интеллигентского кружка выделился небольшой кружок из шести лиц для систематической пропаганды среди рабочих [1]. В Москве и до этого времени были кое-какие попытки со стороны марксистов заводить связи с рабочими, и у каждого из членов кружка были свои небольшие связи, заведенные еще зимой 1892—93 гг., но сколько-нибудь систематически, планомерно и широко это дело было поставлено впервые лишь с возникновением этого кружка. Прежде всего было образовано несколько кружков преимущественно из рабочих разных механических заводов и железнодорожных мастерских. Мы были счастливы, что нам сразу удалось натолкнуться на несколько очень дельных и интеллигентных рабочих. Что же это были за рабочие и откуда они взялись?

Пропаганда среди рабочих в Москве велась еще в середине 70-х годов (вспомним процесс 50-ти и речь на нем рабочего Петра Алексеева); в конце 70-х и в начале 80-х годов были связи среди московских рабочих у народовольцев, но с начала 80-х годов и по начало 90-х, т.-е. в течение 8—10 лет, в Москве, повидимому, не велось сколько-нибудь систематической пропаганды среди рабочих. Однако и в этот период у интеллигенции заводились кое-какие связи и знакомства с рабочими, по большей части рабочими более высших разрядов труда: монтерами, помощниками машинистов, токарями и т. д. Связи эти носили большей частью чисто культурный характер: рабочим давали читать «хорошие» книжки и велись за стаканом чая беседы. Небольшой кружок таких рабочих группировался около одного известного писателя-народника [2]; другой кружок образовал в 1889 или 1890 году студент Добронравов [3], живший в рабочем квартале, в Грузинах, и имевший родственников среди рабочих. Попадались небольшие толстовские кружки и отдельные толстовцы среди рабочих; сравнительно большой толстовский рабочий кружок в это время был на фабриках

[1] См. об этом в «приложениях» к настоящей книге, стр. 238.

[2] Н. Н. Златовратского.

[3] Фамилия его полностью была названа в воспоминаниях потому, что он умер в 1890 г.; и далее фамилии полностью назывались только лиц, умерших к этому времени.

Морозовых в Орехово-Зуеве. В это же время среди рабочих, особенно кончивших курс училищ или ремесленных школ, стало проявляться заметное стремление к самообразованию: они записывались в библиотеки, посещали городские читальни, публичные лекции, выписывали вскладчину либеральные газеты, по преимуществу «Русские Ведомости», больше всего ценя в них иностранный отдел, в котором попадались дельные статьи о рабочем движении на Западе. Вот из этих-то слоев рабочих и рекрутировались члены первых социал-демократических кружков. Приведу несколько примеров.

Был у нас знакомый рабочий, старый ткач, участвовавший еще в кружке Петра Алексеева. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, хорошо знающий натуру русского рабочего; он пользовался большим авторитетом и уважением среди рабочих. Он уже давно не имел связей с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельно устную агитацию среди рабочих на почве их экономических нужд, а также пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать администрацию и правительство[1]. Был еще у нас один кузнец из петербургского кружка лавристов; он тоже давно утратил связи с интеллигенцией, был большой индивидуалист и культурник, выписывал «Русские Ведомости», читал и вел разговор по поводу прочитанного со своими то-

---

[1] П. Н. Колокольников, работавший в Москве в 1895—96 гг., так пишет в своих воспоминаниях (ненапечатанных) об Ос. Васильеве:

«У Нового Богоявления на шерстяной фабрике Филиппова работал старик лет под пятьдесят. Звали его Осип Васильев. Родом он был из Гжатского уезда. Осип участвовал еще в революционных кружках 70-х годов и охотно вспоминал старину, но его рассказы помню теперь очень смутно. Он знал Петра Алексеева и любил порассказать о нем молодежи. Поминал еще высокого студента Ивановского. Это, очевидно, доктор Ивановский, брат жены Короленко, эмигрировавший в Румынию. Об его участии в попытках продолжать работу после провала кружка «московок» и кавказцев (процесс 50) рассказывает Вера Фигнер в «Запечатленном труде».

Благообразный старик с седеющей окладистой бородой и с порядочной лысиной, в ситцевой рубашке на выпуск под нагольным полушубком, Осип имел не внушающую подозрений наружность. Был он неугомонный и своеобразный агитатор. Живой и очень общительный, он вел агитацию повсюду и по всяким поводам. Неученая, бесхитростная речь пересыпалась остроумными шутками и невольно вызывала у слушателей улыбку.

Это он своими шутками отвел в сторону лесного сторожа, когда тот наткнулся на маевку 1895 г. во время речей ораторов и чуть было не сорвал ее.

Трудно найти человека, который бы так ловко умел подойти к совсем серому рабочему и так незаметно забросить в его душу семена недовольства существующими порядками.

Сам Осип был малограмотный и читал мало. Но книгу он ценил и много и умело распространял и нелегальной и легальной литера-

варищами по мастерской[1]. Из побывавших в народнических кружках того времени выделялся своей интеллигентностью молодой помощник машиниста на Смоленской дороге П.[2]; его принимали в рабочих кружках за интеллигента. Другой, очень интеллигентный токарь с завода Вейхельдта Б.[3], давно вел знакомство с интеллигенцией, много читал; мы его ценили как самого дельного и умного организатора и руководителя рабочим делом. Он в тюрьме и ссылке изучил английский язык и уехал в Англию; потом, через несколько лет, возвратился в Россию. Его приятель Саша Хозецкой, экспансивный юноша, слесарь, выдавался как талантливый и смелый агитатор. Он тоже после ссылки ездил в Англию, тоже возвратился и умер от чахотки. Из самоучек помню Федора Полякова, ткача; он мальчиком работал в фабричной аптеке на Раменской мануфактуре, брал читать книги у врача, изучал начатки латинского языка, читал по медицине, естественным наукам и философии; был прекрасный рассказчик-юморист, писал недурные стихи, выдавался как талантливый и очень любимый рабочими агитатор. Фабриканты его не выносили, он перебывал чуть ли не на всех фабриках московских и подмосковных, отовсюду его гнали, а после его ареста не принимали никуда и его жену. Он в ссылке, в Енисейской губернии, занимался фельдшерством, писал много корреспонденций, стихов, повестей в сибирских газетах. Умер от чахотки в Минусинске в мае 1903 г. Помню еще одного модельщика с фабрики Гоппера, С.[4]; он еще до знакомства с нами очень интересовался рабочим вопросом.

туры, точно чутьем угадывая, к кому, с какой книгой подойти. Знакомства у Осипа были большие. Он то-и-дело шел со мной к воротам той или иной фабрики в районе Нового Богоявления, вызывал через сторожа со спален «земляка» и сводил его в трактире с «нужным человеком» — со мной.

Впоследствии, после ареста, Осип Васильев остался без работы и стал торговать счетами вразнос, продолжая вести устную агитацию в простонародьи. Нередко тогда, с охапкой счетов под мышкой, заходил он ко мне передохнуть и попить чайку».

Б. А. Кварцев, работавший вместе с Колокольниковым, так характеризует Ос. Васильева в своих показаниях:

«О с и п В а с и л ь е в, товарищ известного рабочего Петра Алексеева, привлекался уже 3 раза, патриарх рабочего движения. Имеет обширный круг знакомств. Пользуется большим авторитетом у фабричных». Из показаний Б. А. Кварцева. Москва, 24 июля 1896 г., № 295—1896 г. Дело Деп. полиции, 7-е делопроизвод. «О Моск. соц.-демократ. кружке союза рабочих».

См. также об Осипе Васильеве восп. Лядова (стр. 77) и письмо Афанасьева (стр. 215). *М.*

[1] Константинов — рабочий брестских жел.-дор. мастерских.

[2] С. И. Прокофьев. См. в этой книге его воспоминания.

[3] Константин Федорович Бойле.

[4] Т. Т. Самохин.

перечитал все легальные книги, которые мог достать в библиотеке по этому вопросу; изучал язык эсперанто и французский с целью завести переписку с заграничными рабочими, давно жаждал знакомства с интеллигенцией и был очень рад, когда встретился с нами [1]. Первой книжкой, которую он от нас получил, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил. Он сам составил и вел с большим успехом кружок модельщиков; когда они усвоили хорошо вопросы о рабочем дне, заработной плате, о роли машин и т. д., тогда С. передал нам свой кружок, заявив, что его рабочие усвоили достаточно экономическую часть программы занятий, теперь хотят ознакомиться с политическими вопросами и с историей. С помощью этих и нескольких других рабочих было организовано несколько кружков. Программа занятий в кружках была такова: сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее, лекция за лекцией, излагался 1-й том «Капитала», при чем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, и таким образом попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом.

Среди рабочих, участвовавших в кружках, а через них среди гораздо более обширного круга рабочих распространялась литература. Какая же литература была в распоряжении нашего кружка? Во-первых, брошюры, изданные за границей группой «Освобождение труда» (начиная с начала 1894 года, мы их получали довольно много). Брошюры были такие: «Речь Петра Алексеева», «Речь Варлена», «9-часовой рабочий день» Плеханова, «Кто чем живет» Дикштейна, «4 речи петербургских рабочих на 1-е мая». Во-вторых, кружок сам занялся литературной деятельностью. Тов. Кружковский написал очень хорошую брошюру — популяризацию Маркса — с примерами из русской жизни; она была впоследствии отгектографирована (в 1895 г.); тов. В. [2] написал брошюру о первоначальном накоплении, тоже с примерами из

[1] К этому случаю вполне применимы след. слова. Ленина: «Таким образом налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим» (Ленин, соч., т. IV, стр. 385), равно как и рабочих, рвущихся к этой революционной молодёжи, — можем мы добавить.

[2] А. Н. Винокуров.

КЛУБ

русской истории; тов. М. М.[1] — брошюру «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются» и переделку на русский лад «Религии капитала» Лафарга. Затем было переделано несколько польских брошюр: «О конкуренции», «Рабочая революция», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день». Все эти брошюры были пересланы для издания за границу, но были напечатаны лишь три последние[2]. Кроме этих брошюр давали рабочим читать целый ряд переводных брошюр: Каутского, Шиппеля, Гэда, Лафарга. Все они были рукописные; для переписки их образовался целый штат переписчиков — студентов, курсисток, рабочих; среди переписчиков было даже двое городовых — родственников рабочих. У кружка был гектограф, потом, к концу 1894 года, мимеограф и маленький типографский станок, но по преимуществу для листков; брошюр было гектографировано всего две или три. Кроме нелегальной распространялась и легальная литература: Бэллами «Через 100 лет», Вебба и Кокса «8-часовой рабочий день», «Фабрика» Дементьева, некоторые журнальные статьи и вырезки из газет, наклеенные на тетрадку, по преимуществу о рабочем движении на Западе.

Теперь расскажу о некоторых особенностях в постановке дела в нашем кружке сравнительно с современными ему кружками в других русских городах.

Раньше, чем в Москве, началась социал-демократическая пропаганда в Петербурге; там она ведет свое начало со второй половины 80-х годов, непосредственно переплетаясь с пропагандой «народовольцев». Затем, в 1891—93 гг., началась пропаганда и во многих других городах: в Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Казани, Н.-Новгороде и др. (я здесь не имею в виду Польши и сев.-зап. городов, где соц.-дем. пропаганда началась раньше, в 80-х годах). Во всех вышеупомянутых городах работа велась чисто кружковая, пропагандистская. Расскажу, как велось дело, например, в Н.-Новгороде; такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов в 1892—95 гг. В Нижнем в 1892 году были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входило человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь 1-й том «Капитала». Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце концов из этих рабочих вырабатывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей

[1] М. Н. Мандельштам-Лядов.

[2] Эта литература переиздана изд. «Моск. Рабочий» в 1930 г. под заглавием «Литература Моск. рабочего союза».

«серяков». Но находились некоторые товарищи, которые считали такое ведение дела вполне правильным и нормальным. Так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может рабочего считать социал-демократом, прежде чем он не проштудирует всего Маркса [1]; на брошюры, а тем более на листки, он смотрел с презрением и считал их не только не полезными, но даже вредными; просто все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучивших Маркса; они будут привлекать к этому изучению все новых членов; со временем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия. Это был крайний представитель кружковщины. У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная. Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах, о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, они, по возможности, передавали своим товарищам по работе; мы их учили также пользоваться для агитации, для прояснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали такие собрания, которые теперь называются «летучками»: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры или совсем еще ничего не читавших, человек 15—25, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Из среды таких собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий. На этих беседах особенно выделялся рабочий Н.[2] своим умением действовать на серяка аргументами из священного писания и примерами из обыденной жизни. Этот Н. в «декабрьские

[1] П. Н. Скворцов.
[2] Е. И. Немчинов (см. его восп.).

дни» 1905 г. был влиятельным депутатом на одном московском заводе. Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. О содержании листков я скажу ниже. Эти листки раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяют клубы[1]. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода, по поводу задумываемой стачки и т. п. Первый такой листок был издан нами в феврале 1894 года по случаю стачки на какой-то фабрике (точно не помню, но, кажется, на заводе Вейхельдта). Надо здесь заметить, что полицейский надзор за рабочими в то время был несколько ослаблен. Об'ясняется это тем, что пропаганда среди рабочих для Москвы была совершенно новым явлением, и внимание полиции совершенно не было направлено в эту сторону. Она много занималась и интересовалась студенчеством, а рабочие были в забросе. Это дало возможность около двух лет проработать при сравнительно свободных условиях: устраивались собрания в рабочих квартирах, агитаторы открыто выступали в мастерских, листки висели на фабриках дня по два и т. д.

Чем же об'ясняется, что московские социал-демократы сразу взялись за агитационный метод? Думается, что на это натолкнули прежде всего условия и обстановка, в которой пришлось им работать: скопление больших масс пролетариата на громадных фабриках Московского района, тяжелые условия труда, особенно на ткацких фабриках, толкали рабочих на борьбу, которая и началась уже стихийно, проявляясь иногда в очень резких формах, как, например, во время морозовской стачки в 1885 г. Но, говоря о новом пути, на который сразу так успешно встало рабочее дело в Москве, нельзя не упомянуть о товарище С.[2], который много способствовал широкой постановке работы. Он приехал в Москву с Запада; до этого он живал в Польше и в Северо-Западном крае, был хорошо знаком с польским и еврейским рабочим движением; он и ознакомил нас с постановкой работы в Западном крае; благодаря ему же мы ознакомились с польской агитационной литературой. Совместная работа и беседы с ним и способствовали скорей-

---

[1] Т.-е. в уборных.
[2] Евг. Игн. Спонти (см. его восп.).

шему переходу к новой тактике. Скоро эта новая тактика получила и свое теоретическое обоснование. Произошло это при таких условиях: один из членов кружка[1] в январе 1894 года поехал в Вильну за литературой. В это время там тоже очень живо обсуждался вопрос о переходе от пропаганды к агитации. До этого времени пропаганда велась там среди евреев на русском языке и распространялась русская легальная и нелегальная литература; теперь же был поставлен на очередь вопрос о переходе к агитации на еврейском языке, как языке более доступном для широкой массы. Наш посланный рассказал, что вопрос об агитации в высшей степени интересует и москвичей. На собрании была выработана резолюция по этому поводу, и один из товарищей обещал написать обоснование этой резолюции. Через некоторое время он это выполнил, и потом сообща с нашим посланным и была редактирована брошюра «Об агитации», которая потом, в 1896 или 1897 г., была напечатана за границей с предисловием Аксельрода. Эта брошюра и явилась нашим кредо.

Главная ее мысль была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо прежде всего вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и таким образом процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосредственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания.

Вот эту-то тактику мы и проводили в своей работе. Главный мотив нашей пропаганды и агитации, главное содержание листков и брошюр были экономические: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплоатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне за-

[1] Поехал в Вильну автор этой статьи С. И. Мицкевич.

труднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического режима[1]; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие принимают участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались мы провести в каждом листке, в каждой брошюрке и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность фанагорийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в мае 1895 г.) — все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто политические темы: так, напр., была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой была изложена политика этого императора и указывалось на ее чисто классовый характер[2]. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как, напр., в листке по поводу архиерейского молебна на заводе «Добров и Набгольц», деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

В общем следует сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе, они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике успешно достигалась и цель политического воспитания. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика, сравнительно с прежней народовольческой, скорее приводит к цели развития политического сознания у рабочего. «Несколько лет тому назад, — рассказывал он, — жил я в Туле, на оружейном заводе; там

[1] Ленин так характеризует работу марксистов того времени:
«Первые (курсив везде подлинника. — С. М.) социал-демократы этого периода (т.-е. середины 1890-х годов — С. М.), усердно занимаясь экономической агитацией и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации», не только не считали ее единственной своей задачей, а напротив, с самого начала выдвигали и самые широкие задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности (Ленин, соч., т. IV, стр. 385).

[2] См. в кн. «Литер. Моск. раб. союза».

один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже, и ушел от него; а вот как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе и о боге». Другой рабочий прочитал брошюру Плеханова «8-часовой рабочий день», в которой мало говорится о политике, и после ее прочтения тоже стал высказывать резким образом республиканские взгляды. И подобных примеров было много.

Наша новая тактика не сразу была понята и оценена в других городах. Я помню разговор с одним казанцем и одним нижегородцем, которые наши листки называли вульгаризацией, чуть ли не профанацией Маркса. Казанец[1] говорил, что это — возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам «Народной Воли», что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; достаточно-де легальной литературы и устных бесед в кружках. А когда я дал прочесть брошюру «Об агитации» одному петербургскому соц.-демократу[2] (потом видному деятелю в партии), то на мой вопрос, как она понравилась, он только сказал, что, по его мнению, там неправильно изложен вопрос о рынках; на главную мысль брошюры он даже не обратил внимания. Но, как бы то ни было, эта брошюра сыграла свою роль.

С увеличением наших связей среди рабочих, с увеличением числа кружков скоро перед нами встал организационный вопрос. Решено было создать центральный рабочий кружок, в который входило бы по одному представителю от каждого вполне сформировавшегося заводского кружка. Заводский кружок состоял из рабочих одного завода, занимающихся в пропагандистских кружках; этот заводский кружок вел дело агитации и организаций на своем заводе; около него группировались более сознательные рабочие, одним словом, он выполнял ту роль, которую выполняют теперь[3] «заводские комитеты».

Центральный рабочий союз, составленный из представителей всех заводских кружков и пополненный несколькими интеллигентами, ведущими непосредственную работу среди рабочих, по мысли некоторых товарищей, и должен был играть роль коллектива, который заправлял бы всем

---

[1] Сигорский, марксист, высланный из Рязани и живший в то время в Нижнем-Новгороде.

[2] М. С. Сильвину, потом привлекавшемуся по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение раб. класса»; в 1904—05 гг. был членом ЦК РС-ДРП, ныне беспартийный.

[3] Т. е. в 1905—06 гг.

рабочим делом в Москве. Этот союз должен был собирать материал для агитации, для листков, для брошюр, он должен был давать «директивы» для всей организации, он же должен был заведывать техникой, транспортами, сношениями с другими городами и т. д. Некоторые говорили, что рабочие еще недостаточно подготовлены для руководства движением, особенно же неудобно передавать в такой большой кружок конспиративную часть (технику, транспорты, сношения), и даже существование такого союза они считали неконспиративным, так как это может привести к провалу всех верхов организации. Всем делом, по мысли этих товарищей, должен руководить интеллигентский кружок, который кооптирует наиболее подготовленных рабочих. Оба направления сошлись на компромиссе: центральный рабочий союз был организован, но на ряду с ним оставался прежний интеллигентский кружок, в который было принято трое рабочих; за этим кружком оставлено высшее идейное руководство движением и конспиративная часть; рабочий же союз играл роль, так сказать, совещательного учреждения, собирал материалы, передавал связи; на его собраниях читались проекты листков и часто вносились изменения по указанию рабочих.

Первое собрание центр. рабочего союза было в апреле 1894 года. На нем были представители от кружков с заводов: Гужона, Вейхельдта, Листа, Бромлея, Доброва и Набгольц, Гоппера, Грачева, из Брестской и Казанской железнодорожных мастерских, с фабрик Михайлова, Филиппова и еще нескольких. С образованием рабочего союза дело пошло еще живее: росло число связей, кружков. Особенно же живо пошло дело летом 1894 г.: стали устраиваться часто за городом собрания, на которых выступали наши ораторы, начали заводиться связи с подмосковными фабриками и городами; так были заведены связи с Орехово-Зуевым, Раменской мануфактурой, с г. Ковровом, Тулой и некоторыми другими. Были попытки уходящими в деревню на летние работы рабочими вести агитацию в деревне, и в двух экономиях в Московской губернии под влиянием этой агитации были вызваны стачки батраков. В самой Москве в то лето тоже была стачка, кажется, у Цинделя, и на двух-трех заводах рабочие волновались и пред'явили требования хозяевам, которые и были частью удовлетворены, и дело не дошло до стачки. Были выпущены листки по этому поводу. Связи заводились замечательно легко и просто. Так, например, один рабочий ходил постоянно на Москву-реку, где рабочие имеют обыкновение купаться; там он заводил с ними разговоры, давал читать литературу, заводил знакомства.

С осени 1894 г. образовался женский интеллигентский соц.-дем. кружок[1], который имел целью заводить связи с женщинами-работницами, ткачихами, модистками и т. д., что и удалось ему в довольно значительных размерах. Среди женщин-работниц выдавалась одна ткачиха, как агитаторша; она была неграмотная, и ей читали листки и брошюры другие. Интересно, что многие неграмотные рабочие, затронутые агитацией, стали проявлять сильное стремление научиться грамоте и часто учились читать по нелегальным брошюрам.

В это время у нас зародилась уже мысль о рабочей газете. Материала для такой газеты было у нас достаточно. Думали мы ее назвать «Рабочее Дело», но пока не была достаточно хорошо поставлена техническая часть, пришлось ограничиться изданием серии листков. Были изданы листки «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем», «Разговор с фабричным инспектором», «Разговор фабриканта и рабочего» и несколько других. Последние два из упомянутых были диалоги в юмористической форме. В ноябре 1894 г. мы получили из Петербурга сборник, изданный на гектографе «группой народовольцев»[2]. Он был превосходно составлен. В нем были статьи и на общие темы и корреспонденции с заводов. Очевидно, мысль о рабочей газете возникла одновременно в Петербурге и Москве; в Петербурге только почему-то была осуществлена раньше у народовольцев, чем у социал-демократов. За границей в это время народовольцами издавался «Русский Рабочий», который и мы не отказывались распространять за недостатком литературы.

Так шло дело без всяких помех со стороны полиции до декабря 1894 года, но еще летом, а особенно осенью, полиция обратила внимание на начавшееся в рабочей массе брожение, и началась слежка за некоторыми интеллигентами и рабочими. В декабре 1894 года, как я уже говорил в 1-й главе, были в Москве произведены аресты и высылки под предлогом начавшихся студенческих волнений. В числе высланных оказались почти все члены интеллигентского кружка; один товарищ уехал около этого времени за границу для установления постоянных сношений и для постановки издательской части[1]. Из интеллигентского кружка остался толь-

---

[1] В составе С. Н. Мураловой, А. И. Смирновой, П. Мокроусовой-Карпузи и др. (см. восп. С. И. Мураловой).

[2] Во главе с М. С. Александровым-Ольминским; кружок носил переходный характер от народовольческого к марксистскому.

[1] Е. И. Спонти ((см. его восп.).

ко один интеллигент, а из рабочих никто тогда не пострадал. Когда интеллигенты-руководители почти все исчезли [1], то руководство делом естественно перешло к рабочему союзу; интеллигентский кружок пополнился несколькими молодыми студентами и стал играть служебную роль: заведывал конспиративной частью, писал листки, но темы и окончательная редакция перешли в рабочий союз. Тогда же была сделана попытка ввести специализацию функций: занимающиеся технической частью не должны были иметь дела с рабочими и т. п., но это плохо удавалось: народу подходящего было мало, а работы масса; таким образом одному и тому же лицу приходилось и писать, и в типографии работать, и в кружках заниматься. Конспирация вообще плохо соблюдалась. Многие рабочие знали друг друга и интеллигентов по фамилиям, ходили друг к другу на квартиры и т. д.

В общем дело продолжало итти хорошо. На некоторых фабриках целые мастерские примкнули к движению вместе с мастерами. Так, на заводе Гоппера мастер [2] принимал в свою мастерскую только сознательных рабочих, другой — у Бромлея — преимущественно рабочих, читающих «Русские Ведомости». Выпускались листки, было поставлено 2 мимеографа, 1 типографский станок. Так обстояло дело к весне 1895 г.

Приближалось 1 мая, которое было решено отпраздновать. В апреле по этому поводу были выпущены 3 листка. Общее собрание решено было устроить 30 апреля, в воскресенье, из представителей фабрик и заводов московских и подмосковных. Собралось около 200 человек [3] близ ст. Перово. Говорили речи тов. М. [4], рабочие Поляков и К. [5] и несколько других на тему о необходимости организации рабочего класса, о необходимости борьбы, о 8-часовом рабочем дне; указывалось на громадные успехи рабочего дела в Москве, несмотря на его молодость. Была принята резолюция: об'единить всех сознательных рабочих в «рабочий союз» и завести постоянные сношения с другими городами.

---

[1] Дальнейшая часть воспоминаний была мною написана по рассказам участников, оставшихся на свободе после дек. 1894 г. и арестованных летом 1895 г., с некоторыми из которых (Лядов, Поляков) я встретился в марте 1897 г., когда нас после приговора перевели из одиночек в общую камеру Бутырской перес. тюрьмы.

[2] См. в приложениях о зав. Гоппера (стр. 220).

[3] Масленников определяет число участников в 200—250 (см. стр. 121), Лядов (стр. 84) — 300, Поляков в своих жандармских показаниях тоже называет цифру 300.

[4] М. Н. Мандельштам-Лядов.

[5] А. Д. Карпузи.

Настроение рабочих на собрании было очень приподнятое, чувствовалось большое воодушевление и вера в свое рабочее дело. Решено было на другой день устроить отдельные собрания по заводам. После окончания речей начались песни, пели марсельезу, дубинушку, куплеты одного рабочего поэта, ткача Ц. Потом пошли всей толпой по направлению к городу; не доходя до города, разошлись в разные стороны.

На другой день состоялось несколько собраний в разных районах; на них раздавались листки, говорились речи. листки были распространены и на гуляньях.

Так отпраздновали в Москве первую рабочую маевку 1 мая 1895 г. Эта маевка имела большое значение, о ней много гворили по фабрикам и заводам. Слухи о размерах собраний ходили преувеличенные, говорили о собраниях в 5.000 человек. Дошли эти разговоры и до фабричной администрации. На одной фабрике директор говорил речь к рабочим и доказывал им невозможность введения у нас 8-часового рабочего дня.

После этой маевки дело пошло еще живее. В это время возникла мысль об устройстве с'езда представителей организаций разных городов. Из Москвы для переговоров по этому поводу были посланы товарищи в Екатеринослав, Киев, Ярославль. Были связи с Нижним-Новгородом, Саратовом, Петербургом и некоторыми другими городами.

Рабочие собрания устраивались в мае очень часто. В это время началась за несколькими лицами упорная слежка, они сопровождались целыми стаями шпионов; но они дела не оставляли и продолжали ходить по собраниям. Да и как было бросить, кому передать? Еще мало было тогда марксистской интеллигенции, способной и желавшей работать в рабочей среде.

В начале июня было в Сокольниках собрание представителей от заводских кружков. Всего было человек 80 от 29 фабрик и заводов. На этом собрании было решено через неделю собрать большое собрание из всех более или менее сознательных рабочих; ожидалось до 2.000 человек. Но этому собранию не суждено было состояться. Уже описанное собрание из 80 человек было прослежено, со многих были сделаны шпионами снимки, и 10 июня были арестованы все интеллигенты, принадлежащие к организации. Был взят мимеограф и типографский станок. Из рабочих опять-таки никто не был арестован, хотя полиция многих из них проследила. Очевидно, полиция решила выловить всех сразу и с этой целью продолжала слежку. Оставшиеся рабочие про-

должали дело, писали листки, типографщик Н.[1] печатал их в легальной типографии[2].

В августе был арестован почти весь центр. рабочий кружок и много рабочих из организации. Всего было арестовано несколько десятков человек. Часть из них была выпущена через несколько недель, часть просидела в тюрьме 7 месяцев, а 17 человек просидели до приговора, 1 г. 8 месяцев.

Приговор получили 49 человек в административном порядке, «по высочайшему повелению»[3]. Самое меньшее наказание было — гласный надзор с запрещением жить в столицах и некоторых городах, к чему были приговорены 2 или 3 человека; 13 человек были сосланы в Архангельскую губернию на 3 года, 1 — на 3 года в Восточную Сибирь (Ф. Поляков), а 4 — на 5 лет в Якутскую область. Двое сошли с ума в тюрьме: студ. Кирпичников и Григорий Мандельштам; последний умер вскоре после приговора в больнице для душевнобольных[1].

---

[1] Роман Наумов.

[2] Следует еще сказать о связях нашей организации с марксистскими организациями в других городах. Через В. И. Ленина и М. А. Сильвина (нижегородца, тогда студента Петербургского университета) мы имели связь с Петербургской организацией, через меня же мы держали связь с нижегородцами, через Н. А. Вигдорчика (тогда киевского студента-нижегородца) мы поддерживали связь с Киевом, через И. А. Давыдова (тогда дерптского студента) — с Дерптской группой, через студ. Каверина (см. его письмо, стр. 216) — с Ярославлем, через Гр. Мандельштама — сначала с г. Орлом, потом Екатеринославом, через А. А. Богданова — с Тулой, через городского судью С. П. Шестеркина — с Иваново-Вознесенском; о связях с Ковровом, Раменским и др. см. воспоминания Лядова (стр. 90). Пересылали литературу печатную и рукописную, делились новостями и обменивались опытом работы.

Кроме нашей группы, марксистскую пропаганду в Москве в это время, в 1893—95 гг., вели уже и другие кружки и одиночки, с которыми мы иногда встречались в рабочих кружках или о них нам передавали наши знакомые рабочие. Так, я в 1894 г. познакомился, кажется, через С. И. Прокофьева со студентом-медиком А. Н. Орловым, который тогда, как одиночка, был очень конспиративен, потом, в 1896 г. он вошел в организацию «Моск. рабочего союза» и был арестован в декабре 1896 г. Начинал свою работу среди рабочих в 1894 г. кружок Величкиных и В. Д. Бонч-Бруевича; их связи также переплетались с нашими. С весны 1895 г. начал заводить связи среди рабочих П. Н. Колокольников, вошедший осенью 1895 г. в кружок Величкиных. Этот кружок после провала нашей организации перенял наши оставшиеся связи и широко развернул работу в 1896 г., приняв название «Московского рабочего союза».

[3] См. приговор, стр. 248.

А. Винокуров

О возникновении Московской партийной организации

I

Опубликованные материалы и воспоминания, а также автобиографии участников этого периода дают в общем правильную картину возникновения Московск. парт. организации, хотя здесь имеются еще некоторые неясности, неполнота и недоисследованность как в отношении тех кружков, из которых в конце 1893 г. возникла Московская организация, так и в отношении роли главных участников. Задачей является теперь критически проверить имеющиеся и собрать дополнительные материалы.

Основным и наиболее близким к истине является автобиографический материал главных участников движения этого периода. Такие автобиографии напечатаны в прилож. к Энциклопедич. словарю б. Гранат «Деятели СССР и Октябрьская революция».

На стр. 79, т. 41, ч. 2, в автобиографии А. Н. Винокурова находим след.: «В первой половине 1892 года в Москве образуется один из первых марксистских кружков, из которого в 1893 г. родилась первая московская революционная с.-д. организация».

На стр. 79, т. 41, ч. 2, вып. 1—2 в автобиографии С. И. Мицкевича читаем: «Приехав осенью в 1890 г. в Москву, я целый год искал в Москве марксистов, но никого найти мне не удалось... В Москве з и м о й 1891—92 г. (разбивка моя — *А. В.*) я, наконец, нашел кружок марксистов, в который входили: Ар. Ив. Рязанов, А. Н. Винокуров, И. А. Давыдов, Гр. Н. Мандельштам, М. Н. Мандельштам и др. У них было много марксистской литературы на русском и немецком языках. Немецкую литературу они деятельно переводили и распространяли в рукописном виде среди интеллигенции... В сентябре (28/IX стар. стил.) 1893 г. из интеллигентского кружка выделился кружок с целью организации систематической пропаганды среди рабочих из 6 человек (А. Н. Винокуров, П. И. Винокурова, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштам (Лядов), С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев)».

Наконец, М. Лядов в своей автобиографии (т. 41, вып. IV—V, стр. 346) пишет:

«В августе 1891 г. я был уволен в запас младшим унтер-офицером и вернулся в Москву. Благодаря технику Круковскому и брату Григорию заинтересовался марксизмом... Окончательно стал с.-д. весной 1892 г. (кус. мой. — *А. В.)*. После ареста Григория, благодаря, главным образом, Александру и Пелагее Винокуровым, под их руководством стал переводить Бебеля «Женщина и социализм» и ряд брошюр из немецкой с.-д. библиотеки. Через них же вошел в марксистский кружок Арк. Ив. Рязанова. В ноябре 1892 г. был впервые арестован по делу кружка Круковского, Ванновского, Егупова и др. После краткого тюремного заключения целиком отдался с.-д. работе. В 1893 г. принял участие в организации Московского рабочего союза (?). В 1894 году помогал организовать нелегальную типографию в Москве».

Из приведенных выписок следует: 1) что уже зимой 1891—92 г. в Москве существовал большой, по тому времени, вполне выдержанный марксистский кружок в составе Ар. Рязанова, А. Винокурова, двух Мандельштамов и др., который имел много марксистской литературы, занимался переводом немецкой с.-д. литературы и распространял ее, гл. обр., еще в студенческой среде (данные С. И. Мицкевича). Это подтверждает и т. Лядов, который весной 1892 г. познакомился с Винокуровыми, получал от них немецкую литературу для перевода и введен был в указанный выше кружок [1]; 2) что кружок Круковского в составе Круковского, Гр. Мандельштама, Ванновского и др. возник раньше вышеуказанного кружка (еще в 1891 г.) и существовал совершенно независимо от него. Поэтому валить оба кружка в одну кучу, как это делает Н. Милютина в своих «Первых шагах», совершенно неверно. В действительности было так: после разгрома кружка Круковского, в апреле 1892 г. Гр. Мандельштам, Мартын Мандельштам влились в новый кружок, при чем Круковский после выхода из тюрьмы, живя в Нижнем-Новгороде до высылки в Одессу, и Розанов, высланный также в Нижний, поддерживали связь с этим кружком.

Доказательство этому мы находим в ст. Максакова «Пионеры с.-д. в Москве» (по данным Московск. историч. револ. архива):

«В делах охранного отделения (№ 597—90) имеется копия отношения московского обер-полицеймейстера от 23/XI

[1] Как увидим ниже, этот кружок состоял, собственно, из двух кружков.

1892 г. к начальнику Московск. жандар. управления следующего содержания: «Студент А. С. Розанов принадлежал к кружку Г. М. Круковского и М. Л. Мандельштама... Руководит этим кружком Круковский... В него (кружок) вошли: М. Егупов[1], В. Ванновский, А. Переплетчиков, М. Мандельштам, Розанов, К. Чекеруль-Куш и др.». Здесь устанавливается цепочка между нашим кружком и кружком Круковского, откуда к нам перешли Гр. и М. Мандельштамы, Чекеруль-Куш и др.

II

Мои личные воспоминания, как активного участника указанного периода Московск. организации, в общем подтверждают указанные факты, внося некоторые уточнения.

Я приехал в Москву учиться в университет осенью 1888 г. Через год, осенью 1889 г., в Москве организовалось екатеринославское землячество, в котором образовалась левая революционная (неоформленная) группа (пишущий эти строки, Ив. Муралов, С. Муралова, П. Калугина, П. Винокурова, А. Барабаш, Куш и др.). Землячество имело кружки самообразования, в которых читались Чернышевский, Миртов, Лассаль, Шефле и др. Марксизма в этих кружках не было еще ни грана. Кроме землячесских кружков в то время в Москве были и отдельные революционные группы. Так, в 1890—1891 гг. существовала и скоро была ликвидирована народовольческая группа Аносова, Балакиревой и др. Мы имели связь с этой группой и получали через нее нелегальную литературу. Позже, в 1891—1892 гг. образовалась другая революционно-народническая группа, кружок писателя Астырева, которая стала на путь широкой крестьянской агитации (рассылала прокламации к крестьянам по поводу голода). В это время уже образовался наш марксистский кружок, и интересно отметить, что в рассылке прокламаций, надписании адресов, опускании в почтовые ящики мы приняли участие. Я отмечаю этот факт, так как он с несомненностью указывает, что наш марксистский кружок придавал значение революционной агитации и среди крестьян.

Впервые маркиста я встретил в конце 1890 г. в лице И. Давыдова, который в это время обладал уже достаточной эрудицией в области марксизма (читал Маркса, Зибера и др.).

[1] В действительности Егупов был организатором другого, не марксистского кружка и в кружок Круковского не входил. Из кружка Егупова вошел членом в кружок Круковского В. Ванновский, ставший потом с.-д. (см. Н. Милютина — «Первые шаги»).

И. Давыдов принадлежал к рязанскому земляческому кружку, о котором упоминает донесение охранки по поводу ликвидации с.-д. кружка С. Мицкевича, А. Винокурова и др. («На заре рабочего движения в Москве», 1919 г., стр. 58). Этот рязанский кружок сыграл немалую роль в деле развития марксизма в Москве, дав марксистов: Ар. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова и др. Кружок этот имел два течения: одно народовольческое, впоследствии давшее с.-р., другое — марксистское. Ар. Рязанов в своих воспоминаниях говорит, что рязанский кружок сначала был народовольческим, а затем принял марксистское лицо. Ар. Рязанов говорит, что он читал и усвоил Маркса уже в 1886 г. и что под его влиянием к марксизму пришел И. Давыдов. Таким образом можно установить такую цепь первых марксистов в Москве: Ар. Рязанов, Гр. Мандельштам, Круковский, И. Давыдов, С. Мицкевич, А. Вунокуров, М. Мандельштам и др.

Из указанных земляческих кружков и выделились почти одновременно в начале 1892 г. две марксистских группы: Первая, в составе Гр. Мандельштама, А. Н. Винокурова, П. И. Винокуровой, К. и А. Куш, Н. Шатерникова. Эта группа поселилась коммуной в одной квартире и стала центром собирания марксистских сил. К ней позже присоединились С. Мицкевич и М. Мандельштам. Кружок переводил с.-д. литературу, вел пропаганду на студенческих вечеринках. Пишущему эти строки пришлось не раз бывать на этих вечеринках с Гр. Мандельштамом и пропагандировать марксистские идеи. Нужно сказать, что в это время (начало 1892 г.) марксизм только еще начал проникать в среду молодежи, и нам часто приходилось иметь против себя большинство собрания. Вторая марксистская группа образовалась в составе А. Рязанова, Давыдова, Жданова, Калафати и др. (Давыдов скоро уехал в Дерпт) [1].

Эти группы поддерживали между собой тесную связь, но организационно не сливались и стали об'единяющим центром для марксистов с.-д. того времени. Вокруг названных групп сгруппировались кадры примыкающих (Кирпичников, Дурново, Смирнова и др.), которые оказывали всякое содействие в виде хранения литературы, переписки, печатания, распространения и т. д. Уже тогда намечался тот тип организации, который впоследствии дал Вл. Ил., с профессиональными революционерами во главе, примыкающими к ним группами и пр.

Необходимо отметить, что характер указанных групп все время был несколько различный. Кружок в составе Ряза-

---

[1] Примеч. к этому месту в виду его обширности помещено в конце ст. А. Н. Винокурова (см. стр. 39). *С. М.*

нова, Давыдова, Калафати и др. по составу был интеллигентский, по своей деятельности носил более теоретический характер, имел задачей пропаганду марксистских идей в студенческой среде и борьбу с народническим мировоззрением. Отсюда частые выступления на студенческих вечеринках, отмеченные в ряде воспоминаний. Соответственно и работа этой группы была более теоретическая: подбиралась марксистская литература, собирался статистический материал, подтверждающий развитие капитализма в России и опровергающий народнические теории, выписывалась из-за границы и переводилась с.-д. литература и т. д. Однако необходимо сказать, что самостоятельных теоретических работ по марксизму московские кружки не дали. Гегемония в этом отношении принадлежала Петербургу.

Что касается нашей группы, то она все более склонялась к практической работе — к пропаганде, а затем и агитации среди рабочих с целью политического и социалистического воспитания рабочих и их организации для революционной борьбы с капиталистами и абсолютизмом. Этим нужно об'яснить то, что наша группа быстро перешла к переводам заграничной (и польской) с.-д. популярной литературы, к переделке ее, приспособляя ее к тогдашнему состоянию рабочего движения, а также к составлению собственных популярных брошюр. Наконец в сентябре 1893 года выделилась «шестерка» в составе 5 интеллигентов (А. Винокуров, С. Мицкевич, М. Мандельштам, П. Винокурова и Спонти) и одного рабочего (Прокофьев), которая и явилась первой ячейкой Московской парторганизации. А через полгода, в апреле 1894 г., образовался первый руководящий центральный рабочий кружок, в который входили рабочие нескольких заводов и фабрик. Произошла смычка пролетарского социализма (марксизма) со стихийным рабочим движением, о чем впоследствии (1899 г.) говорил Вл. Ил. в своей статье «Попятное направление в русской с.-д.» (Сочин., т. II, стр. 535—38): «Во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление слить социализм и рабочее движение в единое соц.-демократическое движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в сознательную борьбу пролетариата за свое освобождение, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая с.-д. партия». Одним из зародышей такой партии и была возникшая первая Московская организация, в которой и началось слияние пролетарского социализма со стихийным рабочим движением Москвы и Московской губернии.

Эта первая Московская организация описана в различных источниках (Воспоминания С. И. Мицкевича, «История РС-ДРП» Лядова) довольно подробно. Схема этой организации в виде руководящего центра, центрального рабочего кружка и ряда ф.-з. кружков весьма напоминает ту форму парторганизации, которую впоследствии дал Вл. Ил. в своем «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (Соч., т. V, стр. 179 и др.). В этом «Письме» Вл. Ил. дает общий тип организации в виде единого комитета из профессиональных революционеров, рабочих и интеллигентов, в который должны входить «главные вожаки рабочего движения из самих рабочих», небольшой распорядительной группы комитета, ф.-з. подкомитетов и разного рода обслуживающих кружков и групп (т. V, стр. 181, 186, 187).

III

Первая Московская организация, состоящая в значительной части из рабочих, за время своего существования в течение 1894 г. и половины 1895 г. проделала огромную работу. Из группы в десяток горячо преданных и глубоко веровавших в торжество рабочего дела человек эта организация за один-полтора года превратилась в солидную организацию сотен сознательных рабочих, воспитанных в духе классового самосознания, дисциплинированных и готовых вести рабочие массы на борьбу с капиталистами и самодержавным правительством. Через год пропаганда и агитация из конспиративных квартир широко разлилась по фабрикам и заводам и, наконец, 1 мая 1895 года вышла на улицу в виде майской демонстрации. Нельзя не отметить той огромной работы, которую проделали в это время руководители и активные участники организации. Заваленные своей учебой, службой или работой на фабриках и заводах, они находили время и энергию вести пропаганду и агитацию, не ограничиваясь только руководством, но беря на себя самую черную революционную работу. Например, С. Мицкевич поселился в моей квартире для того, чтобы поставить только что приобретенный мимеограф и начать печатание в широких размерах, так как мы подошли к такому моменту, когда литература требовалась дозарезу, а переписывание, гектографирование и т. п. не могли уже удовлетворить спроса на брошюру, листовки и проч.

При этом мы проводили жестокую конспирацию, которую впоследствии так рекомендовал Вл. Ил. в вышеназванной его статье об организационных задачах. Движение в это время все боле выходило на улицу, и нужно было его вводить в надлежащее русло. Этим об'ясняется то, что первая Мо-

сковская организация, несмотря на то, что за членами ее уже была слежка, как это теперь известно из материалов Охр. отд., могла так широко развернуться. К сожалению, после ареста значительной части руководящего центра в декабре 1894 года оставшиеся члены забыли про эту осторожность, что ускорило провал всей организации летом 1895 года. В названном письме об организационных задачах Вл. Ил. писал: «Общие собрания и сходки возможны лишь изредка, в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным, ибо на общие собрания легче попасть провокатору и проследить одного из участников шпиону... Вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки» (т. V, стр. 182). Этого золотого правила организационных принципов ленинизма, к сожалению, наши оставшиеся товарищи не соблюдали.

IV

Вопросу о тактике первой Московской организации посвящены воспоминания С. И. Мицкевича[1] и «История РС-ДРП» Лядова, ч. I, 1906 г.

Тактика первой Московской организации в этих материалах нашла правильное отражение и, если в чем нуждается, то в увязке с ленинизмом. В этом отношении мы, основатели и руководители первой Московской организации, строившие организацию и вырабатывавшие ощупью тактику борьбы, должны с большим удовлетворением отметить, что первая Московская организация не только по своим организационным принципам, но и по тактическим лозунгам была вполне ленинской. Главными ее началами в области тактики были: воспитание, дисциплинирование и организация рабочих для борьбы с их врагами — капиталистами и самодержавием.

В своих воспоминаниях, помещенных еще в 1906 г. в сборнике «Текущий момент», С. Мицкевич дает такое описание тактики первой Московской организации: «Для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду идей научного социализма. Для этого необходимо вести агитацию в массе на почве ближайших нужд ее... Раз масса начнет такую борьбу, она скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, она также скоро увидит, что главным препятствием является современный режим, т. е. процесс экономической борьбы втянет ее в политическую

---

[1] Перепечатаны в этом сборнике. *С. М.*

борьбу». То же мы находим и у т. Лядова в его «Истории РС-ДРП», ч. I, изд. 1906 г.: «Как в мирное, так и в боевое время необходимо выяснить рабочим, что причиной их скверного положения является... весь капиталистический строй... Необходимо, чтобы вступивших в стачку поддерживали и рабочие других фабрик... В борьбе за улучшение своего положения рабочие натолкнутся на сопротивление правительства, п. ч. современное государство есть организация господства буржуазии... Только активное противодействие организованной борьбы рабочего класса заставляет правительство итти на уступки, качество и количество которых находится в зависимости от силы сопротивления, степени организованности и сознательности рабочих данной страны. Прочное улучшение экономического положения рабочего класса немыслимо без завоевания политической свободы... Вот приблизительно ход мыслей, господствовавший скреди кружков к концу 1893 года в Москве» (стр. 69—70).

Конечно, в тот период все это не было еще глубоко теоретически обосновано. Позже оно нашло блестящее обоснование и формулировку у Вл. Ил. в различных его сочинениях: в «Проекте программы с.-д. партии», 1896 г., в «Задачах русских с.-д.», 1897 г., в «Попятном направлении в русской с.-д.», 1899 г. Так, в «Задачах русских с.-д.» Ленин писал: «Борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма... и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность С.-Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? (т. II, стр. 182). Мы в праве также сказать, что таковой же была и деятельность первой Московской организации.

Или, например, в ст. «Попятное направление в русской с.-д.», 1899 г., Вл. Ил., раз'ясняя экономистам, что значит «ниспроверженное самодержавие» и каким путем может рабочий класс ниспровергнуть самодержавие, писал: «Как это «ниспровержение самодержавия» может быть задачей рабочих кружков, «Рабочая Мысль» не понимает этого. Откройте программу группы «Освобождение Труда»: «Главным средством политич. борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — сказано там, — русские с.-д. считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революц. организаций... Организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него наступлению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основавшие

весной 1898 года РС-ДРП» (т. II, стр. 542-543). Этой тактики придерживалась также первая Московская организация, поставившая на своем знамени широкую агитацию среди рабочих, их социалистическое и политическое воспитание и борьбу с капиталистами и самодержавным правительством.

V

На основании вышеизложенного можно установить следующие положения относительно первой московской организации:

1) Марксистская идеология проникла в Москву на рубеже 80—90 гг. прошлого столетия. Первыми вполне определившимися марксистами были: Ар. Рязанов (конец 80-х гг.), Гр. Мандельштам (90 г.), С. Мицкевич (90 г.), И. Давыдов (90 г.), Круковский (90—91 гг.). Затем идут: А. Винокуров (91 г.), М. Мандельштам (92 г.), Калафати (92-93 гг.).

2) Первым кружком чисто марксистского направления в Москве нужно считать кружок Круковского, Гр. Мандельштама (1891 г.), скоро, правда, провалившийся, но быстро (в начале 1892 г.) возродившийся в новом кружке Гр. Мандельштама, А. Винокурова, П. Винокуровой, Куш и др., в который в течение 1892 года вошли: С. Мицкевич, М. Мандельштам и с которым поддерживали связь высланные Круковский и Розанов.

3) Почти одновременно с последним кружком самостоятельно выделился из рязанского землячества новый марксистский кружок в составе А. Рязанова, И. Давыдова, В. Жданова, к которому впоследствии присоединился Калафати и др.

4) Последние два кружка работали совместно, не сливаясь организационно. Вокруг них образовались новые группы сочувствующих, содействующих и пр.

5) Кружок А. Рязанова, Давыдова и др. все время носил интеллигентский, теоретический характер.

6) Кружок А. Винокурова, С. Мицкевича, Мандельштама и др. с конца 1892 года и начала 1893 года перешел к работе среди рабочих. В сентябре 1893 года из него выделилась «шестерка», положившая начало Московской организации. Первое организационное собрание происходило у меня на квартире и происходило, как теперь стало известно из архивного материала, под «наблюдением» шпика, правда, не подозревавшего еще, в чем собственно дело. В начале (в апреле) 1894 года образовался центральный рабочий кружок, в который из «шестерки» вошли я, Спонти, М. Мандельштам и Прокофьев, а из рабочих: Поляков, Бойе, Хозецкой, Немчинов и др. С. Мицкевич сидел на технике и по

конспиративным соображениям не вошел в него. С «шестеркой» связан был женский рабочий кружок (П. Винокурова, С. Муралова, Смирнова и др.). Кружок А. Рязанова, Калафати и др., хотя в общем и продолжал сохранять теоретический характер и иметь связи с интеллигенцией, однако не был оторван от возникшей Московской организации и обслуживал ее. По воспоминаниям А. Рязанова, в его кружке «был не отрыв от рабочей среды, а разделение труда. Одни занимались преимущественно теоретической работой и вербовкой теоретических и вообще активных сил среди интеллигенции, а другие занимались пропагандой или агитацией в рабочей среде. В общем работа шла «дружная». В общем это нужно считать правильным, что и получило подтверждение в соединении участников обоих кружков в одном деле, в общем приговоре и проч.

7) В связи со сказанным необходимо в таблицу московских кружков 90-х годов из собрания Музея Революции СССР внести некоторые поправки:

а) кружки Круковского — Гр. Мандельштама нужно отнести к 1891—92 г.;

б) к периоду 1892-93 г. отнести два кружка: 1) А. Винокурова, С. Мицкевич, М. Мандельштама, 2) А. Рязанова, Давыдова, Калафати; в) к периоду конца 1893 г. и начала 1894 г. отнести первую Московскую парт. организацию, получившую в мае 1895 г. название «Московск. рабочий союз» (см. ниже), в составе «шестерки» и центрального рабочего кружка (комитет) и филиальных отделений (женский рабочий кружок, обслуживающие кружки).

8) О названии первой Московской организации. Я категорически утверждаю, что вплоть до нашего ареста (дек. 1894 г.) наша организация названия «Московский рабочий союз» не носила. Мы вообще не спешили с принятием той или другой клички, а больше думали о практической работе. Название «Московск. раб. союз» было принято на маевке 1895 г., как это документально установлено в «Истории РС-ДРП» т. Лядова (ч. I, изд. 1906 г., стр. 116).

9) Последний вопрос о роли отдельных участников, наиболее трудный, но на него необходимо ответить. Начнем по старшинству вступления на путь марксизма.

Ар. Рязанов — вел теоретическую марксистскую работу, делал переводы, пропагандировал с.-д. идеи среди студенческой молодежи, собирал интеллигентские, сочувствующие марксизму, силы (переводчиков, переписчиков, хранителей литературы и пр.).

Гр. Мандельштам — одна из первых марксистских ласточек в Москве, был выдержанный, теоретически образован-

ный марксист, хорошо знакомый с историей, выступал в период 1891—92 гг. на студенческих вечеринках, скоро погиб в тюрьме от психического заболевания. Подавал очень большие надежды и, несомненно, стал бы крупной теоретической марксистской силой.

Г. М. Круковский, тоже рано погибший от тюремных мытарств, был прекрасным популяризатором Маркса и человеком, преданным рабочему делу.

И. А. Давыдов — больших следов в Московской организации не оставил, так как скоро выбыл в Дерпт, где также образовал марксистский кружок, но на первом этапе марксистского движения в Москве был серьезным возбудителем марксистской мысли.

С. И. Мицкевич — один из первых марксистов в Москве, один из основателей и руководителей первой Московской организации, участвовал в редактировании переделок иностранной с.-д. литературы, составлял популярные брошюры, заводил знакомства с рабочими, организовал доставку нелегальной литературы, в последнее время сел на технику.

А. Н. Винокуров — один из основателей первой Московской организации и руководителей центрального рабочего кружка, участвовал в редактировании переводов и переделок иностранной с.-д. литературы, составлял популярные брошюры.

М. Н. Мандельштам (Лядов) — один из основателей первой Московской организации и руководителей центр. раб. кружка, много переводил с немецкого, переделывал и составил несколько популярных брошюр, заводил знакомства с рабочими, после ареста руководящего центра, в первой половине 1895 г., проводил общие рабочие собрания и маевку.

Е. И. Спонти — один из основателей и руководителей первой Московской организации, много сделал по проведению агитационного метода работы, был выдающимся агитатором. Теоретически не совсем выдержанный, с лассалевским оттенком.

С. И. Прокофьев — рабочий, один из основателей и руководителей Московской организации, чрезвычайно способный и быстро осваивающийся с теоретическими вопросами марксизма, заводил связи в рабочей среде.

Столь же выдающимися были и рабочие: Ф. И. Поляков, К. Ф. Бойе, А. И. Хозецкой — члены центрального рабочего кружка.

Примечание к стр. 32.

В дополнение к сведения, сообщенным А. Н. Винокуровым о кружках периода 1891—92 гг., приведу еще несколько выдержек из воспоминаний, записанных мною со слов И. П. Стеллецкого,

А. С. Розанова, В. А. Жданова, Я. А. Бермана, М. Н. Лядова — участников кружков этого периода.

И. И. Стеллецкий поступил в Моск. университет на медицинский факультет в 1888 г.; будучи зимой 1891—92 гг. на 4-м курсе, жил на Плющихе в одной квартире со студентом Н. Н. Шатерниковым. У них в эту зиму был кружок в составе: И. И. Стеллецкого, А. С. Розанова, Н. Н. Шатерникова (в середине зимы переехал к А. Н. Винокурову и перестал посещать этот кружок), К. Ю. Блюментеля, А. Н. Слетова, Григ. Мандельштама и Г. М. Круковского (все, кроме двух последних, студенты-однокурсники). Собирались 1 раз в неделю. Читали 1-й том «Капитала», прочитали почти весь том.

Читали главу, потом ее об'ясняли Круковский или Мандельштам. Занятия продолжались до апреля; до ареста Астырева, Шатерникова и Мандельштама.

У И. И. Стеллецкого был обыск, ничего не нашли и оставили на свободе.

В следующую зиму 1892—93 гг. Стеллецкий переводил брошюру Каутского «Учение К. Маркса»; после обыска у А. С. Розанова, с которым был тесно связан, сжег перевод.

И. И. Стеллецкий впоследствии не принимал активного участия в революционном движении, был земским врачом.

А. С. Розанов был однокурсником И. И. Стеллецкого. Зимой 1891—92 гг. участвовал в кружке на квартире Стеллецкого, членами которого называет тех же лиц, которых перечислил Стеллецкий. Розанов отмечает эрудицию Круковского и Григ. Мандельштама: они например, обсуждали редакционные расхождения между немецким и французским текстами «Капитала».

Кроме занятий в кружке Розанов часто бывал в эту зиму у Круковского на квартире, на фабрике Слиозберга, в Даниловской слободке (см. воспом. Лядова, стр. 44), встречая у него Гр. Мандельштама и Шатерникова; иногда спорили до поздней ночи и оставались ночевать у Круковского.

В зиму 1889—90 гг. и 1890—91 гг. А. С. Розанов принимал участие в кружке студентов, окончивших 2 и 3 Моск. гимназии. В этом кружке и познакомился с Гр. Мандельштамом и Круковским. Кружок не имел еще определенно марксистского направления, хотя члены его уже начали изучать Маркса.

В апреле 1892 г. Розанов принял участие в рассылке астыревских прокламаций к голодающим крестьянам, которые он получил от Шатерникова. Арестован был по этому делу 10 ноября 1892 г., через месяц был выпущен под особый надзор, жил сначала в Москве, но с апреля по октябрь 1893 г. был выслан в г. Ливны, в октябре приехал опять в Москву; к этому времени вполне определился как марксист, сошелся с кружком Рязанова, Калафати; в этом кружке шла в это время деятельная работа по редактированию перевода «Эрфуртской программы» для нелегального издания.

В декабре 1893 г. был выслан под гласный надзор в Нижний-Новгород, где вместе с М. Г. Григорьевым руководил первой Нижегородской рабочей марксистской организацией, состав верхушки которой был целиком арестован в июне 1896 г. Розанов был выслан в Архангельск на 3 года. Ныне беспартийный.

В. А. Жданов. В 1888 г. окончив Рязанскую гимназию, поступил в Московский университет на юридический факультет. В Москве вошел в кружок рязанцев, который был настроен народовольчески. Зимой 1890—91 гг. стали изучать Маркса; члены кружка Рязанов и Давыдов стали высказываться в марксистском духе, бывали большие споры. Зимой 1891—92 гг. стали бывать в кружке Круковский и Гр. Мандельштам; они приносили марксистскую литературу, немецкую и рус-

скую (изд. гр. «Освобождение Труда»); из кружка выделилось оформившееся марксистское ядро: А. И. Рязанов, И. А. Давыдов, В. А. Жданов, С. К. Иванов. Присоединился студент из г. Николаева Д. П. Калафати. Эти же марксисты стали выступать на студенческих вечеринках. Эти выступления стали чаще зимой 1892—93 гг.

Зимой 1893—94 гг. стал заниматься с кружком рабочих, куда ввел его С. И. Мицкевич. В апреле 1894 г. был арестован, после того, как отвез своей невесте чемодан с литературой, которую привез из Вильны С. И. Мицкевич.

В. А. Жданов — потом видный соц.-дем. В 1905—06 гг. участвовал в лекторской группе моск. комитета (больш.). В 1907 г. осужден за участие в соц.-дем. партии к 4 годам каторги и затем к ссылке на поселение. После революции был беспартийным. Умер в 1932 г.

Яков Александрович Берман, тогда студент юридического факультета, вспоминает, что зимой 1889—90 гг. и 1890—91 гг. был большой кружок из окончивших 2 и 3 Моск. гимн. (см. восп. А. С. Розанова), который часто собирался на квартире Бермана. В него входили: Круковский, Гр. Мандельштам, студенты-техники — Иванов, Юрьев, Мих. Рейзин, Н. Н. Шатерников, 2 брата Бруцкусы, 2 бр. Мошкилейсон, А. С. Розанов, Чекеруль-Куш, Пехов, Вольфсон; в нем бывал Виктор Ванновский (потом известный соц.-дем.). Кружок раскололся на марксистов и народников. В этом кружке Я. А. Берман участвовал до своего окончания университета, он точно не помнит, когда, в 1891 или 1892 гг. он уехал из Москвы во Владикавказ.

Я. А. Берман, впоследствии известный соц.-дем., писал по философским вопросам. Ныне член ВКП(б).

Об этом же кружке пишет в своих обширных откровенных показаниях Егупов, который называет со слов В. Ванновского многих участников этого кружка (многие фамилии совпадают с вышеуказанными); он относит разговор с Ванновским к декабрю 1892 г., значит, этот кружок существовал еще зимой 1891—92 гг.

Из всех воспоминаний явствует, что в Москве в 1891—92 гг. шла деятельная выработка марксистской идеологии (см. еще восп. Бонч-Бруевича в этой книге, восп. Бруснева в «Прол. Револ.» 1923 г., № 2), в ряде интеллигентских кружков, при чем выясняется выдающаяся роль в этой работе Круковского и Гр. Мандельштама, которые участвуют в нескольких кружках, ведя везде энергичную пропаганду марксистских идей. *С. М.*

М. Лядов

Как зародилась Московская рабочая организация[1].

1. Как я стал социал-демократом

Около сорока лет (1894 г.) тому назад положено официальное начало Московской социал-демократической рабочей организации. В момент своего официального оформления организация уже фактически существовала в лице целого ряда пропагандистских кружков. Кружки эти связывались между собой группой товарищей, руководивших ими. Группа эта имела двоякое присхождение. Одни пришли в эту группу из чисто интеллигентского кружка, изучавшего Маркса, других выдвинула рабочая среда. Многие рабочие, вошедшие в группу, уже до вхождения в нее имели определенную подготовку, они поддерживали личное знакомство с теми или иными народнически настроенными студентами. Через этих студентов они добывали книги, больше всего по истории французской революции и по естественным наукам. Читали они также всю тогдашнюю социальную беллетристику, вроде «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Углекопы» Золя, «Что делать» Чернышевского и т. п. Интеллигентских марксистских кружков было в 1891 г. уже несколько. Я близко знал тогда два таких кружка. Во главе одного стоял мой старший брат Григорий Николаевич Мандельштам, во главе второго—Аркадий Иванович Рязанов. Григорий Мандельштам учился во 2-й Московской гимназии. В 1887 г., не кончив курс, он вышел из 8 класса и эмигрировал в Париж. Я учился тогда в Митавском реальном училище и помог ему перебраться нелегально через местечко Поланген. Его же паспорт я прописал в Митаве, и несколько раз, когда полиция вызывала его

[1] Воспоминания М. Н. Лядова были даны на просмотр А. Н. Винокурову, который знал его еще до моего знакомства с ним. А. Н. Винокуров сделал к ним несколько примечаний, которые все им подписаны. Воспоминания М. Н. Лядова, несмотря на некоторые разногласия с ним в частностях, считаю особенно ценными для характеристики первой Московской марксистской организации. См. также об этом в его книге «История Рос. соц.-дем. раб. партии», изд. 1906 г., ч. 1, гл. V—XIV. Эта книга переиздана в 1924 г. под заглавием «Как начала складываться РКП(б)» в изд. Свердловского университета. См. те же главы. *С. М.*

(напр., по поводу приписки к призывному участку), я являлся в участок за него. Таким образом у него была возможность в любой момент вернуться в Россию и сохранить свою легальность.

В Париже Григорий Мандельштам поступил на медицинский факультет и одновременно с этим завязал близкие отношения с эмигрантскими революционными кружками. В 1889 г. в связи с арестом в Париже русской террористической группы, выданной провокатором Ландезеном, брат должен был бежать. Тем же путем, через того же контрабандиста, он вернулся ко мне в Митаву. Несмотря на свою причастность к террористической организации, Григорий вернулся убежденным марксистом и страстным поклонником западно-европейского социалистического рабочего движения. В Париже он присутствовал при зарождении II Интернационала на Парижском конгрессе в 1889 г. Он провел со мной в Митаве несколько дней, и я помню, с каким интересом слушал его рассказы про забастовки, демонстрации, столкновения с полицией, про конгресс. Все это я впервые услышал тогда, и мне страстно захотелось самому окунуться в эту жизнь, столь для меня тогда чуждую и непонятную, но страшно завлекательную.

В противоположность брату Григорию, который очень рано развился и уже с 13-летнего возраста читал газеты и интересовался политикой, я до этой встречи с братом политической жизнью почти не интересовался, больше любил хулиганить, драться, увлекался плаваньем, парусами и мечтал. За свои художества я и вылетел из Московской гимназии с волчьим билетом и должен был оканчивать образование вдали от семьи, в немецком училище, в котором сынки баронов и богатых буржуев уже с 4-го класса заняты были попойками, развратом и дуэлями.

Вернувшись в Россию, брат жил некоторое время в Москве, потом поехал в Харьков, где пытался поступить в Ветеринарный институт. Еще до поездки в Харьков, вокруг него в Москве собрался кружок, изучавший Маркса. В этом кружке участвовал ряд студентов техников: Григорий Круковский, братья Мошкилейсон, затем бывшие товарищи брата по гимназии, студенты университета — Николай Шатерников, Сергей Пехов, Вульфсон, Яков Берман, Александр Розанов, Цейтлин и другие. Когда я, отбыв военную службу вольноопределяющимся, в августе 1890 г. приехал в Москву, я познакомился с этим кружком. В это время его участники горячо спорили о норме прибыли, пытались предугадать то, что должен был сказать Маркс в III томе «Капитала». Первые два тома «Капитала», а также «К критике политической экономии» и брат, и Круковский, которые руководили круж-

ком, знали буквально наизусть. Меня, желторотого, Круковский взял под свою особую опеку, он рекомендовал мне прочесть длинный список книг. Я принялся за них горячо. Но мне, совершенно неподготовленному к чтению серьезных книг, удавалось это с большим трудом. Я предполагал поступить в техническое училище, средств у меня никаких не было. Я приехал в Москву с 7 руб. с полтиной в кармане. Я тщетно пытался прокормиться уроками немецкого языка, искал переводов, искал какой-нибудь работы. После годовой голодовки, прерываемой временными заработками, я в ноябре 1891 г. поступил на маленький химический и нефтеперегонный завод Слиозберга за Даниловской заставой. Управлял этим заводом наш приятель Круковский, который в то время был уже инженером. Поступил я на завод чем-то вроде старшего рабочего или табельщика. Мне приходилось выполнять на заводе самые различные обязанности, начиная от составления табелей и акцизных ведомостей, кончая работой у чанов, перетаскиванием тяжестей и т. п. За эту работу мне была назначена плата в 15 руб. в месяц.

Нынешнему поколению рабочих трудно себе представить условия жизни, которые я застал на этом заводике. Маленькие, темные, полусгнившие сараи представляли заводские корпуса. В одних добывались свинцовые белила и серная кислота. В них свежему человеку пробыть больше 2-3 минут не было никакой возможности. В других перегонялись из нефти гарное и парфюмерное масла. Здесь между чанами, насосами и прочими аппаратами не было никакого прохода. Надо было балансировать по узеньким досчечкам, проложенным над чанами. Дощечки эти были пропитаны нефтью и, страшно скользкие, зимой, кроме того, покрывались льдом. Малейшая неосторожность, и рабочий летит в бак или подхватывается приводным ремнем. Освещался этот завод несколькими коптилками-ночниками. Работа шла непрерывно днем и ночью. Смен правильных не было. Рабочий день каждого был не меньше 16 часов в сутки. Плата за этот каторжный труд колебалась от 12 до 16 руб. в месяц. Для жилья рабочих был отведен сарай, настолько тесный, что ночная смена спала на тех же нарах, на которых ночью спала дневная смена. Столовались артельно и притом очень плохо. Болели часто, у всех тела были в язвах от раз'едающих паров, гнили десны от белил, все кашляли, болели ревматизмом. В довершение началась в казармах эпидемия тифа. Медицинской помощи не было никакой. Если больной валялся и больше трех дней не выходил на работу, его просто увольняли и выбрасывали за ворота. Если больной был очень плох и сам итти не мог, товарищи за свой счет нанимали извозчика и отправляли его в боль-

ницу. Год был голодный, рабочая сила дешевая, а, главное, ее было более чем достаточно. У ворот завода всегда толпились голодные мужички, готовые что угодно и как угодно работать. Поэтому рабочие боялись болеть и, перемогаясь до последней возможности, тщательно скрывали свои болезни.

Вот эта-то забитая, темная, покорная, работающая до одурения кучка рабочих сделала из меня революционера и социалиста. Я поступил на завод юнцом, который мечтал о подвигах, о геройских поступках, которые должен со временем совершить. Здесь я впервые увидел и почувствовал не книжную, а настоящую жизнь рабочих. Здесь я наглядно понял, что такое капитал и какова его власть над телами и душами рабочих. И что самое для меня важное, здесь я понял, что и сам я такой же раб капитала, как и мои товарищи по работе, что я рано или поздно превращусь в такую же безропотную покорную рабочую скотину, если не начну вместе с ними учиться бороться.

Вечером после первого же дня работы я накинулся на Круковского. Как может он, человек, изучивший марксизм, так хорошо знающий про жизнь и борьбу заграничных рабочих, мириться со скотским положением, в котором живут и работают рабочие на подчиненном ему заводе. Он довольно спокойно мне ответил, что все это в порядке вещей. Россия—страна с недоразвитым капитализмом, находится еще в периоде первоначального накопления. Пролетариата настоящего еще нет, и нам, марксистам, долго еще придется ждать, чтобы создались условия, при которых окажется возможным классовое сознание рабочих, которое приведет их к массовой борьбе. Этого еще очень и очень долго ждать. Не дело марксистов заниматься филантропией. Активно вмешиваться в совершающийся процесс им не приходится. Их дело пока накапливать знания, как можно больше знаний, терпеливо ожидать, пока доведенный до отчаяния пролетариат, все более пополняемый окончательно разорившимся крестьянством, вступит в стихийную массовую борьбу. Вот тогда наши знания понадобятся, и мы преподнесем ему опыт западно-европейской классовой борьбы, дадим ему возможность избегнуть ошибок, проделанных рабочими Запада. А пока — чем хуже, тем лучше. Вот почему он не протестует против условий работы. На всех заводах они одинаковы. Закон конкуренции не позволяет произвести улучшений на одном заводе. В заключение советовал мне не обращать внимания на условия работы и держаться в стороне от рабочих, которые считают даже такую жизнь много лучше жизни в деревне и смотрят на хозяина, как на благодетеля, который помог им не умереть с голода. Несмотря на

авторитет, которым в моих глазах пользовался Круковский [1]) я с ним никак не мог согласиться; мы проспорили с ним всю ночь, и я остался при своем убеждении, что необходимо сейчас же начать борьбу, необходимо сейчас же учить бороться всех рабочих, а не ждать, пока сама жизнь их научит бороться. Необходимо нам, кто называет себя марксистами, не накапливать знаний для себя, а этими знаниями сейчас же делиться с рабочей массой. А чтобы они нас поняли, мы должны войти в их среду, жить с ними одной жизнью, тогда мы не будем для них чужими. Круковский рассказал мне про печальный опыт хождения в народ народников, про их тщетные попытки быть понятыми народом. Но и это меня не разубедило. То были дворянские сынки, барчуки, которые шли в народ как благодетели. А ведь мы, у которых нет богатых родителей, которые вынуждены, чтобы существовать, также продавать свой труд капиталу, разве мы не такие же рабочие, разве мы не принадлежим уже к рабочему классу. Разве тот же Круковский, несмотря на свой инженерский значок, не эксплоатируется хозяином так же, как и рабочие. К слову сказать, управляя заводом, Круковский жил немногим лучше своих рабочих. Он большую часть своего жалованья тратил на книги, питался еще хуже артельных рабочих; в каморке, в которой он жил, кроме колченогого стола, пары табуреток и деревянной постели на козлах без тюфяка, ничего не было. Этот спор повторялся у нас не раз. Для вящего моего вразумления Круковский достал мне «Коммунистический манифест». Но из него, в противоположность Круковскому, я вычитал подтверждение своих мыслей: необходимо начать работать, необходимо начать бороться.

До поступления на завод я почти год жил в студенческой среде. Я сам рассчитывал поступить в техническое училище. Среда эта произвела на меня самое отталкивающее впечатление. Отсутствие каких бы то ни было общественных интересов было характерной чертой студенчества конца 80-х и начала 90-х годов. Народничество в массе было окончательно изжито. Революционное народничество выродилось в реакционнейшее приспособление к «подлости», в теорию малых дел. Часть студенчества, может быть лучшая, увлекалась толстовщиной, самоусовершенствованием, вела нудные и скучные споры на разные метафизические темы, мечтала об интеллигентских скитах. Большинство студенчества пило, плясало на вечеринках и ни о чем не думало.

[1] С Круковским я познакомился в конце 1892 г., и он не произвел на меня впечатления лже-марксиста-механиста, откладывающего работу среди рабочих. *А. Винокуров.*

И, наконец, тоже значительная часть студенчества серьезно готовилась получить диплом и поплотней пристроиться к жирному общественному пирогу. Как общее правило, студенты первых двух курсов заражены были старыми студенческими традициями, на третьем наступал перелом, на четвертом уже начинали готовиться к карьере, начинали устраиваться, заводить деловые связи.[1]

По сравнению со студенческой средой рабочая среда, несмотря на ее забитость, невежество и грязь, показалась мне родной и близкой. Я начал сходиться с отдельными рабочими и очень скоро начал по вечерам после работы читать им газеты. Бледнорозовые профессорские «Русские Ведомости» считались лучшей газетой того времени. Правда, внутренняя жизнь России освещалась очень слабо и почти не давала тем для агитации. Зато заграничный отдел и в особенности корреспонденции Иоллоса из Берлина в то время давали богатый материал из жизни и борьбы западно-европейского рабочего класса. Вот популярным изложением этих корреспонденций я и завоевал свою аудиторию. От заграничных корреспонденций мы перешли к изучению русской жизни. Читая Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II», я наткнулся там на историю почти столетней борьбы казанских ткачей, приписанных к фабрике. Я нашел в «Румянцевке» более подробный материал об этой борьбе. Рассказал слушателям. Это произвело на них больше впечатления, чем борьба иностранных рабочих. Те не похожи на нас, немудрено, что они борются, а вот раз сто лет назад наши рабочие уже боролись, — значит и у нас борьба возможна. Это впечатление я закрепил рассказом про Морозовскую стачку, про Петра Алексеева, наконец, передал им содержание «Хитрой механики» и «Царя голода». В результате, после полуторамесячных бесед мне пришлось формулировать требования рабочих нашего завода, которые мы должны были пред'явить хозяину. Долго и подробно мы обсуждали каждый пункт требования. Обсуждали всю процедуру пред'явления их хозяину. Все хорошо понимали, что шансы на удовлетворение очень малы. Но все-же никто не колебался. Меня и еще одного молодого парня выбрали для переговоров. «Вы народ молодой, холостой, вам лучше всего рисковать, а мы все поддержим». Кончилось дело тем, что после очень крупного разговора с хозяином, разговора, в котором кроме нас, делегатов,

---

[1] Слишком сгущены краски относительно студенчества. Рядом с «белоподкладочниками» и индиферентной массой студенчества существовало широкое оппозиционное и революционное движение в студенчестве («землячества», революционные кружки). *А. Винокуров.*

приняла довольно энергичное участие вся масса рабочих, мы вдвоем и еще человека три рабочих вылетели за ворота, а остальные под угрозой немедленного расчета вернулись на работу.

Я очутился на улице, без средств, без работы. Несколько месяцев провел опять с случайными заработками самого различного рода. Пробовал писать для какой-то уличной газетки, названия которой не помню. Несколько маленьких статеек были напечатаны, но гонорара я за них так и не получил. Одно время пристроился я к артели грузчиков, работал с ними на Казанском вокзале и жил в артельной квартире. Помню, это были все тульские мужички, которые жили исключительно интересами своей деревни и на городскую жизнь смотрели с некоторым презрением. Работал одно время браковщиком на галстучной фабрике Левинсона, но уже через неделю вылетел за то, что выругал хозяина и старшую мастерицу за надувательство работниц, которых обманывали и при выдаче материала, и при приеме готовых галстуков. Попал одно время на Хитров рынок в компанию спившихся интеллигентов, промышлявших перепиской ролей и писанием «популярных» книг для Никольского рынка. Я уже не помню, чем я еще промышлял в это время. Было большей частью очень голодно, но зато очень весело. Я все более и более впитывал в себя настоящую жизнь. В кабачках, в ночлежках я широко знакомился с самыми различными людьми. Тут были и безработные мастеровые. Тут были и настоящие подонки общества, окончательно утратившие человеческий образ. Тут были люди, выбитые из колеи, но еще судорожно цепляющиеся за надежду снова начать хорошую трудовую жизнь и, наконец, здесь была масса крестьянского люда, выброшенного голодом из деревни, ищущего и не находящего работы. Одно время нарочно заводил знакомства с проститутками, и передо мной постепенно вырисовывалась картина всех тех условий жизни, которые превращали прислугу, фабричную работницу и чаще всего швею в проститутку.

Во время этих скитаний, по мере все большего ознакомления с жизнью, я все больше и больше начинал ненавидеть капиталистический строй. Проходя по пассажам, мимо богато разукрашенных магазинов, видя слоняющуюся разодетую, сытую толпу, у меня было одно желание: бросить в них бомбу, уничтожить, замучить их. Я в это время както оторвался и от кружка брата и от кружка Круковского. С последним у нас отношения несколько испортились, после того, как он очень резко осудил мою работу среди рабочих на заводе. В кружке брата Григория тоже отозвались очень неодобрительно о моем поведении, о моей скоропе-

лой агитации, к которой я, по их мнению, был совершенно не подготовлен. Брат и все его товарищи были согласны тогда с Круковским, что сейчас нечего и думать о какой бы то ни было работе среди рабочих, пока нужно только учиться и учиться и готовить кадры марксистов. Я, правда, в это время все свободные часы проводил в Румянцевке и запоем читал, хотя я читал не так, как брат и его друзья: я в книгах искал ответа на те вопросы, которые передо мной ежедневно ставила улица и мой все более и более расширяющийся круг знакомых. Очень часто в каком-нибудь кабачке или в извозчичьей ночной чайной, в которых я любил заводить беседы с первым попавшимся соседом, меня огорошивали такими вопросами, на которые я ничего не мог ответить. Переживая сейчас свое тогдашнее настроение, я должен сказать, что вот в эту зиму 1891—92 г. я, конечно, еще не был марксистом, моя ненависть к богатым скорей толкала меня к анархизму, но от него отделяло меня уже достаточное понимание того, во-первых, что вся эта социальная несправедливость есть результат не злой воли той или другой группы лиц, а следствие определенных исторических и экономических отношений и, во-вторых, того, что бороться с этим можно лишь организованным коллективным действием. У Лассаля я вычитал, что ему приходилось очень трудно доказывать немецким рабочим, что им плохо живется. Вот эту задачу я и поставил себе тогда и пользовался всяким удобным и неудобным случаем, чтобы доказывать людям, что им плохо живется. Я помню, что как-то ехал я с одним старым народником (фамилии которого не помню) на империяле конки. Я, по обыкновению, завел разговор с соседями. Он после говорил мне, что он удивлялся, как просто я занимаюсь в публичных местах агитацией. Такой агитацией я занимался все время. Голод, который переживала тогда Россия, и страшная дороговизна и безработица, которую очень чувствовали в Москве, давали богатый материал. На затрагиваемых мною вопросах можно было легко сосредоточить внимание первого встречного.

Случайно я получил постоянное место. Встретился товарищ брата, студент Цейтлин, и, увидев мой более чем поношенный вид, рассказал, что у него есть родственник, хозяин маленькой фабрики искусственной шерсти. Этого хозяина, как еврея, выселяют из Москвы. Вот он ищет верного человека, на имя которого он мог бы переписать свою фабрику и который замещал бы его во время его вынужденных отлучек из Москвы. Я невольно расхохотался, выслушав это предложение. Я перед тем дня три ничего не ел. Хозяйка моей конуры вымораживала меня, как таракана.

потому что я уже два месяца не платил ей ничего и взять с меня было нечего, так как все мое движимое имущество, т.-е. белье и постель, было заложено или распродано татарам. И вдруг — оказаться владельцем фабрики, хотя бы и фиктивным. Сделка была заключена. За тридцать рублей в месяц жалования я взял на себя обязанность считаться официально хозяином фабрики, наблюдать за работой рабочих и выполнять всю работу конторщика, приказчика, табельщика и т. п. Тридцать рублей казались мне неслыханным богатством, и я согласился на все условия.

«Моя» фабрика помещалась где-то возле Горохового поля, она занимала громадный подвал. В этом подвале, когда я первый раз пришел туда, я застал до сотни грязных, оборванных женщин, которые копошились, сидя прямо на полу, в громадной куче грязного вонючего тряпья. Тряпье это доставлялось на фабрику громадными партиями специальными скупщиками, здесь сортировалось и набивалось в мешки по сортам. У хозяина в разных уездах были арендованы три мельницы, на которых происходила дальнейшая обработка тряпья, часть перемалывалась и травилась, получалась масса, служащая для набивки сукон. Чисто шерстяное тряпье, главным образом старый чулок, перерабатывалось в новую шерсть и под названием искусственной шерсти шло в прядильни. Мне нужно было принимать от скупщиков тряпье, наблюдать за его сортировкой на фабрике, отправлять на мельницу, сдавать его по весу, принимать потом готовый продукт и направлять его на суконные и шерстопрядильные фабрики. В подвале был отгорожен маленький закуточек, который носил громкое название конторы. Несмотря на вонь и грязь, в которой я очутился, я почувствовал себя сразу очень хорошо. Уж очень заманчивой показалась перспектива легально попасть в деревню (мельницы были: 1) возле Нового Иерусалима, 2) верст 15 от ст. Крюково и 3) в Подольском уезде) и на настоящие фабрики, куда я должен был ездить сдавать товар. Интересный материал представляли и женщины, оказавшиеся под моей командой. Все они считались поденными, ежедневно нанимались за 20 копеек в день. Ежедневно у ворот подвала задолго до 6 часов, когда начиналась работа, скапливалось несколько сот женщин, они дрались между собой, чтобы занять первую очередь и попасть на работу. Часов в 12 и в 5 приходилось давать счастливицам по 5 коп. на обед и ужин, на которые полагалось по полчаса. Вскладчину приносили они из трактира кипяток, хлеба, огурцов, иногда рубец или бульонку. Работа кончалась в 8, но иногда затягивалась до 9—10 час. вечера. Высидеть в этой вони они могли только, повязав рот платком. Иногда

вместо обеда на полученные пятаки покупали водки, после этого работа обыкновенно сопровождалась пением. Я очень скоро попробовал заинтересовать этих женщин каким-нибудь разговором, но тут потерпел полный крах. Ничем этих баб мне заинтересовать не удалось. Это были в буквальном смысле этого слова бывшие люди, у которых все в прошлом, а будущее не шло дальше того гривенника, который останется у них после шабаша и на который им необходимо было обеспечить себя ночевкой и напиться. До моего поступления они пропивали весь двугривенный сразу, так как получали весь заработок перед уходом, а весь день буквально голодали. Я начал выдавать им три раза в день и заставлял их покупать что-нибудь с'естное на обед. Хозяин, хотя и числился высланным из Москвы, но продолжал спокойно жить в Москве, платя за свое существование и приставу, и околоточному, и городовому, и дворнику. Его присутствие мешало мне проявить свои хозяйские права и хоть немного улучшить положение этих женщин. Против одного, однако, я решительно запротестовал и настоял на своем, это против мелкого жульничанья хозяина с часами. Я случайно заметил, что каждый вечер хозяин переводил стрелку на один час назад и удлинял таким образом и без того каторжный срок работы. Мы крупно повздорили, я пригрозил уходом и добился прекращения этого мошенничества.

Я широко использовал эту службу, завязав массу новых знакомств. Очень часто служебные поездки на мельницы я превращал в большие пешеходные путешествия по окрестным деревням. Знакомился с крестьянами, с кустарями. Завел хорошие связи на некоторых суконных фабриках, особенно запомнились мне рабочие с фабрик Иокиша, братьев Лыжиных и Гучковых. К сожалению, не припомню ни одной фамилии. Очень часто, сдав товар в конторе, я нарочно затягивал расчеты и переговоры с администрацией до окончания работы. После этого в соседнем трактире вокруг меня собиралось человек 8-10 рабочих. И за чаем мы вели длинные беседы. В конце-концов эти беседы приняли довольно правильный кружковой характер. С крестьянами я знакомился в качестве приказчика, скупающего лоскут и тряпье. Поэтому они не смотрели на меня как на барченка. Очень часто приходилось ночевать в какой-нибудь избе. Я выбирал всегда избу победней; приходили соседи хозяина, посылал в лавку за заваркой чая и баранками, и тут часто беседа продолжалась далеко за полночь.

Очень интересным оказался один из мельников. Его мельница была расположена возле Ново-Иерусалимского монастыря. Сам он был «по старой вере», холостой, очень

любил читать и перечитал довольно много. Он очень интересовался дарвинизмом и происхождением мира. Он долго искал «настоящей веры». Перепробовал чуть ли не все толки и секты и как раз, когда я познакомился с ним, он был уже близок к полному отрицанию бога. С ним я очень скоро сблизился, заинтересовал его рабочим вопросом, над которым он до тех пор совершенно не задумывался. Впоследствии он очень энергично помогал мне распространять нелегальные книжки. К сожалению, я потерял его из виду через год и больше про него не слыхал. Не припомню также и фамилии его. Именно он заставил меня своими вопросами и сомнениями заинтересоваться религиозным вопросом, на который я до тех пор совершенно не обращал внимания. Сам я с раннего детства ни в бога, ни в чорта не верил. Именно под его влиянием я тщательно изучил библию, евангелие, отцов церкви, изучил историю раскола. Все это оказалось очень кстати. Как-то мой мельник вызвал меня специально к себе и, не предупредив, повел в большой трактир возле монастыря. Там, перед большой толпой с'ехавшихся на базар крестьян, происходил диспут между раскольниками и православными начетчиками. Мельник втянул и меня в спор. Мне пришлось в первый раз выступить перед такой большой аудиторией. Могу похвастаться, что этот первый опыт антирелигиозной пропаганды вышел очень удачным. Чисто догматический спор двух начетчиков я незаметно перевел на другие рельсы, рассказал известную сказку Лессинга из «Натана Мудрого» о поддельном кольце. Подчеркнул, что настоящая вера давно утрачена, а затем рассказал о том, как люди создавали себе богов по своему образу и подобию. Понятно, что очень скоро оба начетчика об'единились против меня, но я их бил их же текстами из священного писания. В конце-концов мужички просили меня снова приехать к ним к следующему базару.

Между тем в апреле 1892 г. был арестован мой брат Григорий. Узнав про его арест, я отыскал его квартиру, чтобы забрать его вещи. Брат жил тогда в небольшой студенческой коммуне. Квартиру снимал на свое имя Александр Николаевич Винокуров. В коммуне жили: его жена Пелагея Ивановна, Константин Константинович Чекеруль-Куш с женой, Николай Николаевич Шатерников и брат. Арестованы были брат и Шатерников. Их взяли по так называемому делу Астырева. Астырев — народник, известный в то время автор книги «В волостных писарях», организовал попытку поднять крестьянское восстание на почве голода. Вокруг Астырева группировался кружок молодежи. Они отпечатали составленную Астыревым прокламацию «Письмо к крестьянам» и в письмах рассылали эту прокламацию по во-

лостям. Их проследили при рассылке, и весь кружок был арестован. Шатерников, хотя и был марксистом уже в то время, принял участие в рассылке прокламаций. При обыске в его комнате (он жил в одной комнате с братом) полиция наткнулась на библиотеку брата, среди которой было немало немецких марксистских книг (в том числе только что вышедшая «Эрфуртская программа»). Нашли у него и «Наши разногласия» и «Всероссийское разорение» Плеханова. Брат попался таким образом совершенно случайно. Его продержали в тюрьме месяцев 9, а после этого выслали до приговора в Орел.

Арест брата имел для меня громадное значение. Придя за его вещами, я познакомился с его сожителями Винокуровыми. Уже первое знакомство нас сблизило. Они оба тогда изучали марксистскую литературу, и оба, в противоположность всем остальным тогдашним марксистам, с которыми мне приходилось сталкиваться, были убеждены в необходимости начать немедленно завязывание связей с рабочими. Я рассказал им про свои похождения, про свои знакомства. У Винокурова было в то время уже вполне сложившееся мировоззрение. Он знал гораздо больше меня в теории, его знания были систематичнее моих. У меня зато был более богатый запас житейского опыта. Для окончательной выработки мировоззрения Винокуровы дали мне очень много. Винокуров ввел меня в кружок пом. присяжного поверенного Аркадия Ивановича Рязанова. Этот кружок систематически получал немецкую с.-д. литературу. Тогда был в Москве немецкий книжный магазин Поста. Вот этот-то магазин как-то умел провозить через границу запрещенные в России книги и продавал их по дорогой цене. Было решено использовать мои знания немецкого языка. Прежде всего мне дали перевести Бебеля «Женщина и социализм», затем я перевел ряд книжек из немецкой «Рабочей библиотеки» Шиппеля. Мои переводы редактировались Винокуровым. Еще до ареста брата Рязанов вместе с Давыдовым и братом перевели Липперта, он оказал на нас всех большое влияние. В кружке Рязанова занимались очень серьезно, там всегда велись самые интересные споры о русской экономике. Все следили и часто цитировали цифровой материал земской статистики. Члены кружка часто сталкивались на студенческих вечерках с народниками. Несколько раз и я вместе с ними воевал на этих вечеринках.

2. Как мы начали работать

Но вся эта работа в чисто интеллигентской среде меня не удовлетворяла. Я чувствовал себя чужим среди них, и

меня больше тянуло к моим знакомым рабочим. Они были ближе, понятнее мне. Мне как-то не хотелось говорить о них ни с кем, кроме Винокуровых. Винокуровы тоже тяготились необходимостью вариться в собственном соку. Все мои связи с рабочими до сих пор носили случайный характер. Я не умел организационно закрепить эти связи. В этом отношении настоящая работа началась лишь после знакомства с двумя товарищами, которые с полным правом могут быть названы отцами Московской рабочей организации. Это были потомственные пролетарии—ткач Федор Иванович Поляков и токарь Константин Федорович Бойе. Я не помню, с кем из них прежде всего удалось познакомиться. Кажется, я раньше познакомился с Поляковым, который тогда работал на фабрике Михайлова, и он уже свел меня с Бойе.

Поляков был очень талантливый человек. Он вырос на Раменской мануфактуре, где работали его мать и отец. Оба родителя были рабочими. В детстве его отдали мальчиком на ту же фабрику. Учился он урывками и, кажется, не кончил фабричной школы. У него рано появилась страсть к чтению. Первое благотворное влияние на него оказал фабричный доктор, который, заинтересовавшись им, поместил его на некоторое время учеником в фабричную аптеку и снабжал его хорошими книжками. В аптеке он проработал недолго. Когда я с ним познакомился (осенью 1892 г.), он уже успел побывать чуть ли не на всех ткацких фабриках в Москве. Всюду вылетал с треском, потому что всюду у него возникал конфликт с тем либо другим мастером или начальством. Ему было тогда года 23, но он уже тогда пользовался широкой популярностью среди московских текстильщиков. Он еще мальчиком начал писать стихи и все мечтал отпечатать их. У него было много знакомых среди студентов, в особенности среди студентов Петровской с.-х. академии. Они считались тогда наиболее передовыми. Когда мы познакомились, Поляков еще был насквозь проникнут традициями старой «Народной воли». Несмотря на всю свою довольно серьезную начитанность, по всему своему облику он остался типичным мастеровым. Очень любил выпить, выпив, любил поскандалить с фараонами (полицейскими) и не раз попадал для отрезвления в участок. Может быть, именно за это его особенно любили рабочие на всех фабриках, где ему приходилось работать. Он был замечательно активен. Во всех столкновениях с мастерами он выступал защитником какого-нибудь обиженного или разоблачал какую-нибудь несправедливость. О себе самом он не умел заботиться. У него была жена, но он никогда с ней не жил вместе; у него большею частью не было своего по-

стоянного жилья. Чаще всего он вселялся в какую-нибудь артель или казарму. В противоположность остальным передовым рабочим того времени, он никогда не обращал внимания на свой костюм.

Совершенно другого типа был Константин Федорович Бойе. Несмотря на свою иностранную фамилию, он был настоящим великороссом, мещанином, если не ошибаюсь, г. Козельска. Отец его служил в железнодорожных мастерских и отдал его в железнодорожную техническую школу. Он кончил ее с большим успехом, приехал в Москву и поступил токарем на механический завод Вейхельдта. На заводе ему сразу приклеили кличку «скубента». Действительно, по внешнему виду он скорее напоминал студента семидесятника. Он носил бороду, длинные волосы, широкополую черную шляпу. Жил он замкнуто. Как токарь первой руки, он зарабатывал по тому времени очень прилично, что-то руб. 35—40. Снимал отдельную комнату и значительную часть жалования тратил на книги. Насколько помню, при первом знакомстве с ним я нашел у него «Логику» Милля, лекции Ключевского, книжки Писарева, Белинского, Глеба Успенского, Луи Блана и т. п. Товарищи по работе на заводе, несмотря на полупрезрительную кличку «скубента», относились к нему с уважением, особенно после того, как он отказался от предложенного ему места помощника мастера. У него был также довольно широкий круг знакомых среди студентов, с которыми он знакомился в публичных библиотеках и столовых.

Знакомство с этими двумя товарищами дало нам возможность действительно начать планомерную работу. Одновременно Винокурову удалось познакомиться с двумя наборщиками, фамилий которых я не помню (кажется, один из них работал у Кушнарева, другой в синодальной типографии)[1]. Помню, Винокуров жаловался на то, как трудно ему приходилось налаживать знакомство среди наборщиков. В это время труд наборщиков как-то резко выделялся. Редко у кого из них была длительная постоянная работа. То вдруг появлялся усиленный спрос на наборщиков, они за несколько дней, работая сдельно, зарабатывали сравнительно много, а затем, когда спешный заказ заканчивался, их рассчитывали, и они днями ждали нового заказа. Эта неустойчивость в работе, резкие колебания хороших заработков с полной безработицей делали наборщиков горчайшими пьяницами. Пожалуй, ни в одной отрасли труда нель-

---

[1] Пропущены первые мои знакомые-рабочие через С. И. Мицкевича: С. И. Прокофьев с Брестской жел. дор. и Семенов с завода Листа. *А. Винокуров.*

зя было найти такого большого процента типичных алкоголиков, как именно среди наборщиков. Это обстоятельство сильно мешало работе Винокурова по налаживанию правильного кружка среди них.

У меня зато сразу наладились два кружка. В один входили рабочие уже более или менее сознательные. Мы собирались в комнате Бойе. Он специально для этого нанял удобную комнату, без хозяйки, т.-е. непосредственно от домохозяина, на Черногрязской Садовой. В этот кружок входили человек 8 рабочих, за исключением Полякова все металлисты. Среди них особенно выделялся Саша Хозецкой, молодой еще парень, работавший тогда слесарем у Доброва и Набгольца. Остальных я фамилии не знал. Но помню, был один слесар из Казанских мастерских, который впоследствии сыграл очень активную роль. Хозецкой (сын псаломщика), подобно Бойе, кончил техническую школу. Он чуть не после первого занятия в кружке создал свой кружок у Доброва, которым он начал сам руководить.

Второй кружок образовался на фабрике у Михайлова. Тут рабочие все жили в фабричных казармах, в них жил тогда и Поляков. Помню, когда я первый раз пошел в этот кружок, мы с ним условились, что он встретит меня у фабричных ворот и проведет в казарму. Я пришел немного раньше условленного времени и стал прохаживаться возле ворот. Вдруг неожиданно на меня обрушивается здоровенный мужчина, хватает меня за шиворот и молча тащит к канаве. Я боюсь крикнуть, чтобы не создать скандала и не провалить собрания, начинаю также молча отбиваться, в полной уверенности, что имею дело с грабителем. В это время к нам подбегает Поляков. Оказывается, мой противник был им выставлен патрулем, чтобы оберечь кружок от шпионов. Заметив, что я несколько раз прошел мимо ворот, он решил, что я и есть шпион, и потащил топить меня в канаве. Опоздай Поляков, пришлось бы мне основательно выкупаться в холодной воде. К слову сказать, этот патрульный был интереснейший тип. Он—сын какого-то генерала, спился окончательно, будучи в одном из первых классов кадетского корпуса. Семья от него отреклась, и он между двумя запоями работал где-нибудь чернорабочим. Работал он недолго, начинал бить, дебоширить, причем специализировался на избиении полицейских. Он обладал большой физической силой, и обыкновенно требовался целый наряд городовых, чтобы свалить, связать и отправить его в участок. Попадал он туда большею частью только с остатками одежды, весь окровавленный. Но, к великому сожалению дежурного околотка, пред'являл паспорт генеральского сына, потомственного дворянина, и его, по-

сле вытрезвления, обыкновенно отпускали домой, и дело об избиении им городовых затушевывалось. Так как он напивался в самых различных уголках Москвы и попадал в различные участки, то эта заключительная сцена, связанная с пред'явлением генеральского паспорта повторялась довольно часто. Чтобы покончить с этим типом, скажу, что он сразу очень сочувственно отнесся к нашим занятиям, но тут же заявил, что он берет на себя одну задачу — охранять нас от шпионов и фараонов. И действительно, он был нашим бессменным патрульным и в дни кружковых занятий никогда не напивался.

Каково было мое удивление, когда Поляков ввел меня в казарму, в общую спальню, и сказал, что придется рассказывать всем, все ребята хорошие и все одинаково интересуются. Я уже в то время кое-что смыслил в конспирации и полагал, что будет не совсем конспиративно выступать так перед всеми, но делать было нечего. Все собравшиеся так жадно, с каким-то благоговением смотрели на меня, что заразили меня своим интересом, и я начал рассказывать им все, что знал, забыв про всякую конспирацию. Ведь в конце-концов рисковал я только самим собою, а это было не страшно. Я после этого довольно долго посещал эту казарму. Жандармы ничего не узнали про эти занятия. Действительно, ребята все оказались хорошими. Ни одного предателя среди них не оказалось.

Это были мои первые уже оформленные кружки. В одном кружке собиралась рабочая аристократия, в другом — самые низы рабочего класса. Первый кружок прежде всего хотел знаний. Все они зарабатывали сравнительно хорошо, и на самих себе менее чувствовали гнет эксплоатации. Михайловский кружок прежде всего хотел ответа на вопрос, как им бороться, чтобы улучшить свое невыносимое положение. Тут уже на втором собрании возник вопрос об организации кассы, как средства для подготовки организованной забастовки. И это весьма характерно, это явление нами наблюдалось и отмечалось и в следующие годы работы. Металлисты тоже выдвигали вопрос о кассе, но почти всюду пытались придать этой кассе узко профессиональный характер, с значительным уклоном к кассе взаимопомощи. Наоборот, текстильщики, заработок которых в то время редко достигал 16—18 рублей, стихийно выдвигали вопрос о боевой стачечной кассе и притом кассе, выходящей за пределы данной фабрики, данной профессии.

Таким образом, уже в этих наших первых кружках наметились две линии рабочего движения. Одна линия вела к развитию профессионального движения, другая — к раз

витию рабочей партии. Вначале мы не осознали этих двух течений, но я хорошо помню, что в беседах нашего складывающегося центра (т.-е. нас с Винокуровым, Поляковым и Бойе) мы решили без колебаний проводить точку зрения низов рабочего класса. Мы коллективно познакомились тогда с борьбой, которую вели организованные в Лондоне незадолго перед этим дочерью Маркса, Эвелиной Маркс, докеры со старыми трэд-юнионами, и мы высказывались решительно за нее, против рабочей аристократии. Подчеркиваю этот факт, крайне важный для понимания начала организации нашей партии. Другой факт, который придется тут же отметить, это то, что мы сразу, не задумываясь, считали важным не замыкаться в узкой кружковщине. Каждый из участников кружков сам сейчас же заводил связи на других фабриках и заводах и начинал там фактически вести агитационную работу. В числе первых вопросов, которые возникали во всех кружках наряду с вопросами об экономическом положении рабочих данной фабрики, были и вопросы об общем политическом строе России и Запада и о боге. Все эти вопросы тесно переплетались. Мы всегда начинали с положения данной фабрики, ставили его в связь с положением на других фабриках, затем переходили к положению западно-европейских рабочих, к их экономической и политической борьбе, сравнивали политическую жизнь у нас и в Европе, выясняя возможность там легальной борьбы благодаря политической свободе и невозможность ее у нас благодаря самодержавию, затем тут же давали оценку западно-европейской политической свободы, которая никак не может удовлетворить рабочий класс. И в конце-концов переходили к выяснению сущности социализма, который является конечной целью всего рабочего движения. Вопроса о боге мы сами не выдвигали, но он неизменно выдвигался самими слушателями, и нам часто приходилось отклоняться в сторону и говорить о происхождении человека и о сотворении мира. Это повторялось буквально на всех кружках, которые я лично вел, и это отмечали и все остальные товарищи. При этом отмечалось, что результат получался неважный, если пропагандист первый поднимал вопрос о боге или царе, и наоборот, выходило очень хорошо, если эти вопросы выдвигала сама аудитория.

Кружки начали плодиться довольно быстро. Поляков проявлял невероятную активность. Он проникал буквально на все мануфактуры, у него были связи на Прохоровке, на Балашовской, в Даниловской, на мелких фабриках. Он всюду проникал, кое-где сам вел работу, кое-где, организовав кружок, передавал его кому-нибудь из нас. Так же энергич-

но работали среди металлистов Бойе и Хозецкой, при чем первый выбирал сознательных одиночек и организовывал их в кружки, в то время как Хозецкой вел, подобно Полякову, массовую агитацию.[1]

3. Мой первый арест

В самый разгар этой работы, в ноябре 1892 г., я был арестован. Я поздно ночью вернулся из очередной поездки в Новый Иерусалим. Основательно продрог и устал и только что уселся за самоварчик, как нагрянула полиция. Перерыли мое немногочисленное имущество и под подушкой нашли у меня «Манифест коммунистической партии». Увидев эту брошюру, пристав, производивший обыск, крикнул понятым и городовым: «Держать его крепче!». Те набросились на меня вчетвером, схватили меня за руки и так продержали до конца обыска и подписания протокола. В ордере охранки было предписание «обыскать и арестовать в зависимости от результатов обыска». Результат оказался налицо, и меня торжественно повели, окруженного целым отрядом околоточных, городовых и дворников в Яузскую часть. Там одиночных камер не имелось вовсе, поместить в общую не решились, и после довольно длительного совещания было решено очистить общую женскую камеру и посадить меня туда, а женщин перевести в мужскую камеру. Большинство населения и той и другой камеры составляли пьяницы, подобранные на улице. Первое мое тюремное впечатление было вот это переселение пьяных женщин к пьяным мужчинам. Некоторых просто за ноги вытаскивали, других кулаками будили и заставляли самих переходить. Не окончательно пьяные мужчины приветствовали это переселение гнусными, циничными выкриками. Эта возня продолжалась довольно долго. Наконец камера была очищена, меня довольно вежливо пригласили занять ее. Сам смотритель обыскал меня и, несмотря на мои протесты, отобрал

---

[1] По моим воспоминаниям, все, о чем пишет тов. Лядов в этом месте, происходило несколько позже, а именно: не осенью 1892 г., а весной или осенью 1893 г. Первое мое знакомство с кружками Рязанова и Винокурова произошло зимой 1891—1892 гг., а теснее сблизился я с ними в следующую зиму 1892—1893 гг. У нас тогда только начинали заводиться связи с рабочими: у меня была связь с С. И. Прокофьевым, пом. машиниста на Брестской дороге, и с Семеновым, работавшим в Брестских мастерских, а потом на заводе Листа в Замоскворечье. С ними я познакомил А. Н. Винокурова. У т. Лядова тогда насколько я помню, тоже только начинали заводиться связи с рабочими. «Кружки начали плодиться довольно быстро» как раз после оформления «шестерки», в сентябре 1893 г. — *С. М.*

у меня все папиросы, самолично запер камеру, поставил особого часового у моей камеры, ключи унес с собой. Я страшно устал и, недолго думая, лег на голые нары и заснул богатырским сном, забыв и про тюрьму и про все на свете.

Рано утром меня разбудил громкий разговор у дверей моей камеры. В дверное окошечко я увидел, что у дверей столпилось все тюремное население, городовой об'ясняет им, что я не простой арестант, а политический, т.-е. настолько важный, что сам смотритель забрал ключи от моей камеры и в течение ночи несколько раз приходил проверять меня. Затем начался спор, что такое политический. Много было высказано по этому поводу предположений, и наконец большинством решено, что так называют фальшивомонетчиков. Мне пришлось вмешаться в этот разговор, я начал рассказывать, кого именно зовут политическим. И городовые и арестанты слушали с большим интересом мой рассказ, угощали меня через форточку махоркой. Мы все так увлеклись, что не заметили прихода смотрителя. Он сейчас же приказал загнать в камеру арестантов и не выпускать их оттуда, городовым за разговор со мной пригрозил посадить под арест.

Я набросился на него с ругательством за то, что он отобрал у меня папиросы, на что он не имеет права, так как в Таганской тюрьме, где сидят политические, им разрешают курить. Он обещал узнать об этом, а пока не получит приказа, разрешить своей властью не может. Я решил отомстить ему. Так как при моем вселении в камеру ее прежние обитательницы унесли с собой знаменитую «парашу», я начал каждый час требовать, чтобы меня выпустили «до ветру». Каждый раз для этого пришлось вызывать смотрителя. Он сам провожал меня в уборную. В противоположность городовым и арестантам он под именем «политического» представлял себе исключительно цареубийцу. Надо иметь в виду, что в Яузской части до меня не было политических со времени разгрома «Народной воли». Бунтующие студенты туда не попадали. Поэтому смотритель представлял себе, что я очень важный преступник и со мной нужно как-то по особенному обращаться.

С уборной я его промучил целый день, раза 3 заставлял будить его ночью. Наконец предложил ему компромисс: если он хочет спокойно спать остальную часть ночи, то пусть даст табак, иначе у меня расстройство желудка не пройдет. Мои папиросы он мне не решался вернуть, но снабдил своими, при чем просил курить в отдушину и вернуть ему окурки. После этого я перестал его требовать. Потяну-

лись долгие дни, во время которых я строил всякие предположения о причинах моего ареста. Я был уверен, что вместе со мной арестованы Винокуровы и другие товарищи, что меня наверное проследили. Я обвинял себя в неконспиративности. Так прошло дней десять. Нельзя сказать, чтобы было очень уютно и удобно сидеть. На вторую ночь мне принесли-было нечто вроде тюфяка, но когда я увидел, что этот тюфяк так густо населен, что, пожалуй, мог бы двигаться без всякой посторонней помощи, я попросил поскорей убрать его и предпочел спать на голых досках. Есть мне давали так называемую баланду, нечто среднее между водой и помоями. Денег при аресте у меня было лишь несколько медяков, так что я не мог улучшить питание за свой счет. Читать было нечего, так что оставалось одно развлечение — беседа с городовыми и арестованными. Иногда по вечерам там, во второй камере, пели песни, а раз даже сочинили целый бал. Обычно же оттуда раздавалась самая циничная ругань пьяных женщин.

Я очень обрадовался, когда, наконец, меня вызвали в контору и сдали с рук на руки двум здоровенным жандармам, которые в простой пролетке отвезли меня в жандармское управление. Я решил разыграть простачка, который буквально ничего не понимает, за что он арестован. На вопрос, откуда я достал найденную у меня брошюрку, я рассказал, что покупал книгу на Сухаревке и к удивлению своему нашел в этой книге «Коммунистический манифест». Я не успел ее прочесть и поэтому ее содержания не знаю, а также не знаю, запрещенная она или нет. Под подушкой она у меня лежала потому, что я предполагал читать ее перед сном. После этого передо мной выложили целую груду фотографических карточек и просили указать, кого из них я знаю. Среди карточек я нашел брата Григория, Шатерникова, Круковского, несколько человек, которых я встречал у него (Ванновского, Егупова, Переплетчикова), но, конечно, заявил, что никого из них не знаю.

Я очень рад был, что среди пред'явленных мне карточек не было ни одной из моих последних товарищей по работе. Значит, моя работа не известна, значит, товарищи не арестованы. Это сразу подняло мое настроение. И действительно, я убедился из дальнейшего допроса, что меня арестовали в связи с арестом Круковского по доносу Егупова. Меня арестовали, как работавшего на заводе Слиозберга и обвиняли в пропаганде среди рабочих на этом заводе. Пробовали на допросе связать меня с делом брата и Астырева, но я отрицал все и всех. После допроса мне об'явили, что я буду выпущен на свободу, но остаюсь под гласным надзором полиции до окончания следствия. Меня отвезли об-

ратно в участок и оттуда с городовым препроводили на квартиру.

Очутившись на свободе, я прежде всего пробрался к Винокуровым узнать, все ли у них в порядке. Оказывается, и у них и у всех наших знакомых рабочих было все благополучно. Про мой арест все очень скоро узнали, все очистились от всякой нелегальщины и ждали арестов. Мы решили, что дальше бояться нам нечего, что нас не проследили и что можно продолжать работу. Правда, еще решили подвергнуть меня временному карантину.

Мой хозяин страшно перепугался моего ареста. Прежде всего он закрыл фабрику и уехал к себе в Витебск. Но когда узнал, что меня освободили, он отправился за советом к приставу. Тот успокоил его, что если бы я был важным преступником, то меня наверное не выпустили бы, а посадили бы в Шлиссельбург, а так как меня выпустили, то, значит, арестовали по ошибке, и, следовательно, он без боязни может оставить меня на службе. Это было очень кстати, так как в положении поднадзорного, без документа (паспорт остался в охранке) я, конечно, не мог бы получить другой работы.

Слежка выражалась в том, что ко мне приставили околоточного из охранки, толстого, рыжего детину. Он ежедневно по нескольку раз беседовал с дворником дома, частенько заглядывал в подвальное окно, освещающее мою контору, и несколько раз провожал меня в моих деловых путешествиях по Москве. Иногда он ходил в штатском, иногда в форме околоточного. Он мне очень надоел, и раз я решился зазвать его к себе в контору. Угостил его сначала водкой, а затем очень резко заявил ему, что решил пожаловаться на него начальнику охранки, что он совершенно не умеет следить. Он должен следить так, чтобы я не замечал его слежки, а вместо этого я его каждый день вижу. Я буду просить назначить ко мне более умного шпика. Он очень испугался и обещал больше не надоедать мне, если я, со своей стороны, обещаю никуда не уезжать из Москвы. Я это обещал и после этого действительно избавился от его надоедливой слежки. После этого каждый раз, когда я его встречал, он форменным образом убегал от меня.

Но приходилось выдерживать карантин. Было очень скучно. Я взял отпуск на месяц и со знакомой акушеркой-фельдшерицей поехал в Козьмодемьянск, Казанской губ., работать по оказанию помощи голодающим. По возвращении оттуда я убедился, что мой рыжий шпик оставил меня в покое, что слежки за мной фактически нет никакой и что, следовательно, можно возобновить свои связи. Александр

Николаевич Винокуров согласился со мной. Я возобновил занятия в кружках.

Наши связи росли. К нашему основному кружку присоединились: Сергей Иванович Мицкевич, Андрей Карпузи (полуинтеллигент, слесарь, приехавший из Ростова), курсистка Пелагея Сергеевна Мокроусова (потом жена А. Карпузи), наконец, приехал из Вильны Евгений Игнатьевич Спонти [1], одна из интереснейших фигур в нашем кружке. Из рабочих вновь особенно выдвинулись Сергей Иванович Прокофьев, помощник машиниста Брестской дороги, и Михаил Петров (Беспалый), работавший тогда, кажется, у Бромлея. Близкое участие в делах нашего кружка начали принимать с 1893 г. Софья Ивановна Муралова и Анфиса Ивановна Смирнова, приятельницы Винокуровой. Спонти, бывший офицер, прошел марксистскую выучку в Вильне, где он принимал участие в зарождении социал-демократического рабочего движения и близко соприкасался сам с работниками, основавшими впоследствии «Бунд». Он привез нам опыт польского и еврейского рабочего движения. Привез также ряд брошюрок: «Кто чем живет» Дикштейна, «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день», «О конкуренции», «Труд и капитал» Свидерского, которые первоначально вышли на польском языке. Спонти оказался человеком «не от мира сего». Он не хотел поступать, подобно нам, куда-либо на службу, говоря, что это отняло бы у него много времени, которое он более целесообразно использует для дела. В то же время он решительно отвергал какую бы то ни было помощь со стороны товарищей, мотивируя тем, что он «рантье» и может отлично прожить на свой счет. Действительно, как это после оказалось, он был «рантье». У него был какой-то клочочек земли где-то в Минской губ., который приносил ему колоссальную ренту — в шестнадцать руб. в месяц. Вот на эти 16 рублей он существовал и часть из них еще отдавал на разные конспиративные нужды.

С расширением нашего кружка дело начало быстро двигаться вперед. У нас установились прочные связи и кружки на целом ряде фабрик и заводов: у Вейхельдта, Гужона, Бромлея, Доброва и Набгольца, Гоппера, Листа, Грачева, на Курской, Казанской и Брестской дорогах, на фабриках — Прохоровской, Балашовской, Даниловской, Михайлова, Филиппова, Иокиша, Лыжина, еще на ряде фабрик, расположенных в районе Немецкой улицы и Лефортова, у Эйнем, в некоторых типографиях, помимо Кушнарева и Синодаль-

[1] Спонти приехал в Москву из Вильны, согласно его воспоминаниям, в конце лета 1893 г. — *С. М.*

ной типографии. Были связи и с отдельными мелкими мастерскими, отдельными рабочими. В одном кружке принимал даже участие один городовой, было несколько дворников.

4. Как организовался «Московский рабочий союз»

Наша кружковая работа настолько разрослась, что уже начала чувствоваться настоятельная потребность организационно закрепить эту работу. Я уже говорил, что идея создания касс возникла буквально во всех кружках. До сих пор все средства на литературу покрывались исключительно нами самими. Никаких других доходов у нас не было. И вот первой задачей возникавших касс было — отчислять средства на приобретение литературы. Каждый кружок выбирал библиотекаря и кассира. Организатор кружка не выбирался. Таковым оказывался тот товарищ, который связывал кружок с центром [1]. Центр создался сам собой. В него вошли все инициаторы и наиболее активные товарищи. У него не было деления на интеллигентов и рабочих. Фактически к весне 1893 г. центр составили следующие товарищи: Винокуров, Спонти, Поляков, Бойе, Мицкевич, Прокофьев и я. Из них трое рабочих и трое интеллигентов и я — полурабочий, полуинтеллигент. К центру практически сходились все нити работы. Здесь же организовалась редакционная коллегия, которая переводила книжки и начала издавать листовки.

Первые листовки написал Спонти [2]. Я помню следующие листовки: ««У фабричного инспектора», «Много ли мы зарабатываем». Третью листовку написал Мицкевич на тему «Долго ли мы живем». Печатались эти листовки на гектографе, который мы сами варили и на котором сами печатали.

[1] В первый центр (шестерка) Поляков и Бойе не входили. С Поляковым и Бойе я встретился позже в центральном рабочем кружке, образовавшемся в апреле 1894 г. из представителей фабрично-заводск. кружк., собиравшемся на квартире Бойе на Немецкой ул. Названия «Рабочий союз» до моего ареста (3 декабря 1894 г.) не было. См. об этом подробнее в моих воспоминаниях (стр. 33). — *А. Винокуров.*

Вполне согласен с т. А. Н. Винокуровым. В первый центр (шестерка) входили: А. Н. Винокуров, П. И. Винокурова, Е. И. Спонти, С. И. Мицкевич, М. Н. Мандельштам-Лядов и С. И. Прокофьев. С Ф. И. Поляковым лично я познакомился лишь в Бутырской пересыльной тюрьме в 1897 г. См. об этом также мои воспоминания, стр. 26, и воспом. С. И. Прокофьева, стр. 109. О названии «Рабочий союз» и «Моск. рабочий союз» см. в моем предисловии к этой книге (стр. 6). Весной 1893 г. никакого оформленного центра еще не создавалось, он создался в сентябре 1893 г. — *С. М.*

[2] Первые листки написал Спонти в начале 1894 г. Подробно о литературе нашей организации см. книгу «Литература Московского рабочего союза», изд. «Московск. рабочий», 1930 г. — *С. М.*

Осенью 1893 г. мы, наконец, решили оформить нашу организацию. Если не ошибаюсь, Мицкевич разработал проект устава. Мы обсуждали его на ряде собраний, обсуждали самым детальным образом. Крупных принципиальных разногласий между нами не было. Название было принято почти без споров — «Московский рабочий союз»[1]. Без споров все соглашались, что организация эта должна быть социал-демократической. Но мы тогда тщательно избегали употреблять иностранные слова и решили временно избежать непонятного массам слова «социал-демократия», а затем постепенно всем содержанием выпускаемых листков приучать массы к этому слову. Ни на минуту среди нас не было колебаний и в том, что организация эта должна быть политической.

В этом отношении среди нас не было ни одного сторонника так наз. «экономизма», который появился уже значительно позже. Начать классовую борьбу против буржуазии и против самодержавия — вот основной лозунг нашей организации.

Постоянные связи со студенчеством поддерживал Мицкевич. Но особенно много сочувствующих студентов и курсисток добывали Муралова и Смирнова. Вот у этих сочувствующих и хранились первое время наши гектографы[2].

С финансовой целью мы издали на гектографе при содействии таких сочувствующих Бебеля — «Женщина и социализм» и только что полученную и переведенную нами «Эрфуртскую программу» с толкованиями Каутского. Переводил эти обе книги я. Винокуровы их редактировали и выправляли мой далеко не литературный язык. Отпечатанные книги эти мы распродавали студентам за сравнительнодорогую плату, а некоторые экземпляры за плату давали им читать. С коммерческой же целью группа сочувствующих издала литографированные лекции Ключевского по «Истории Рос-

[1] См. предыдущее примеч. мое и Винокурова, а также книу М. Н. Лядова «История росс. соц.-дем. рабочей партии», изд. 1906 г., стр. 116. Там М. Н. Лядов *правильно* говорит, что организация приняла название «Московского рабочего союза» *на маевке* 1895 г. См. также о собрании, на котором организовалась «шестерка», в приложениях, стр. 238. — С. М

[2] Первый множительный аппарат, не считая гектографа, приобретенный нашей организацией, был мимеограф, который мы получили через Виленскую организацию в конце октября или начале ноября 1894 г. Помнится, что мы получили его почтовой посылкой на имя М. Т. Елизарова по месту его службы. Женой М. Т. Елизарова была Анна Ильинична, сестра В. И. Ленина. Я получил его через брата ее, Д. И. Ульянова, тогда студента Московского университета. Шпики проследили эту передачу (см. об этом в «приложениях»—«Технические средства организации», стр. 242). — С. М

сии» и «Исторические письма» Миртова (Лаврова). Если не не ошибаюсь, то и другое было издано кружком техников. Обе эти вещи были изданы литографским способом, а не на гектографе.

Сейчас трудно себе представить, каких усилий требовала такого рода работа. Надо было добыть противень для гектографической массы, надо было накупить сравнительно большое количество бумаги, при чем правила конспирации требовали, чтобы бумага покупалась небольшими количествами в разных лавках и обязательно разных фабрик. Самым трудным было приобретение гектографских чернил. Их можно было достать только в большом магазине Гагена на Лубянке. Вот для этого нужно было, чтобы покупать их приходило какое-нибудь лицо, связанное с земской или городской управой, которые имели право пользоваться гектографом. Затем необходимо было незаметно сварить массу на хозяйской плите. Как счастливы мы были, когда узнали, что изобретены шапирограф и карманная типография, набор из нескольких десятков гуттаперчевых букв, при помощи которых можно было набрать две-три строчки печатного текста. Нам удалось, я уже не помню, каким образом, приобрести карманную типографию. Каждая строчка печаталась отдельно, строчки выходили кривые, но зато листок был напечатан печатными буквами, а не от руки. Это сразу подымало его престиж в глазах рабочих.

Наряду с самодельной нелегальной литературой мы широко пользовались легальными книгами. В особенности полезны оказались нам издания Водовозовой: «Жизнь европейских народов», серия популярных брошюрок о жизни немцев, англичан, бельгийцев, французов и т. д. В этих брошюрах, очень хорошо, популярно составленных, давались кое-какие сведения о рабочих организациях, профсоюзах, кооперативах. Мы закупали сотнями эти книги, и они буквально расхватывались нашими рабочими и зачитывались до дыр. Также разбирались и некоторые павленковские биографии и такие вещи, как Золя — «Углекопы», Шпильгагена — «Один в поле не воин», «Овод», «Спартак», сочин. Глеба Успенского, Щедрина и т. п.

Каждый кружок старался составить себе получше библиотеку. Некоторым удавалось приобретать у букинистов первое издание I тома «Капитала» Маркса. Я помню, сам купил его за 5 рублей на Сухаревке, II том за 1 руб. 50 коп. Но спрос настолько возрос, что уже в 1894 г. первый том Маркса котировался на Сухаревке по 25 руб. (цена колоссальная по тому времени). Многие из передовых рабочих действительно изучали Маркса. Помню, как на одном кружке после беседы о прибавочной стоимости один рабочий из

оптической мастерской Швабе мне представил точный подсчет того, какую прибавочную стоимость он в год дает своему хозяину. Пример этот был настолько заразителен, что все члены кружка, работавшие в самых различных предприятиях, произвели такой же подсчет.

До тех пор все наши листки выходили без подписи. Теперь мы начали выпускать листки уже за подписью «Московский рабочий союз». Помню, мы выпустили первые два листка за этой подписью: один по поводу стачки виленских портных или сапожников, другой по поводу какой-то крупной забастовки в Англии[1]. Обе листовки имели очень большое значение. Саша Хозецкой и Федор Поляков ухитрились развесить их по отхожим местам целого ряда фабрик и заводов. Целый день вокруг этих листовок толпилась кучка народа, и все время кто-либо из распропагандированных рабочих растолковывал и прочитывал вслух содержание листка. На многих фабриках был произведен шапочный сбор в пользу виленских рабочих. Удалось набрать несколько десятков рублей, и они были при посредстве Спонти отосланы в Вильну.

Вообще в это время нам удалось уже связаться с рядом городов, где также велась в большем или меньшем масштабе работа. Кроме Вильны у нас связь была с Нижним, куда перебрался высланный из Москвы Круковский и арестованный вместе с ним Александр Семенович Розанов — студент-медик, товарищ брата Григория. Они вели в 1893—94 годах в Нижнем вместе с М. Г. Григорьевым и другими довольно широкую работу, приблизительно по типу нашей московской работы. Круковский прислал нам написанные им «Четыре беседы», в которых он очень популярно изложил основные положения марксизма. Эти лекции мы печатали у нас, и они пользовались большим успехом среди наших рабочих.

Через рабочих Курских мастерских я завязал связь с кружком рабочих в Коврове и Муроме; у Прокофьева были связи и кружки по линии Брестской ж. д. Моего брата Григория выслали в Орел. Там ему пришлось работать в земской статистике и столкнуться с группой народников во главе со старым революционером-народником Марком Натансоном. Кроме брата в Орле, также под надзором, жил статистик Петр Петрович Румянцев, который в то время уже был марксистом (он перевел «Zur Kritik»). Они вдвоем сумели перетянуть на свою сторону почти всю орловскую радикальную молодежь. Я раза два ездил к брату в Орел и связался с его кружком. Кажется, через Мицкевича мы поддерживали

---

[1] См. о подписях на листовках мое предисловие, стр. 6. — *С. М.*

связь с Питером. Была связь и с Иваново-Вознесенском. Немного позже, в 1894 г., Смирнова свела меня с Александром Александровичем Богдановым (Малиновский, тогда студент, как поднадзорный жил в Туле) и с Сергеем Ивановичем Степановым (рабочий оружейного завода). Они оба приехали из Тулы со специальной целью связаться с московской организацией. У Карпузи сохранились связи с Харьковом и Ростовом н/Д. Поляков поддерживал отношения с Раменским, Александровом (Барановской мануфактурой) и Егорьевском. Вместе с ним я ездил несколько раз в эти места. Одним словом, немедленно после своего зарождения «Московский рабочий союз» по своей деятельности вышел далеко за пределы Москвы. Это обстоятельство делало нашу организацию определенно классовой, определенно революционной.

С заграничной организацией у нас установилась связь через Вильну. Мы несколько раз посылали туда деньги с требованием литературы. Несколько раз получали литературу, но, к нашему большому огорчению, нужная нам марксистская литература, издаваемая группой «Освобождение труда», приходила в немногих экземплярах, в то время как лавровские издания, издания фонда Вольной прессы (либеральные) и т. п. вещи приходили целыми чемоданами. Мы считали недопустимым распространять от нашего имени в рабочих массах эту литературу, и поэтому обыкновенно сбывали ее студентам за плату или давали на прочтение наиболее развитым рабочим, которые уже умели критически отнестись к ней. Помню, раз мы с Поляковым получили пачку такой литературы. Прятать ее нам было негде, раздавать по кружкам не хотели. Сжигать ее казалось совестным. И вот решили: разделили между собою всю пачку, набили литературой этой все карманы и пошли по Москве разбрасывать и расклеивать ее. Я прошатался с ней всю ночь, расклеивал на бульварных фонарях, засовывал под двери и ворота. Таким образом спустил все до последнего листка. Поляков обошел ночью все базары, куда уже с'ехались крестьяне с возами. Он и рассовал все листки и брошюрки спящим на возах мужичкам.

Утром я прогуливался по бульвару, любовался, как прохожие останавливались перед наклеенными на фонарях листками, как затем появлялись околоточные и начинали срывать листки. Получилась очень приятная картина. Листки были прочитаны очень многими прежде, чем полиции удалось сорвать их.

Широко использовал я для рассылки литературы свою службу. Каждую кипу искусственной шерсти, которую мне приходилось отправлять, я снабжал несколькими листками. В сукновальных отделениях или прядильнях, куда они по-

падали, у меня были приятели, которые умели этот гостинец расклеить в уборной (в «клубе») или разбросать по станкам до начала работы.

Понятно, что с появлением оформленной организации мы усилили нашу конспирацию. Особенно строг по части конспирации оказался Спонти, получивший солидную в этом отношении выучку в Вильне. Я, например, только в тюрьме узнал его фамилию, хотя не раз бывал у него на квартире. Он поселился вместе с Бойе на Черногрязской Садовой.

За исключением очень узкого круга лиц из естественно сложившегося руководящего центра, остальные члены организации не знали фамилий и адресов друг друга. У меня с самого начала вошло в привычку не узнавать и не запоминать фамилий. Поэтому сейчас мне совершенно невозможно вспомнить фамилии даже очень близких товарищей. Характерно было и то, что отдельные кружки совершенно не были осведомлены о других кружках, работавших в том же районе или даже на том же предприятии. Помню, один рабочий, кажется, с завода Вейхельдта, принимавший участие в одном из моих кружков, случайно был втянут в кружок, которым руководил Мицкевич. Убедившись, что мы проводим одни и те же идеи, он решил нас познакомить и действительно организовал нашу встречу. Мы не показали и виду, что мы действительно знакомы и работаем в одной организации. По всей вероятности, наряду с нашей организацией вели кружковую работу отдельные лица, не связанные с нами. Так, например, параллельно с нами работал студент А. Н. Орлов, а после, в 1895 г., Колокольников.

Несмотря на то, что работа наша развертывалась все шире и шире, несмотря на то, что и я, и Винокуров состояли уже — я под гласным, он под негласным надзором полиции, полиция и охранка и не подозревали о нашей работе. Рабочее движение, как таковое, еще не стало об'ектом полицейского внимания. Следили за студенчеством, следили за интеллигенцией, а наше зарождающееся движение полиция проморгала. Как мы после узнали, департаменту полиции было известно, что в Москве образовался кружок марксистов, что кружок этот занят изучением Маркса, что члены его выступают на студенческих вечеринках, спорят с народниками. Даже более того, когда в 1894 г. была ликвидирована охранкой только народившаяся партия «Народного права» и случайно при этой ликвидации был арестован один из членов рязановского марксистского кружка — В. А. Жданов, ему на допросе в Петербурге прокурор или жандармский полковник сказал, что они отлично знают, что он принадлежит к марксистскому кружку. Ему назвали даже всех нас, связанных с этим кружком. «Пока мы вас не трогаем, вы за-

нимаетесь только теорией, но как только вы перейдете к работе среди рабочих, мы вас прихлопнем».

Именно благодаря тому, что и Винокуров, и я, целиком уйдя в работу среди рабочих, почти-что перестали бывать среди интеллигенции, в том числе и у Рязановых, за нами был гораздо более слабый надзор, чем за остальными членами кружка[1]. Лично я почти не встречался с интеллигенцией. Помню, в 1893 г. мне раз пришлось попасть на студенческую вечеринку, на которой разгорелся спор о нравственности, о проституции. Я не удержался и выступил. Прочел целую лекцию и изложил Бебеля — «Женщина и социализм». Лекция эта вызвала большую дискуссию, которая сильно заинтересовала учащуюся молодежь и дала нам несколько сочувствующих, заинтересовавшихся марксизмом, главным образом среди курсисток. Помню и другую вечеринку. Это было как раз зимою 1893—94 гг., на рождестве. В это время в Москве происходил с’езд врачей и естествоиспытателей. Под флагом этого с’езда с’ехалась и секция статистики. В то время земская статистика представляла из себя прибежище для всех поднадзорных, выселенных из столиц. Громадное большинство поднадзорных были, конечно, народники. Но в некоторых местах среди статистиков были марксисты (в Нижнем — Скворцов, в Орле — брат Григорий и Румянцев, где-то работал Харизоменов, в Самаре — Голубев и т. д.). В числе прочих на с’езд приехал и брат. Мы с ним пошли на вечеринку, устроенную под видом какой-то свадьбы или именин. Там был весь цвет народничества. От марксистов выступали: Рязанов, брат, студент Калафати и затем неожиданно выступил человек, которого никто из нас не знал, и притом выступил с такой эрудицией и таким знанием предмета, что мы были все поражены. Нас, марксистов, в то время было так мало, что друг друга знали наперечет. Значительно позже я узнал, что поразивший всех нас своим выступлением был Владимир Ильич Ульянов (Ленин), приехавший тогда из Питера и попавший на вечеринку[2].

Придя после этой вечеринки домой (это было рано утром), я застал в своей комнате околоточного надзирателя, который дожидался моего прихода с приказом немедленно явиться в участок. Он не дал мне помыться и сейчас же уса-

---

[1] Как видно из дела «О социал-демократическом кружке» 1894—1895 гг., в охранном отделении слежка велась все время со времени основания организации, упорная слежка почти за всеми руководящими членами организации. — *М. С.*

[2] См. об этом выступлении подробнее в воспоминаниях А. И. Елизаровой (стр. 143) и И. А. Давыдова (стр. 151). — *С. М.*

дил в сани и повез. В участке мне был об'явлен приговор по моему делу. За хранение нелегальной брошюры я по «высочайшему повелению» подвергался тюремному заключению на две недели. Я основательно забыл, что нахожусь под судом и следствием, и потому приговор был совершенно неожиданным. Меня прямо из участка в сопровождении переодетого в штатское околоточного отправили в Таганскую тюрьму. Эти две недели отсидки показались мне страшно долгими. Я вел как раз перед этим кипучую работу да кстати как раз перед этим, по молодости лет, впервые влюбился. Вынужденное безделье в течение 14 дней показалось мне вечностью. К тому же я предполагал, что жандармам стало кое-что известно о моей работе, перед которой хранение нелегальной брошюрки, конечно, показалось бы сущими пустяками. Я боялся, что по окончании срока меня не выпустят, а начнут новое дело. Книг мне не давали, и я убивал время на писание чего-то вроде дневника, в котором, помня о том, что дневник будет прочитан начальством, конечно, говорил обо всем, кроме работы. Я надеялся сохранить этот дневник и по выходе передать его той, в которую я перед этим со всем жаром молодости влюбился. Но вместо нее дневник мой получила охранка. Я увидал его лишь 28 лет спустя, в 1922 г., в моем «деле» московской охранки в Историко-революционном архиве.

Мои опасения оказались напрасными. Ровно через 14 дней меня из тюрьмы выпустили и, к великому моему изумлению, вручили мне отобранные в 1892 г. документы: паспорт и солдатскую книжку. Отбыв тюрьму, я избавился и от гласного надзора, под которым я находился до сих пор. Очевидно, жандармам и охранке наша работа была совершенно неизвестна.

И действительно, просматривая теперь все свое «дело», я убедился, что донесения сыщиков, следивших за мной, сводились к точным сообщениям о всех моих комнатах, которые я успел за это время переменить, о всех моих квартирных хозяйках, о моей службе, но не нашел ни одного указания о моей нелегальной работе.

Мой арест заставил товарищей насторожиться, временно прервать работу. Никто не знал, почему и при каких обстоятельствах я был арестован. Но мой выход из тюрьмы всех сразу успокоил. Он показал, что фактически за нами еще не начали следить. Мы пустились работать во-всю. Я использовал свой арест, чтобы окончательно покончить со своей службой, которая отнимала у меня чересчур много драгоценного времени. Я перед этим поругался с хозяином, порвал все документы, свидетельствующие о том, что я «хозяин» фабрики. Создалось довольно странное положе-

ние. Была фабрика, были какие-то склады, и у них не оказалось хозяина. Меня как-то много позже вызывают в участок и уведомляют, что если не будут уплачены какие-то налоги, принадлежащий мне товар, хранящийся на таком-то складе, будет продан с публичного торга. Имея в виду, что в это время я зарабатывал свое пропитание в качестве грузчика, снимал «угол», я при известии о «моем» складе самым искренним образом расхохотался и предложил распродать не только этот склад, но и всякий другой, принадлежащий мне, где бы таковой ни находился. Оказывается, мой «хозяин», несмотря на мой разрыв с ним, продолжал брать на мое имя всякие нужные документы, свидетельства, нанимать помещения и т. д., ни гроша не платя мне за это.

Мой арест помог мне также ликвидировать мое небольшое отклонение в личную жизнь. Моя невеста предпочла не связывать свою судьбу со столь ненадежным суб'ектом и, пока я сидел, вышла замуж за другого. Это, конечно, было к лучшему. Я оказался совершенно свободным и мог целиком уйти в дело. Чтобы прокормиться, надо было работать. Сначала я получил работу в «Энциклопедическом словаре» Граната. Эта служба не отнимала у меня столько времени, как прежняя. Воскресенье я был свободен, а кроме того мог пользоваться конторой, где принимал подписку на словарь, как явочной квартирой. Прослужил я на этом месте несколько месяцев; после этого некоторое время перебивался кое-чем, работал то переводчиком, то учителем, то грузчиком и чернорабочим, то статистиком. Наконец получил место десятника городской управы по канализационным опытам, которые производились тогда под наблюдением проф. Эрисмана в московских клиниках. Эта служба устраивала меня наилучшим образом. Местом моей работы была маленькая будка в клиническом дворе между анатомическим театром и домиком, в котором жил Эрисман. Будка была со всех сторон огорожена высоким забором, нас, десятников, было двое, и мы должны были по очереди сменяться через каждые 12 часов. Я сразу отвоевал себе ночную смену. Таким образом весь день был в полном моем распоряжении, а ночью я оставался полным хозяином всего этого, отгороженного от всего мира, пространства. Ночью ни инженеры, ни профессора никогда не заглядывали в мою будку. Я решил именно здесь организовать нашу технику. В это время у нас уже налаживалась настоящая типографская техника. Нам передали из Нижнего, что на одном из канавинских нефтеперегонных заводов хранится, еще со времен народовольческих, ручной типографский станок, вал и некоторое количество шрифта. Решили послать меня на разведку. Это было летом 1894 г.

5. Начало широкой агитации

Наша работа принимала все более массовый характер. На целом ряде заводов под руководством наших кружков были проведены забастовки. Обыкновенно на заседании кружка вырабатывались требования, которые должны были быть пред'явлены рабочими данного предприятия. Этот год был несомненным переломом в нашем металлургическом и механическом производстве. Заводы были завалены заказами, спрос на квалифицированных рабочих был большой. Все безработные находили легко место, если не в Москве, то на юге, в Екатеринославе, в Николаеве, в Донбассе, где как раз зарождались гигантские заводы, а также на только что начинающейся постройке Сибирской дороги. Это было время под'ема нашей промышленности. И мы сразу же учли это положение. Впервые в России началась волна наступательных забастовок. Требования пред'являлись в момент наибольшего количества спешных заказов. И требования в большинстве случаев удовлетворялись. Разработанные кружком требования утверждались нашим центром, за подписью союза они отпечатывались, разбрасывались и расклеивались по мастерским. Масса их дружно подхватывала. Листок очень быстро попадал к заводской администрации. Иногда дело кончалось и без забастовки. Администрация вступала в переговоры немедленно после появления листка. Иногда приходилось бросать работу, но я не помню, чтобы забастовка в этот год продолжалась больше 2—3 дней. А между тем именно этой волной требований удалось на всех буквально механических заводах Москвы провести сокращение рабочего дня до 10 часов и значительное увеличение заработной платы. Наряду с этим всюду фигурировали требования «вежливого обращения» и изгнания того или другого мастера, особенно ненавистного рабочим. Помню, как раз по этому последнему поводу бастовал модельный цех завода Гоппера, и это требование было поддержано и остальными цехами. В работе по проведению этих забастовок громадную роль сыграл Константин Бойе, его младший брат, только что окончивший школу, Федор, Александр Хозецкой, Петров, Поляков и один модельщик от Гоппера — Самохин. Особенно отличался Саша Хозецкой. Он проникал на чужие заводы, агитировал, разузнавал, сколачивал кружки, разбрасывал листки и т. п.

Вот для этой-то работы гектограф нас удовлетворить уже не мог. Широкая серая масса гектографский листок часто не могла прочесть. А нам предстояло такую же забастовочную волну поднять на текстильных фабриках.

Появление листков, организованность всех стачечных выступлений заставили полицию начать слежку за рабочими и за нами, бывшими уже у нее на учете, марксистами. Именно к весне 1894 г. я уже начал чувствовать, что за мной установлена настоящая слежка. Правда, тогдашние шпики были «трехрублевые», липовые. Надуть их большого труда не стоило, но надо было быть на-чеку.

Особенно боялся я провалить свою поездку в Нижний за типографией. Я разработал целый план, чтобы гарантировать себя от шпиков. Сговорился с одним товарищем, который уезжал в Ригу. Мы условились, что он возьмет билет до одной ближайшей станции. Я же, предварительно отметившись в участке и в солдатском столе выбывшим в Ригу, демонстративно приехал на вокзал с его вещами. У кассы я заметил, как один из шпиков протеснился и встал за моей спиной. Я купил билет в Ригу и, замешкавшись, слышал, как и мой шпик взял билет туда же. Я сел в вагон с вещами товарища, он был уже там. Мой шпик сел в соседний вагон. Я дождался 3-го звонка и выскочил на запасный путь. Шпик в это время стоял на площадке и любовался вокзалом, а я запасными путями пробрался к выходу и на извозчике уехал на Ярославский вокзал[1]. Через Ярославль по Волге доехал до Нижнего.

Тут я застал уже сложившуюся организацию. В ней тон задавал совершенно переродившийся после тюрьмы и высылки из Москвы Круковский. В организацию кроме него входили: Розанов, Григорьев, Кузнецов, сестры Невзоровы, близкое участие принимал и Алексей Максимович Горький. Узнав о моем приезде, собрались все. Я им подробно рассказал про наши московские дела, передал и кое-какую литературу, в том числе только что перед тем полученную из Вильны брошюру «Об агитации», нами в Москве переработанную; привез и наши листки, как образцы нашей агитации. Наш метод был вполне одобрен. Они в свою очередь рассказали об их работе, которая в то время значительно развернулась. После совещания Круковский и работающий с ним машинист, имени которого я не знал[2], повезли меня в Канавино на завод, где они оба служили. Там, зарытой в угольной яме, была спрятана типография. Мы договорились, как упаковать и доставить ее в Москву. В Москве о ней никто не знал. Первое время мы спрятали ее в алтаре одной небольшой церкви в одном из переулков на Плющихе. Дело в том, что Поляков познакомил меня в одном ка-

[1] В личном деле М. Н. Мандельштама (№ 263, охран. отделение) значится, что «1 августа 1894 г. направился в Ярославль». — *С. М.*

[2] Алексей Иванович Парфенов. — *С. М.*

бачке с каким-то псаломщиком. Он прямо влюбился в Полякова за его действительно поразительно художественную передачу всяких анекдотов и рассказов, готов был душу отдать за своего друга. Поляков познакомил меня с ним, и вот за бутылкой водки я соблазнил его спрятать «некую штуку» в алтаре. Это ему очень понравилось. Ночью мы с ним и Поляковым стащили все оборудование в церковь и припрятали за царскими вратами под алтарем. Потом я подготовил помещение в своей будке. Там у меня был ряд опытных колодцев по всей сети клинической канализации. Один колодец был как раз под самой будкой, им никто не пользовался. Я его несколько расширил, устроил там нечто вроде стола, одним словом, превратил его в типографию. Когда все было готово, мы принесли туда из церкви станок и шрифт, и по ночам, когда я был уверен, что никто не придет, я на замок запирал мой закуток и спокойно работал. Иногда приходил помогать Поляков или кто-нибудь из других товарищей.

Какова была радость, когда мы в первый раз выпустили настоящий печатный листок, который сразу значительно поднял авторитет нашей организации в глазах рабочих. Этот листок мог каждый прочесть, это уже были не слепые, расползавшиеся фиолетовые листовки, которые с трудом читались [1].

Забастовочное движение тем временем перебрасывалось на текстильные фабрики. Большое впечатление произвела забастовка на всех фабриках в Егорьевске. Она не была организована и скорей походила на обычный фабричный бунт с разгромом конторы, фабричных помещений, побоями директора. Мы поздно узнали об этом бунте и проявить свое руководство не могли. Но решили широко осветить эту забастовку в листовках, а главное, указать и об'яснить, как не следует бороться. Поэтому откомандировали Полякова в Егорьевск на месте установить точную картину забастовки. Он привез оттуда богатый материал, мы разработали его и выпустили листовку, которая пользовалась большим успехом.

Начались волнения на Раменской мануфактуре, на родине Полякова. Там у него был кружок, который довольно тесно был связан с нами. Делегаты этого кружка приехали

---

[1] Эта типография первое время была в моих руках. Доска металлическая по моей просьбе сделана была в мастерской Оленина и Захлыстова (народовольцы). Потом я ее свез к Спонти, и в ночь на 3 декабря (день моего ареста) мы со Спонти набрали и отпечатали первую страницу брошюрки, начинающейся словами: «Мы живем в такое время». Окончил эту брошюрку Спонти уже после моего ареста. Повидимому, после этого произошло то, о чем рассказывает т. Лядов. *С. М.*

в Москву с требованием, чтобы кто-нибудь из нас приехал провести большое собрание. Поехали мы с Поляковым. В одном вагоне с нами оказался кто-то из администрации мануфактуры, который узнал Полякова. На последнем полустанке перед Раменским нас встретил один рабочий и посоветовал слезть здесь, не доезжая до Раменского, так как фабричная полиция уже педупреждена о нашей поездке и ожидает нас на станции. Мы, конечно, слезли и пошли пешком, и по задворкам пробрались в женский корпус фабричной казармы. Мать Полякова спрятала меня под периной, а сама легла на нее. Поляков спрятался где-то в другом месте. Я только что успел улечься, как услыхал шум шагов по коридору, и в каморку ввалился целый отряд полиции. Старуха лежала на мне: кряхтела, охала, извинялась, что не может встать по болезни. Полиция перерыла всю каморку, заглядывала под кровать, но, нигде никого не найдя, с руганью удалилась. Все время ругали старуху, грозили, что теперь обязательно изловят ее сына и приехавшего с ним молодца, и им не сдобровать.

Через полчаса после обыска Поляков прислал за мной, мы пробрались переодетые в трактир за фабричною оградой, там собралось столько народу, что решили собрание перенести в лес, когда окончательно стемнеет. Это был первый большой митинг под открытым небом, на котором мне пришлось выступать. Говорить мне пришлось много. Поляков также сказал горячую речь. В заключение он прочел свои стихи из жизни рабочих, очень сильные. Нас забросали вопросами. Мы не заметили, как в общем собрании прошла вся ночь и начало светать. Нас благополучно провели в казарму, напоили, накормили. Старуха Полякова снабдила нас на дорогу очень вкусными лепешками, и мы пешком отправились в Москву. Были уверены, что по станциям нас ждут.

После мы узнали, что дня через два после нашего посещения раменцы забастовали, выступили очень организованно и кое-чего добились от администрации. Очень характерно то, что в ночь перед забастовкой молодые ребята, присутствовавшие на нашем митинге, прежде всего обрушились на иконы: сорвали и поломали иконы в казармах и в одной из мастерских. Это не единичный случай из моей практики того времени. Рабочая молодежь, начиная бороться, инстинктивно набрасывалась на религию, как на наиболее яркого выразителя господствующего строя.

С переходом к работе среди текстильщиков кружковая работа неизбежно переходила на митинговую. В районе Лефортова излюбленным пунктом для более широких собраний стала Анненгофская роща. Каждое воскресенье и каждый праздник там всегда толпился фабричный народ. Всю-

ду были разбросаны отдельные кучки рабочих. В одном месте играли в орлянку или в карты, в другом играли в лапту, кое-где выходили целой семьей с самоваром. В большинстве групп пили водку. Городовые стояли на своих постах. Мы тоже приходили с четвертью на заранее условленное место, каждый приносил с собой закуску. Мы располагались обыкновенно невдалеке от городового, который обращал на нас так же мало внимания, как и на остальные группы. Со стороны казалось, что мы, подобно всем остальным, наслаждаемся воскресным отдыхом за водкой. Правда, в таких условиях читать было нельзя, это сразу бы обратило на нас внимание, но беседовать можно было свободно. Иногда к нашей группе подходил городовой, но тут Поляков сразу начинал рассказывать такие веселые анекдоты, что блюститель порядка убеждался, что мы самая благонадежная группа рабочих. Такие же собрания, но более редко, мы устраивали и на гуляньях, на Девичьем поле и в Сокольниках.

Как-то в самый разгар беседы к нашей кучке подошел босой старик с коромыслом. Я, как обыкновенно в случае подхода посторонних, перевел разговор на невинную тему, но товарищи заявили, что дедушка свой человек, что он уже задолго до меня сам ведет агитацию и все воюет с полицией и попами. Это оказался старый ткач, тогда он работал у Филиппова. Я страшно жалею, что не могу припомнить его фамилии [1]. Он тогда был уже старым революционером. Когда-то, еще в 70-х гг., был он в народнических кружках, работал вместе с Петром Алексеевым, высылался на родину. В Москве, при аресте народовольцев в начале 80-х гг., спасся от ареста только благодаря хитрости. Он попал-было на проваленную конспиративную квартиру, где была оставлена засада. Когда он позвонил, ему открыла хозяйка и очень любезно стала приглашать его остаться. Он заподозрил неладное, решил уйти, но хозяйка насильно хотела задержать его. Он бросился бежать, она за ним. Засада была во дворе. Он вышел на улицу. Хозяйка крикнула-было: «Держите его!» Он повалил ее на землю. Собралась толпа, он изобразил из себя мужа, который учит провинившуюся жену. Этому делу московская толпа всегда сочувствовала и никогда не мешала. Когда он увидел, что со двора вышли сидевшие в засаде полицейские, он шмыгнул в толпу и исчез.

Вот этот-то старик стал скоро одним из активнейших наших работников. Он был революционером по всей натуре своей. Он ненавидел правительство, попов и богачей. Когда мы познакомились, он был народовольцем и всю надежду возлагал исключительно на террор. Но очень быстро, когда

[1] Осип Васильев. — *С. М.*

он познакомился с марксизмом, с идеями классовой борьбы, его народовольчество бесследно исчезло. Он как-то формулировал свое превращение следующими словами: «Раньше действовали только на наше чувство, учили нас ненавидеть. Вы учите нас понимать все, что нас окружает. Это сделает нас сильными». Читал он плохо, писать совсем не умел. Но когда прочел брошюру Либкнехта «Знание—сила», он начал по ночам учиться писать. Эту брошюрку я перевел с немецкого, или, вернее, переработал ее на популярном языке. Она пользовалась большим успехом среди массовых рабочих. Таким же успехом пользовалась книжка Лафарга «Религия капитала». Я ее тоже переработал, снабдил русскими текстами из священного писания. Прежде чем мы ее издали, рабочие переписывали и распространяли ее в рукописях [1].

Вообще мы все в это время чувствовали, что для нашей уже значительно выросшей аудитории одной листковой литературы далеко не достаточно. Все больше чувствовалась потребность в массовой популярно-научной литературе. Попадавшиеся нам заграничные издания группы «Освобождение труда» предназначались преимущественно для интеллигенции. У нас уже накопилось изрядное количество рукописей частью переработанных польских, немецких и французских книжек: «Рабочий день», «О конкуренции», Свидерского «Труд и капитал», Дикштейна «Кто чем живет», «Манифест коммунистической партии», «Эрфуртская программа». Кроме этих книжек Винокуров написал брошюру «На смерть Александра III», я написал первую свою популярную книжку «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратился». Вот все это мы решили послать за границу группе «Освобождение труда» с просьбой там напечатать и прислать нам.

Отвезти все это за границу и завязать тесные сношения от имени нашего союза с Плехановым и Аксельродом должен был Спонти. Нам удалось по всей организации устроить специальный сбор, который дал нам достаточно средств, чтобы оплатить поездку Спонти [2] и расходы по изданию посылаемых рукописей. На случай провала Спонти мы второй экземпляр рукописей отправили через Вильну. Если не ошибаюсь, Мицкевич отвозил их туда [3]. Спонти поехал за границу. Как я уже узнал после, в ссылке, Плеханов забра-

[1] «Религия капитала» в переделке т. Лядова помещена в книге «Литература Московского рабочего союза». — *М.*

[2] Спонти отрицает, что он ездил на общественные деньги; по его воспоминаниям, он ездил на деньги, полученные им от продажи леса на его хуторе, на эти же деньги были изданы привезенные им из-за границы брошюры. — *С. М.*

[3] Это было в феврале 1895 г.; в это время я уже был арестован и сидел в тюрьме. — *С. М.*

ковал все наши рукописи, как «вульгаризацию марксизма», и высказался против такой агитационной литературы. Из всех посланных нами рукописей группа «Освобождение труда» издала в то время только «Рабочий день», но Плеханов снабдил эту брошюру послесловием, которое мы решительным образом забраковали. Он в этом послесловии рисовал настоящим земным раем политическую буржуазную свободу, совершенно не упоминая о классовой борьбе, которую и европейские рабочие вынуждены были вести. Мы единогласно решили выпустить в массу присланное нам из-за границы издание «Рабочего дня», вырезав из него это послесловие [1]. В нашей агитации мы, говоря о парламентаризме, который должен заменить русское самодержавие, всегда подчеркивали, что парламентаризм не является самоцелью для рабочего класса, а лишь лучшим орудием классовой борьбы. Я помню, что это была официальная точка зрения нашего союза, и эту точку зрения разделяла нижегородская группа, как мы договорились с ней во время поездки моей в Нижний. Эта же точка зрения была принята в Туле, где работали тогда А. А. Богданов (Малиновский) и С. И. Степанов [2], и в Екатеринославе, куда после приговора уехал мой брат Григорий. В Екатеринославе работа развивалась по нашему типу. Каникулы (1894 г.) там провели Винокуровы, кроме них и брата там работали: студент Линдов (Лейтэйзен) и рабочие — Мазанов, Кац, Файн и Смирнов. Летом 1894 г. я два раза тоже ездил в Екатеринослав, отвозил им нашу литературу и присутствовал на заседаниях тамошней организации.

Весной 1894 г. началась работа и среди женщин. Винокурова, Муралова, Смирнова и Мокроусова проникали на воскресные и вечерние курсы, заводили там знакомство сре-

[1] См. обо всем этом подробнее и точнее в книге «Литература Московского рабочего союза», стр. 205, 207, 242, 250, 281. Там переизданы и брошюры: «Рабочий день», «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и «Рабочая революция». См. также воспоминания Спонти в этой книге. — *С. М.*

[2] По поводу связи в то время Москвы с Тулой мною записано со слов А. А. Богданова 5 июля 1923 г. следующее: Александр Александрович Богданов (Малиновский), тогда студент Моск. университета, был членом союзного совета землячества; выслан из Москвы в Тулу 3 декабря 1894 г. Был ко времени высылки еще не вполне определившимся марксистом. В Туле познакомился с рабочим Ив. Ив. Савельевым, а через него и с другими, в том числе с Серг. Ив. Смирновым-Степановым. Благодаря влиянию И. И. Савельева стал вскоре марксистом. В 1895 г. вошел в связь с Моск. организацией: через Мар. Ник. Курнатовскую познакомился с Март. Мандельштамом. Приезжал раза два в Москву вместе с Савельевым для заведения связей с Московской организацией; получал литературу. В кружках в Туле занимался политической экономией, там выработал курс занятий, который потом лег в основу «Краткого курса политической экономии». — *С. М.*

ди работниц и организовывали их в кружки. Мы выпустили самодельную брошюру «Кое-что о женщине-работнице» и какую-то переводную брошюру Клары Цеткин[1]. В декабре 1894 г. наша организация испытала первую жестокую потерю: Винокуров и Мицкевич были арестованы в связи с демонстративным протестом студентов против Ключевского (который получил тогда назначение читать лекции наследнику, кажется, Георгию или Михаилу, и поэтому вдруг резко изменил читаемый им в университете курс). Мы предполагали, что Мицкевич и Винокуров подверглись обыску за старые студенческие дела, а не как участники нашей организации[2]. У Винокурова не нашли ничего компрометирующего и поэтому его не держали долго в тюрьме, а выслали под надзор на родину, в Екатеринослав. У Мицкевича, наоборот, нашли очень много нелегального, явно свидетельствующего о его связи с рабочим движением. Он остался в тюрьме. С их арестом и от'ездом Спонти за границу наша организация потеряла почти весь свой руководящий интеллигентский состав, что, конечно, не могло не отразиться на нашей работе. Нам нехватало кружковых руководителей, нехватало литераторов, нехватало той технической помощи, которую в особенности Мицкевич добывал через свои студенческие связи. За последнее время я совершенно оторвался от интеллигенции. А между тем ясно чувствовал, что работать мне долго не придется. Слежка за моей квартирой и за мной была отчаянная, я ежедневно ожидал ареста. Надо было во что бы то ни стало добывать связи, вербовать новых работников. На старый марксистский кружок, собиравшийся у Рязанова, много рассчитывать не приходилось. Там оставались марксиствующие молодые адвокаты и студенты, которые были годны разве только на то, чтобы выжимать из них пожертвования на рабочее движение. Я пошел пытать счастье на студенческую вечеринку. В день 19 февраля 1895 г. происходила традиционная нелегальная вечеринка техников, учеников Московского технического училища, на которую я и отправился. Там с либеральной речью о задачах интеллигенции выступил ставший в будущем известным статистиком, тогда студент, Михайловский. Он призывал студентов к единению. Я выступал с возражением. Сначала мое возражение было встречено страшным возмущением всей аудитории. Вначале я думал, что меня изобьют. Но в конце-

[1] Из брошюры по женскому вопросу не указана брошюра «Дура-баба», написанная П. И. Винокуровой. — *А. Винокуров.*

[2] На самом деле, как видно из дела, жандармы были осведомлены о нашей конспиративной работе, и стуленческие волнения были только предлогом для обысков и высылки из Москвы меня, А. Н. Винокурова и Д. П. Калафати. — *С. М.*

концов мне удалось заставить себя слушать. Я развил программу социал-демократов, обрисовал начавшееся в России рабочее движение, которое уже принимает массовые формы. Я делал вывод, что та часть интеллигенции, которая не может существовать без продажи своего труда капиталу, должна понять, что она составляет часть рабочего класса, и должна слиться с ним, должна принести ему свои знания, должна отколоться от буржуазной интеллигенции, которая служила и будет служить буржуазии. Я говорил очень долго. Самыми упорными оппонентами моими выступали Ив. Ив. Скворцов (Степанов) и В. А. Базаров. Оба они стояли еще тогда на народнической точке зрения, и лишь вскоре после этого диспута они стали переходить к марксизму.

После этой вечеринки к нашей организации примкнул целый кружок техников, в том числе А. Н. и В. Н. Масленниковы[1], которые с этого времени основательно помогали по оборудованию нашей печатной техники. Кроме них присоединились к нам: студенты Кирпичников, Дурново и курсистка Петрова. Мы решили оборудовать настоящую типографию. Моя колодезная уже удовлетворить нас не могла. Было решено снять специальную квартиру из нескольких комнат, обставить ее более или менее прилично и перенести туда типографию. Чтобы поставить дело твердо, надо было найти подходящих хозяев квартиры. Мы решили, что Дурново, родственник министра, потомственный дворянин, будет очень подходящим хозяином. Но так как могло возбудить подозрение то обстоятельство, что один человек занимает целую квартиру, то было решено «поженить» его на Петровой, которую он, к слову сказать, ни разу до этого не видал. Действительно, мы их «поженили». Труднее оказалось разрешить второй вопрос—о подходящей обстановке. Денег у нас было очень мало, так что, когда «господа» переехали на новую квартиру (где-то на 1-й Мещанской), дворник с презрением посматривал на рыночную, приобретенную на Сухаревке, сборную обстановку, которую «господа» привезли с собой и которой было более чем недостаточно, чтобы обставить снятые четыре комнаты.

Но как-никак, техника была оборудована и оборудована довольно прилично. Был изготовлен новый станок, распропагандированные рабочие-наборщики натаскали из типографий достаточное количество разных шрифтов. Работа закипела. Кроме типографии у нас работало в разных местах 3 мимеографа, мы уже начали пользоваться пишущей ма-

---

[1] Этот кружок техников — бр. Масленниковы, Лакур, Ганшин — примкнул к нашей работе еще до моего ареста, с лета 1894 г. Кирпичников был из. кружка Рязанова и жил на его квартире. — *С. М.*

шинкой, а в техническом училище к нашим услугам был литографский станок. Одним словом, теперь уже мы могли полностью развить издательскую деятельность. Главная остановка была за авторами, их нам нехватало. Сочувствующие студенты не умели писать понятным для рабочего языком. Хорошо писал прокламации Поляков, но его с трудом удавалось засадить за это, он предпочитал писать стихи, и кое-какие из этих стихов мы печатали. Мы мечтали о газете, но из-за недостатка литературных сил эту мысль пришлось бросить. Мне волей-неволей пришлось сделаться главным литератором.

Большой недостаток испытывали мы и в денежных средствах. Хотя все кружки, входящие в организацию, и отчисляли определенный процент на литературу, но это были гроши в сравнении с нашими возросшими потребностями. И очень часто мы эти гроши предпочитали тратить на поддержку забастовщиков, на поддержку уволенных за выступления рабочих. Наши девицы, в особенности Смирнова и Муралова, ухитрялись всякими способами добывать деньги среди студенчества. Печатали фотографии писателей и продавали их, перепродавали нелегальную литературу, устраивали лотереи, собирали в пользу забастовщиков среди радикальной молодежи, среди учащейся массы, в пользу какой-нибудь придуманной умирающей с голоду курсистки, и раз кому-то из них удалось обобрать какого-то заезжего губернатора в пользу фантастической голодающей дворянки.

Смирнова обхаживала с финансовой целью разведенную жену сибирского золотопромышленника Пенневскую, которая обещала, что если удастся ей по суду отвоевать от мужа причитающуюся ей часть имущества, то она пожертвует нам 10% своей доли. Смирнова познакомила и меня с ней, кое-что нам удавалось доставать у нее. Квартиру ее мы широко использовали для хранения нелегальщины, но имущества так и не дождались. Она, между прочим, свела меня с кружком студентов духовной академии в Троице-Сергиевской лавре. Я несколько раз ездил к ним. Там было два-три человека, уже основательно изучивших марксизм, а вокруг них был кружок человек из 12. После первого посещения я им предложил поставить в лавре гектограф и начать печатать для нас литературу. Они действительно отпечатали для нас две прокламации.

6. Широкая агитация

С ранней весны началась снова митинговая работа. Все мы были уже на виду у полиции. За мной буквально бегали по пятам, у ворот моей будки всю ночь дежурил какой-нибудь

шпик. Я иногда, потешаясь, выливал через забор на его голову помои, но это не помогало. Пользоваться будкой для каких-нибудь конспиративных дел стало невозможно. В клиниках среди студенчества во мне, прочищающем канализационные колодцы или измеряющем движение воздуха и температуру в уборных, узнали оратора, выступавшего на студенческих вечеринках и на собраниях юридического общества. Скрывать свое инкогнито становилось невозможным. Пришлось уйти с этой службы. Николай Константинович Чекеруль-Куш предложил мне принять участие в разработке собранной им статистики переселенцев Тобольской губ. Я охотно согласился. Мне скоро поручили заведывание счетными работами, я воспользовался этим случаем и снабдил всю нашу нуждающуюся братву сдельной счетной работой на дому. Это давало нам возможность легально видеться при приеме и сдаче материалов, а, с другой стороны, давало средства к существованию работникам, занятым по технике.

Мы решили в этом году (1895) широко отпраздновать 1 мая. Этот день мы хотели использовать, чтобы свести наши отдельные законспирированные кружки друг с другом, произвести подсчет наших сил и официально перед всем рабочим классом Москвы выступить как уже сложившаяся организация. План был тщательно обсужден первоначально в нашем центре, затем популяризирован на ряде кружковых собраний, где должен был быть произведен подсчет участников. Выбрали тройку (Полякова, Бойе и меня), которой были предоставлены широчайшие полномочия. Каждый из кружков выделил ответственного организатора, который должен был получать директивы от одного из нас. Места празднования никто кроме нас троих не должен был знать. День празднования должен быть сообщен только накануне.

Мы обшарили все окрестности Москвы и остановились на лесочке между ст. «Вешняки» и «Шереметьевкой» Каз. ж. д. К этому же лесочку можно было под'ехать и пройти от ст. Люблино Курск. дор. и со ст. Кусково Нижегородск. дор. Мы выбрали воскресный день (30 апреля), в который из Москвы обычно выезжает много народа за город. Каждый кружок получил задание поехать с таким-то поездом, такой-то жел. дор., до такой-то станции, при чем каждый должен был брать билет отдельно, садиться в разные вагоны и не разговаривать друг с другом. Организаторы кружков должны были приехать с ранними поездами. Каждый из нас трех должен был встретить организаторов кружков на разных станциях и проводить их к сборному месту. Тут только они могли узнать назначенное место. Затем они должны были с условленными заранее отметками встречать поезда, в ко-

торых прибывали члены их кружков, и сопровождать последних на место собрания. План удался на славу.

Я очень боялся за себя, чтобы не привести за собой сыщиков, которые не отставали от меня. И вот, чтобы избегнуть этого, я последние три ночи перед маевкой не заходил домой вовсе, проводил ночи в извозчичьих чайных, а последнюю ночь переночевал в лесу. Выясняя предполагаемых участников собрания, т.-е. лиц, уже организационно связанных с кружками, оказалось, что некоторые мастерские собираются притти чуть ли не поголовно. Так, например, выразили желание принять участие в сходке вся модельная завода Гоппера, значительная часть михайловцев, мастерские технического училища, в которых в это время работал Хозецкой, и др. Было решено в таких случаях проводить на собрание только делегатов. Мы боялись, что соберется чересчур много народа.

Помню, с каким замиранием сердца я ждал первого назначенного поезда, который должен был привезти кружковых организаторов. Я ждал их на станции и думал — вдруг в Москве уже все провалилось, и никто не приедет. Я встречал приезжающих товарищей на Казанск. дор., в Вешняках, Поляков — по Курск. дор., в Люблино, Бойе — по Нижегородск. дор. Я вынул условленный знак: «Русские Ведомости». Держа их в руках, я пошел по направлению к лесу. Оглянувшись, я увидел, как за мной потянулись гуськом человек 12, т.-е. как раз то число, какое было установлено. Я повел их в назначенный лесок, там мы застали партию, которую привел таким же образом Бойе. Через полчаса пришла команда Полякова. Всех организаторов, после того, как они познакомились с местом, мы разными тропинками отправили встречать те поезда, с которыми должны были приехать их кружки. День был воскресный, поэтому по всем дорогам отправлялось много дачных поездов. Организаторы приехали с первыми ранними поездами. Последняя партия пришла к месту приблизительно в 1 час дня. Две партии пришли прямо из города пешком и случайно столкнулись у станции с приехавшими и пошли за ними.

Как после выяснилось, собралось около трехсот[1] человек, представлявших 35 фабрик, заводов и мастерских. При приблизительном подсчете они представляли больше тысячи организованных в кружки рабочих. Перед началом митинга мы произвели тщательную проверку всех наличных товарищей. Все разбились по кружкам и друг друга проверяли, нет-ли кого лишнего. Ни один кружок не знал про суще-

[1] Поляков тоже в своих показаниях определяет этой цифрой число собравшихся на маевку (см. стр. 224). — *С. М.*

ствование другого. Встречались рабочие, работавшие на разных фабриках, хорошо знавшие друг друга, но не подозревавшие, что их хорошие знакомые тоже являются членами организации. В этом отношении я мог отметить, что, несмотря на сравнительно широкий размах работы, условия конспирации соблюдались очень строго. Вначале, до проверки всех собравшихся, каждый кружок уединялся под каким-нибудь деревом, вытаскивалась закуска, и делали вид, что приехали просто на пикник. Только после проверки вся толпа смешалась, и слышались радостные возгласы о том, что вот-де мы все не верили руководителям, когда те говорили, что кружков уже много. Все закрадывалось сомнение, не они ли единственно организованные, а вот теперь видят, что движение очень широко развилось, что затронуто уже очень много предприятий.

Мы не успели открыть собрания, как вдруг расставленные патрули сообщили, что прямо к нам подходит человек с ружьем. Оказывается, подходил лесник, услышавший наши многочисленные голоса. Кто-то из молодых ребят решил его обезвредить. У него оказалась в запасе бутылка водки, и с места в карьер он начал угощать непрошенного гостя, при чем плел ему какую-то чушь про земляков, которые собирались отпраздновать свой деревенский хромовой праздник. У кого-то нашлось подкрепление, и мы не успели опомниться, как лесник оказался побежденным водкой, начал сначала горланить песни, а затем заснул мертвецки пьяным сном. Его взяли два товарища на руки и отволокли версты за две от нас. К нему приставили караульного. Но так до вечера он и не проснулся. Уж никто не помешал нам спокойно провести весь день вместе.

Открыть собрание пришлось мне длинной речью о значении первого мая, о нашей организации, о борьбе западноевропейских и американских рабочих, о нашей конечной цели. Слушали как-то особенно внимательно и хорошо. После меня говорили Бойе, Поляков, Карпузи, Хозецкой, говорил и еще ряд товарищей вне программы. Говорила Мокроусова о женском движении. Поляков прочел несколько своих и чужих стихотворений, пели песни, пели Поляковым же сочиненные куплеты. Все время на ораторском месте развевался красный кумачевый флаг. Было очень торжественно, очень трогательно и очень задушевно. Чужие, совершенно незнакомые до того времени люди братски целовались. После началась простая душевная беседа, никто не хотел расходиться, хотелось как можно дольше продолжить этот день. Помню, многие подходили ко мне и с какой-то неуверенностью спрашивали, неужели мы не доживем до того дня, когда можно будет, не скрываясь в лесу, а по-настоя-

щему открыто отпраздновать этот день. Я был всегда оптимистом, но не решался ответить на этот вопрос утвердительно. Мы-то не доживем, это наверное, но наши дети несомненно доживут, если мы будем бороться. Всем так хотелось верить в это, но верилось с трудом. Я подробно рассказал, как много пришлось вынести европейским рабочим, прежде чем они добились относительной свободы союзов, собраний и участия в парламенте. Раздались возгласы: «Но немцы и французы — народ ученый, им легко было понять, а мы русские — темные, необразованные». Я на это горячо возражал, указывая, что французские крестьяне и рабочие сто лет тому назад, перед Французской революцией, были не развитее и не образованнее наших, а вот сумели же свергнуть помещичье-дворянский строй. Нам будет легче бороться, чем им, мы учтем все их ошибки и не допустим, чтобы после свержения самодержавия власть перешла к буржуазии.

По заранее составленному плану, перед уходом должны были раздать заготовленные прокламации, которые каждый из присутствующих должен был снести к себе на предприятие для широкого массового ознакомления. Всего было заготовлено 4 прокламации, 2 отпечатанные в типографии и 2 на мимеографе [1]. Они все с разных сторон освещали значение 1 мая и проповедывали идею организации «Рабочего союза», как составной части международного рабочего движения. Одну прокламацию, если память мне не изменяет, написал студент Кирпичников, одну Карпузи и две я. Далее предполагалось также в порядке отправить всех небольшими кучками по разным дорогам, с разными вечерними поездами.

При раздаче прокламаций какой-то неописуемый энтузиазм охватил всех присутствующих; каждый старался захватить как можно больше прокламаций, некоторые, как дети, выклянчивали себе несколько лишних экземпляров, чтобы раздать их по тем или иным фабрикам, представителей которых не было на празднестве. О планомерном от'езде с места торжества никто не хотел и слышать. Кто-то предложил всем вместе итти к Рогожской заставе, итти демонстративно с песнями. Несмотря на все мои и других устроителей возражения, это предложение было всеми подхвачено. Поздно ночью мы правильными рядами двинулись по шоссе, с красным флагом впереди, по направлению к Москве. По дороге нам встретилось всего лишь несколько

[1] Одна прокламация напечатана в книге «Литература Московского рабочего союза» (стр. 61—68), другую прислал мне недавно рабочий Афанасьев, и она помещена в этой книге (стр. 216). — С. М.

крестьянских возов. Крестьяне испуганно смотрели на нас, стройно идущих с пением революционных песен. Перед самой Москвой мне удалось убедить разойтись по разным улицам небольшими кучками. И я у каждой кучки брал слово, что ребята совершенно молча, не разговаривая друг с другом и тщательно избегая каких-нибудь столкновений с фараонами, разбредутся по домам.

Только отпустив последнюю кучку, я сам поплелся на Грузины, где снимал в то время угол у какого-то кондуктора с Брестской дор. Один старик рабочий из Курских мастерских, которого я до сих пор не знал, пошел проводить меня и все время шептал мне, что вот он неграмотный, а несет домой одну прокламацию и дома заставит прочесть ее свою грамотную внучку. Уже после мне рассказывали, что действительно старик собрал свою многочисленную семью, всех соседей, заставил свою внучку прочесть эту прокламацию и сказал целую речь о том, что вот-де он помнит, как царь освободил в 1861 г. крестьян. Они все тогда радовались, читая царский манифест, который никто не понял. А вот теперь мы читаем уже не царский манифест, а манифест рабочего люда, который сам себя хочет освободить. Это будет посильнее и повернее царского. После чтения старик спрятал прокламацию за икону на память детям и внукам.

Празднование на этом еще не закончилось. На следующий день, 1 мая, без всякого предварительного уговора, на всех московских традиционных гуляниях: на Ходынке, у Ново-Девичьего монастыря, в Сокольниках, в Аннегофской роще, куда после обеда (в то время 1 мая шабашили на всех фабриках с обеда) направился массами рабочий народ, можно было наблюдать отдельные кружки, среди которых один из участников массовки рассказывал про нее и читал вслух прокламации. Фактически к празднованию было таким образом привлечено все рабочее население Москвы. Разговоры о праздновании распространились по Москве самым широким образом. На одном маленьком заводе в Сокольниках хозяин завода, немец, собрал своих мастеровых и заявил им, что он слышал, что на-днях было собрание всех металлистов Москвы, на котором решено требовать восьмичасового рабочего дня. Он просил своих рабочих по этому поводу забастовку не устраивать, он обещает, что он введет у себя восьмичасовой рабочий день, если его введут остальные, более крупные заводы.

Попав через несколько дней на квартиру Рязанова, я встретил там молодого адвоката, который с возмущением жаловался Аркадию Ивановичу, что вот под Москвою состоялось празднование 1 мая, на котором участвовало

несколько тысяч организованных рабочих, а мы, марксисты, об этом ничего не знали, и узнаем об этом из совершенно посторонних источников. Мы, по его словам, за теоретическими спорами проморгали начало рабочего движения, проморгали его организацию. О маевке говорила вся Москва. Все фабриканты и заводчики — с одной стороны, все рабочие — с другой.

Понятно, что об этом не могла не узнать полиция. Она мобилизовала все свои силы, чтобы выследить нашу организацию. Слежка началась уже не только за мной, но и за отдельными чем-нибудь выделяющимися рабочими. Мы были уверены, что наши дни сочтены, и решили итти ва-банк. Усиливая конспирацию вокруг нашей техники, мы развили самую широкую агитацию в массах, уже пренебрегая конспирацией.

Мы поставили своей задачей закрепить как можно скорее нашу организацию, придав ей по возможности массовый характер, втягивая в нее как можно больше членов. Мы рассуждали так: всех не переловят, не арестуют. Чем большему числу рабочих мы успеем передать наш опыт, тем больше гарантии, что с нашим провалом дело не прекратится.

Весь май и начало июня прошли в непрерывных митингах, на которых принимало участие иногда по нескольку сот человек. Мы собирались в лесу на берегу Яузы, за Петровско-Разумовским, иногда посреди гулянья на Ходынке, по трактирам. Несколько раз нас окружала полиция, предупрежденная тем или другим сыщиком, но наши патрули всегда во-время предупреждали нас, и за это время ни разу полиции не удавалось кого бы то ни было арестовать. Нашей агитации в массах много способствовала знаменитая стачка на Большой ярославской мануфактуре, окончившаяся расстрелом мирных рабочих и «царским спасибо молодцам-фанагорийцам за геройское усмирение бунта». Это царское спасибо стало исходным пунктом нашей агитации. Пользуясь им, мы уже смело могли говорить на политические темы и перед самыми серыми рабочими.

Другим богатым материалом для агитации послужило заседание московского отделения «Общества содействия мануфактурной промышленности». На этом заседании, происходившем в Политехническом музее, рассматривалось предложение лодзинского отделения этого общества о законодательном ограничении рабочего дня. Председателем московского отделения был С. И. Прохоров, директор-распорядитель Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Поляков работал раньше на этой мануфактуре. Хозяин догадывался о характере деятельности Полякова и как-то раз пригласил

его зайти к себе. Там он показал ему очень богатую библиотеку, в которой особенно полно был представлен отдел по рабочему вопросу. «Я, — говорил Прохоров Полякову, — внимательно слежу за рабочим движением на Западе, я лично присутствовал на заседаниях интернациональных социалистических конгрессов; скажу вам, что я глубоко убежден, что социалисты правы, что рано или поздно капиталистический строй исчезнет и настанет царство социализма. Это неизбежно будет, но будет очень не скоро, а пока на наш век хватит. Поэтому я эксплоатировал и буду эксплоатировать. У меня на складах заготовлены самые усовершенствованные станки, но мне невыгодно пускать их в дело при дешевизне и невзыскательности наших рабочих рук, а вот когда вам удастся поднять широкое стачечное движение и добиться сокращения рабочего дня, я сразу приспособлюсь к новому положению». Этот разговор у Полякова с Прохоровым был, должно быть, в начале 1894 г., а весной 1895 г., после ярославской забастовки, тот же Прохоров уже официально поддерживал в «Обществе содействия мануфактурной промышленности» проект лодзинских фабрикантов о сокращении рабочего дня и о законодательном введении трехсменной работы. Он прямо мотивировал так, что, «во-первых, все равно нас к этому заставят забастовки, а, во-вторых, нам это выгодно, потому что мы таким образом задушим мелких и средних конкурентов».

Об этом заседании мы узнали заблаговременно и неожиданно для почтенных хозяев привели на него человек 20 рабочих с разных фабрик, правда, придав им вид студентов при помощи занятых фуражек и пледов и других принадлежностей студенческого обмундирования. Распоясавшиеся хозяева дали нам обильный материал, который мы использовали для самой широкой агитации.

11 июня мы решили устроить грандиозный митинг, на котором должны были участвовать все распропагандированные рабочие. На этом митинге должен был быть официально принят новый устав нашего союза, который, в отличие от первого, уже не скрывал своего социал-демократического характера. Мы провели предварительно широкую работу по подготовке рабочих к принятию этого устава. Он обсуждался во всех районах и кружках. Одновременно наш центр подготовил конспиративную часть предстоящего собрания. Типография отпечатала специально агитационную листовку с об'яснением целей и задач организации. В первый раз мы решили отпечатать несколько тысяч экземпляров (мы ждали, по предварительному подсчету, на митинг до 2 тысяч человек). Было намечено место у Николо-Угрешского мона-

стыря, в котором был в этот день какой-то праздник, который всегда привлекал массу богомольцев.

Все было готово. На митинг должны были приехать представители ряда иногородних организаций: из Тулы, Иваново-Вознесенска, Раменска, Александрова, Коврова, Мурома и др. На всякий случай было решено свернуть нашу типографию и спрятать ее где-нибудь в укромном месте. Имелось в виду закопать ее на даче в Мытищах, где тогда жили братья Масленниковы. Все роли были распределены. Все было так же предусмотрено, как и во время маевки.

В ночь на 10 июня я возвращался поздно ночью с конспиративной квартиры, на которой были окончательно решены последние детали организации митинга. Мы шли вместе с Софьей Ивановной Мураловой. Уже светало, когда мы добрались до Патриарших прудов. Несмотря на страшную усталость, не хотелось итти домой. Я жил тогда на пятом этаже большого дома на углу Садовой и Тверской. Мы с часок проболтали, сидя на скамейке. В пять утра я улегся и тотчас же заснул мертвым сном. Через полчаса меня разбудил какой-то шум в комнате. Она была переполнена людьми в мундирах, которые окружили мою кровать. Я уже давно ждал ареста, как чего-то неизбежного, но быть арестованным именно теперь, когда можно было закрепить результаты всей нашей предыдущей работы, было более чем неприятно. Но в то же время мелькнула мысль, что все же это лучше, что арестовали у себя дома, а не проследили на митинге, когда со мной провалилась бы вся организация.

Так как я в это время занимал временно комнату Чекеруль-Куша, уехавшего на дачу, то в моей комнате находился весь статистический материал переселенческой переписи (30 тысяч карточек), целый ряд ящиков вывезенного из Сибири архивного материала, касающегося переселенцев Тобольской губ., и довольно большая библиотека. Так что полиции пришлось бы поработать основательно, пока она успела бы перебрать всю эту груду бумаг. Мне это надоело изрядно. И я предложил полицейским, если они поверят мне на слово, указать им то, что им нужно, и покончить скорее всю эту комедию. У меня было 4 экземпляра только что принесенной свежеотпечатанной прокламации, которые я засунул, придя домой, в грязное белье, там же лежала подробно составленная корреспонденция об ярославской стачке, которую только что прислал посланный нами туда студент Каверин. Полицейские поверили мне, что им нечего больше искать, и отправили меня в Арбатскую полицейскую часть. Спускаясь с лестницы своей квартиры в сопровождении почетной полицейской свиты, я увидел Ан. Смирнову. Она, как я после узнал, бежала предупредить меня о начавшихся

в эту ночь арестах. Увидав меня арестованного, она шмыгнула в первую попавшуюся квартиру. Я был рад, что она видела меня. Авось, успеет кое-кого предупредить.

Оказавшись в одиночке, я прежде всего залег спать. К большому удивлению тюремного начальства, проспал глубоким сном весь день. Я выспался за предыдущую неделю, которую почти всю провел на ногах, уделяя на сон не больше 2 часов в сутки. Через городовых я узнал, что вместе со мной в ночь на 10 июня было арестовано много народу, что все участки переполнены, что к ним возили весь день арестованных[1]. Снестись я ни с кем не мог, так как моя камера была совершенно изолирована. По обыкновению, во время ареста денег у меня не было ни копейки, так что подкупить своих церберов я не мог. Меня мучила мысль, что кто-то предал наш план устройства митинга, жандармы дали всем собраться и там сразу забрали всю организацию без остатка. Эта мысль меня ужасно мучила, я винил себя, что пошел на риск массового митинга. Теперь придется много времени ждать, пока случайно оставшимся удастся развить такую же работу. Им придется начинать все сначала.

Через несколько дней после ареста, из окна моей камеры я увидел на улице знакомые лица. Это были: жена Чекеруль-Куша Валентина Неофитовна и Лидия Павловна Кранихфельд, ставшая после моей женой. Их я знал до этого мало, они принесли в участок мою постель и что-то пытались знаками рассказать. Но их прогнал часовой. Я немного успокоился: значит, не все арестованы, кто имел касательство ко мне; кто-то позаботился о присылке моих вещей.

Ровно через неделю после ареста меня повезли на допрос в жандармское управление. Допрос был чисто формальный. Мне была пред'явлена статья о принадлежности к тайному обществу, имеющему целью ниспровержение государственного порядка. Я заявил, что на обвинение, формулированное в такой общей форме, отвечать не буду. Прошу допрашивать меня, как они допрашивают любого жулика, не вообще украл ли он, а украл ли он то-то и то-то, там-то и там-то. На этот раз они на этом успокоились и отправили меня в Таганку. Около пяти месяцев меня не тревожили до-

---

[1] 10 июня 1895 г. арестованы следующие члены организации: 1) М. Н. Мандельштам (Лядов); 2) П. Д. Дурново; 3 и 4) А. Д. и П. С. Карпузи; 5) А. Кирпичников; 6 и 7) А. Н. и В. Н. Масленниковы; 8) А. А. Ганшин; 9) М. З. Левит; 10) А. И. Смирнова; 11) А. И. Биронт; 12) Е. А. Петрова; 13) А. П. Козловский; 14) А. И. Рязанов; 15) Н. И. Желвакова. Через несколько дней арестованы в разных городах и привезены в Москву: 16) А. Н. Винокуров; 17) Д. П. Калифати; 18) Г. Н. Мандельштам. Арестован был еще ряд лиц, выпущенных вскоре за недостаточностью улик. — *С. М.*

просами, и я был в это время буквально отрезан от всего живого. Свиданий мне не давали ни с кем. Посадили так, что я не имел никакой возможности сноситься с кем-либо из сидящих. Только раз я услышал знакомый голос студента Кирпичникова. Его выводили на прогулку. Он вдруг крикнул: «Прощайте, товарищи!». После этого раздался шум, точно от падения тела (я сидел на четвертом или пятом этаже). Дальше послышалось какое-то движение внизу, какие-то крики и плач. Я начал бить дверь. Прибежал дежурный надзиратель и об'яснил, что с одним уголовным случился припадок, и его отвезли в больницу. После я узнал, что Кирпичников, попав в тюрьму, боялся проговориться во сне. Чтобы избежать этого, он заставлял себя не спать. Чтобы побороть сон, он обнажил на руке артерию и теребил ее всю ночь гребенкой. Через две недели, чтобы избежать мучений, он бросился с галлереи пятого этажа в пролет, чудом остался жив, только вывихнув себе руку. Его увезли в больницу, там он два раза пытался повеситься, оба раза неудачно. После этого он позвал к себе попа, исповедался, причастился, велел отвести себя в жандармское и там рассказал все, что знал.

Случайно по книге, которую мне принесли и в которой на полях были пометки, сделанные рукой моего брата Григория, я узнал, что и он сидит тут же, в Таганке. Лидия Павловна начала правильно снабжать меня книгами, и ей разрешили переписываться со мной по поводу этих книг. Письма приходили совершенно измаранными, так что по ним я ничего узнать не мог. Пришлось помириться с этим. Я был уверен, что сел очень основательно, что придется посидеть очень долго. Надо было занять себя, чтобы забыть все и не думать о воле, о том, что там происходит. Я действительно в первую же неделю задал себе задачу, над разрешением которой провел все время тюремной сидки и ссылки. Я решил приняться за изучение истории человеческого общества. Я до того увлекся этой задачей, что действительно забыл и про тюрьму, и про волю. Я просиживал за книгой не меньше 16 часов в сутки, час маршировал по камере, проделывал гимнастику, обтирался холодной водой. И до того укрепил свои нервы, здорово расшатанные предыдущей работой, что чувствовал себя в тюрьме прекрасно, несмотря на отвратительную баланду и полусырой хлеб, которым питался. От присылки денег более 3—5 руб. в месяц я решительным образом отказался. Этого мне хватало на трубку и чай.

Лишь через пять месяцев меня повезли на допрос. Допрашивать меня собрался целый синклит из товарища прокурора Лопухина, жандармского генерала Шрамма, двух

полковников и еще какого-то штатского. Сначала я категорически отказывался входить с ними в какие бы то ни было об'яснения, признал себя только виновным в хранении найденных у меня нелегальных произведений. Но тут Лопухин начал мне рассказывать все, что он знает. Прежде всего, он показал мне наш типографский станок, а затем подробно, шаг за шагом, рассказал работу нашей организации за последний год. Я долго в ожидании будущих допросов у себя в камере практиковался в том, чтобы лицо мое не выражало никаких чувств, чтобы я научился вполне владеть собою. Я изобрел свой собственный метод самовнушения и проверки его действия над собой. Но тут мне очень много пришлось употребить усилий над собой, чтобы скрыть от моих допрашивателей впечатление от рассказа Лопухина. В конце рассказа я рассмеялся, похвалил их фантазию, но тут же решил переменить тактику. Я мог легко определить по рассказу, что организации нашей нанесли сильнейший удар, но что самого для меня страшного, чего я больше всего боялся, не случилось. Организуемый нами митинг не был провален, вся наша распропагандированная масса не была арестована, а арестована только головка. А далее из этого же рассказа я убедился, что вместе со мной была арестована не вся головка. Часть была арестована позже, и за этот перерыв оставшиеся на воле товарищи успели выпустить ряд новых листовок, которых при мне не было. Затем я убедился, что наряду с товарищами, которые работали вместе со мной, был арестован ряд лиц, никакого касательства к нашей работе не имевших, как Рязанов, Чекеруль-Куш, Давыдов и ряд других интеллигентов-марксистов[1]. Это все убедило меня, во-первых, в том, что, несмотря на сильную слежку за нами, при нашем аресте жандармы еще ничего точного не знали, во-вторых, что то, что они сейчас знают, они далеко не все знают, наверное только теперь нащупывают почву. Узнал я также, что одновременно с нашим провалом были арестованы в Екатеринославе мой брат Григорий, А. Н. и П. И. Винокуровы, но что у них нет сведений о других наших связях: в Нижнем-Новгороде (откуда привезена типография), в Туле, откуда за несколько дней до моего ареста приезжали ко мне А. А. Малиновский (Богданов) и С. И. Степанов (после революции бывший одно время председателем Тульского губисполкома), и о связях в других городах.

[1] Я не согласен с М. Н. Лядовым, что Рязанов и Давыдов никакого касательства к нашей работе не имели: они сделали много переводов марксистской литературы и вели значительную работу среди интеллигенции. Многие их ученики вошли потом в работу среди рабочих. См. о них также воспоминания А. Н. Винокурова (стр. 32). — *С. М.*

Вот все эти обстоятельства заставили меня изменить тактику на допросе. Я поставил себе задачу своими показаниями отклонить подозрение от тех товарищей, против которых нет точных улик, запутать следствие в вопросе о происхождении типографии (я выдумал историю о приобретении мною типографии в Риге) и т. п. Все это мне удалось сделать.

Впервые мне удалось узнать подробности нашего провала уже только в 1896 г., когда нас всех во время коронации развезли из московской тюрьмы по провинциальным тюрьмам. Я попал в ярославскую тюрьму. В одном корпусе со мной сидели там Поляков, Бойе, Карпузи и один из Масленниковых. Мы сразу установили сношения друг с другом, несмотря на то, что надзиратели следили за нами, пожалуй, строже, чем в Москве. Мы кричали друг другу в окна, завели веревочную почту между отдельными окнами и т. п.

Только тут я узнал, что в ночь на 10 июня вместе со мною были арестованы исключительно интеллигенты. Типографию откопали сразу в Мытищах. Никого из рабочих не арестовали [1]. Поляков сразу узнал о моем аресте и сразу же принял меры к тому, чтобы оповестить все кружки о том, чтобы не ехали на митинг. Это было проделано точно, все были предупреждены. Заготовленную литературу распространить по заводам не удалось, но она не пропала даром. Поляков подобрал десяток ребят, и они рассовали ее по отдельным первым встречным рабочим, раздавали по чайным, харчевням, трактирам. Один из них отправился по Калужскому шоссе и роздал всю пачку ехавшим на базар крестьянам. Поляков, Бойе, Хозецкой и другие вскоре после нашего ареста возобновили работу тем же темпом. Им удалось снова наладить технику, они привлекли кое-кого из интеллигентов, в том числе Колокольникова. Они устроили ряд довольно больших митингов. Им удалось продержаться до середины августа, когда их, наконец, арестовали [2]. Но с их арестом дело не прекратилось. В ноябре 1895 г. были вновь массовые аресты, преимущественно рабочих, продолжающих работать в нашей организации и успевших выпустить ряд листков. В этот период работой руководил рабочий Немчинов. Последнюю прокламацию, составленную одним малограмотным рабочим, отпечатали в Синодальной

---

[1] За исключением А. Д. Карпузи. — *С. М.*

[2] 16 августа 1895 г. были арестованы: 1) С. И. Прокофьев; 2 и 3) К. Ф. и Ф. Ф. Бойе; 4) Ф. И. Поляков; 5) А. И. Хозецкой; 6) Д. Я. Малинов и ряд других рабочих. — *С. М.*

типографии[1]. Пока я сидел в Москве до июня 1897 г., новые аресты, связанные с делом союза, не прекращались.

Уже после окончания следствия по нашему делу, когда все дело уже было послано в Петербург на подпись царю, меня снова вызвали на допрос и хотели связать с новым делом, по которому привлекались Величкин, Колокольников и Рума (последний оказался агентом Зубатова). Я рассердился и в последнем подписанном мною протоколе сделал следующую приписку: «Я беру на себя всю ответственность за все сделанное мною за время с 1891 г. по 10 июня 1895 г.; не моя вина, что следственные власти оказались неспособными открыть и десятой доли того, что я делал. Больше я ни на какие вопросы отвечать не буду». Этот протокол они в дело мое не включили и больше меня не тревожили.

5 февраля 1897 г. был подписан царем приговор, по которому меня присудили к исключению из запаса армии без зачисления в ратники ополчения и к ссылке на 5 лет в Якутскую область; Мицкевич и Винокуров получили 5 лет ссылки в Восточную Сибирь; Поляков — в Восточную Сибирь на 3 года; Бойе, Хозецкой, Спонти, Дурново, Петрова, Карпузи, Мокроусова, бр. Масленниковы получили кто 3, кто 2 года ссылки в Архангельск; еще несколько человек были отданы под гласный надзор полиции внутри России[2].

Несмотря на об'явленный приговор, нас еще долго продолжали держать в Таганке и, кажется, только в марте 1897 г. перевели в Бутырский замок. Мы, сибиряки, попали в северную башню, где застали ряд товарищей, тоже привлеченных по социал-демократическим делам в разных частях России. Здесь мы просидели до 3 июня, когда нас отправили под усиленным конвоем по железной дороге до Канска, а оттуда пешим этапом в Александровский централ, а затем дальше на Лену. Накануне отправки я повенчался в тюремной церкви с Лидией Павловной Кранихфельд, ставшей после видной партийной работницей и умершей в самом начале Февральской революции. Моими свидетелями были Сергей Иванович Мицкевич и Александр Николаевич Винокуров. Только им двум разрешили присутствовать при венчании. После венчания мне дали с женой свидание в конторе на 30 минут, и мы расстались более чем на год. Она приехала ко мне, когда я сидел в ожидании летнего этапа в Александровском централе.

Из моих товарищей, о которых я упоминал в этих беглых воспоминаниях, брат мой Григорий сошел с ума в оди-

[1] См. эту прокламацию в книге «Литература Московского рабочего союза» (стр. 71). — *С. М.*

[2] См. приговор. — *С. М.*

ночке после настоящих нравственных пыток, которым его подвергали жандармы за его постоянную ругань и издевательство над ними. Несмотря на то, что он уже давно был болен, они долго не разрешали перевести его в тюремную больницу. Только тогда, когда состояние его здоровья стало совершенно безнадежным, его после невероятных мытарств наконец сдали в Преображенскую больницу, где он скончался в 1901 г. По нашему делу во время пребывания в тюрьме, кроме брата, сходили с ума: Хозецкой, Карпузи, Кирпичников и еще двое, — кто именно, не помню. Из них все, кроме Кирпичникова, после поправились. Кирпичникова, несмотря на его предательство (в болезненном состоянии) и на несомненное сумасшествие, сослали на 2 года в Туркестанскую область. Бойе, Хозецкой и Спонти, отбыв архангельскую ссылку, от работы отстали. Бойе и Хозецкой после ссылки ездили в Англию, там заразились трэд-юнионизмом, а затем стали обывателями. Хозецкой вскоре умер. Спонти обывателем не стал, он и сейчас живет таким же бессребренником и истинным пролетарием, каким был тогда, когда работал с нами. Но вся жизнь с тех пор прошла мимо него, он ее не понял и застыл на 1895 годе. Он работал землемером в Нижнегородском уезде, а потом жил на пенсии в Минске [1]. Круковский умер после второго сидения в тюрьме в 1895 г., еще до моего ареста. Его выпустили из тюрьмы умирать. Я его видел за несколько дней до смерти, он мечтал о широкой организаторской работе, которую он теперь начнет. Федя Поляков, самая красочная фигура из всех нас, попал в ссылку в Енисейскую губ., в лесную деревушку. Он там ухитрился сдать экзамен на фельдшера, работал среди крестьян, писал стихи. Кое-что из них нам удалось напечатать в каком-то толстом журнале; он в ссылке заболел туберкулезом и там умер.

Винокуров, Мицкевич, Мих. Петров, Степанов, Немчинов [4], Муралова [2], А. И. Рязанов [3], Карпузи, Прокофьев, Давыдов работают и сейчас в нашей партии. Смирнова умерла большевичкой. Про других ничего не знаю.

Самому мне после ссылки (я вернулся в 1901 г.) пришлось все время работать исключительно на партийной работе в качестве профессионала.

---

[1] Умер 17 марта 1931 г. в Минске. — *С. М.*

[2] Умерла осенью 1931 г. — *С. М.*

[3] Умер 13 марта 1931 г. — *С. М.*

[4] Умер 4 июля 1932 г. — *С. М*

Е. Спонти[1].

Краткая автобиография[1]

Родился я в 1866 году. В 1887 году, кончив в Петербурге Павловское военное училище, приехал в чине подпоручика в Троицкий пехотный полк в г. Вильну.

В этом же году образовался у нас кружок самообразования, в который входили Елизавета Сергеевна Холопова и мои товарищи по полку, офицеры Иван Осипович Клопов[2] и Макар Иванович Ковалевский.

Читали сначала «Исторические письма» Лаврова и «Что такое прогресс» Михайловского, но потом под влиянием сочинений Лассаля, Маркса и Энгельса, при воздействии руководителя кружка Вацлава Селицкого, которого считали в Вильне первым марксистом, все члены кружка в 1888—89 годах стали марксистами. Селицкий в 1888 или 1889 году был арестован, и кружком стал руководить Иогихес-Тышко.

В 1889 году я был исключен из военной службы по суду «за умышленное неотдание воинской чести и неисполнение приказаний начальства».

После увольнения со службы стал жить на ренту в 16 р. в месяц со своего маленького имения. Благодаря этой ренте я мог нигде не служить. Я стал тогда же заниматься с кружком ремесленников (поляков и литовцев); в своем большинстве это были сапожники. Читали Дикштейна «Кто чем живет», «Наемный труд и капитал» и «Манифест Коммунистической партии» Маркса, брошюры Лассаля. Получали польскую нелегальную газету «Пшедсвит», издания партии «Пролетариат». Ремесленники знали польский и русский языки.

Весной 1890 г. я пошел странствовать по России, побывал в Батищеве у Энгельгардта, работал у него некоторое время, был потом в Твери, там встречался с толстовцем Клопским. Потом поехал по Волге до Царицына, пешком прошел до Калача-на-Дону, по Дону доехал до Ростова. Зиму 1891—92 гг. провел в Харькове, хотел поступить ра-

---

[1] Записана с его слов 30 декабря 1932 г. в Нижнем-Новгороде мною. — *С. М.*

[2] И. О. Клопов, впоследствии видный партийный работник, был арестован на социал-демокр. конференции военных организаций в 1906 г. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. — *С. М.*

ботать в какую-нибудь мастерскую, но никуда не принимали, так как, во-первых, я не знал никакого ремесла, а, во-вторых, была большая безработица вследствие большого неурожая 1891 г.

Весной 1892 года работал у крестьян в Херсонской губернии, а летом 1892 г. вернулся в Вильну. Здесь прожил зиму 1892—93 гг. Вел другой кружок польских ремесленников-сапожников. Кружок получил от Виленской соц-дем. организации. В Виленской организации в это время работали: Кремер — «Александр», Исай Айзенштат — «Павел», Копельзон — «Тимофей», Люба Левинсон и другие.

В это время в распоряжении организации был 1-й том «Капитала» Маркса на польском языке, Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», также на польском языке, и ряд польских брошюр: «Рабочий день», «О конкуренции», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочая революция».

Появились и издания вновь возникшей польской социалистической партии (ППС). Появились представители этой партии, которые в своей пропаганде среди рабочих ставили польский национальный вопрос, но рабочие к этому относились отрицательно.

Работа среди виленских ремесленников меня не удовлетворяла, и я решил проехать в Москву, чтобы там работать в центре большого промышленного района.

В августе 1893 г. я приехал в Москву. В Вильне мне дали адрес Окулича (заведующего материальным складом Московско-Нижегородской ж. д.), но он был культурником, не мог ни доставать нелегальной литературы, ни установить связи с московскими марксистами, но при его помощи я завязал ценное знакомство с рабочими: Константином Бойе и Александром Хозецким; при помощи их я организовал рабочий кружок. Я почувствовал острую необходимость в литературе для занятий. Поехал в Вильну и оттуда привез вышеперечисленные польские брошюры, переведенные на русский язык моим товарищем М. И. Ковалевским. Некоторые из них были отлитографированы в Вильне, и я привез их в нескольких экземплярах.

По приезде в Москву, в сентябре 1893 г. я расширил свои знакомства с рабочими, познакомился с Михаилом Петровичем Петровым, с Ф. И. Поляковым и через него с кружком ткачей.

Через этих же рабочих я познакомился с интеллигентами-марксистами: Мицкевичем, Винокуровым, Март. Мандельштамом, и вскоре же на квартире Винокурова, на Пятницкой ул., с приехавшим из Орла Григорием Мандельштамом. О работе в Москве до вашего ареста (т. е. мое-

го — С. М.) в декабре 1894 г. не буду расказывать, так как вы знаете ее так же, как я. В Вильну за это время я ездил за литературой, не помню — раз или два.

Типографский станок, на котором мы с вами работали на моем чердаке на Садовой, близ Курского вокзала, я спрятал с Мартыном Николаевичем в испытательном колодце в клиниках на Дивичьем поле.

После вашего ареста, в марте 1895 г., я решил поехать за границу, чтобы там поставить издание литературы для рабочих, так как издания группы «Освобождение труда» нас не удовлетворяли.

Повез с собой в переделанном виде вышеуказанные польские брошюры. Поехал через Вильну. Из Вильны поехал за границу, намереваясь проехать через Галицию, но не смог переехать через границу и вернулся в Вильну. В Виленской организации в это время шли разговоры о необходимости созвать всероссийский с'езд соц-демократических организаций, установить регулярную связь с заграницей. В связи с этим меня послали для переговоров в Петербург; там видел Ульянова (Ленина), Кржижановского и нескольких других, фамилий которых не знаю. Ходил на заседание Вольно-экономического общества, там обсуждался какой-то вопрос, по которому марксисты, с которыми я познакомился, выступали против народников. Побывав в Петербурге, я вернулся в Вильну, оттуда поехал за границу. Помню, что 1 мая я был в Берлине и видел там празднование маевки. В Вильне виделся с Айзенштатом, который был тогда берлинским студентом.

Из Берлина поехал в Женеву — к Плеханову. У Плеханова встретился неожиданно с Лениным (фамилии его тогда я не знал, узнал потом по карточке).

Плеханов не особенно одобрительно отозвался о брошюрах, привезенных мною, — нашел, что они недостаточно резко оттеняют политическую сторону дела, хотя согласился напечатать их, но без марки группы «Освобождение труда». В Париже виделся с Тышко и Розой Люксембург; тогда они издавали польский «Социал-демократ». Познакомился с Аксельродом, Кричевским, с рабочим Васильевым — эмигрантом.

За границей я прожил 6 месяцев. Брошюры были напечатаны при мне в формате одной восьмой листа на очень тонкой бумаге. По моему требованию напечатано 3 или 4 брошюры: «Рабочий день», «Рабочая революция» и «Что должен знать и помнить каждый рабочий» и еще какая — не помню. Напечатаны они были за мой счет, равно как и вся моя поездка за границу была сделана на средства, которые я получил за проданный участок леса в моем имении.

Брошюры в Россию были доставлены не мною. Из-за границы в Москву приехал в сентябре 1895 года, когда все мои знакомые уже были арестованы. Восстановил связь с новой организацией через студента Фридмана, с рабочими почти никаких связей не успел завести.

Арестован был 12 декабря 1895 года. Был в ссылке в Архангельске 2 года. Возвратился из ссылки в феврале 1899 года. Проезжал через Москву. Поселился в Минске, с тех пор и жил там до войны 1914—1915 гг. Принимал участие в 1905—06 гг. в первой и второй железнодорожной забастовке (я служил на железной дороге), был уполномоченным и депутатом от Либаво-Ром. жел. дороги на всероссийском с'езде железнодорожных касс в Петербурге. В октябре 1905 г. был арестован и уволен со службы. Затем меня судили, но судом я был оправдан. Потом стал чертежником-землемером. В 1915 году был эвакуирован в Нижний-Новгород, где и живу с тех пор [1].

---

[1] Умер 17 марта 1931 г. в г. Минске, беспарт. — *С. М.*

С. И. Прокофьев

Из пережитого

Я помню себя очень давно. У моего отца была большая семья, состоявшая из 12 человек: две старших сестры, потом брат, я был четвертым, остальные дети, еще пять человек, были от второй жены — моей мачехи. С нами жила еще бабушка. Жили бедно. Отец очень любил детей. Помню, когда отец поздно приходил с работы, никогда не ложился спать, пока не перецелует спящих детей; и вот я, бывало, с трепетом жду прихода отца, притворяюсь спящим и жду, пока его мокрая или заинденевшая борода коснется моего лица. Я наблюдал, как он открывал осторожно те тряпки, которыми мы покрывались вместо одеял, и всех по очереди целовал. Мой старший брат учился в школе, а меня обучала грамоте старшая сестра дома. Помню, как бегал встречать отца, идущего с работы на обед, и дорогой ему отвечал таблицу умножения, а дома отец просматривал те каракули, которые я выводил своей детской рукой, и, бывало, его похвала для меня была большим счастьем. По вечерам, если отец был дома, он заставлял старших детей по очереди читать вслух книги, и все за самоваром слушали. Счастливое для меня было то время. Каждый праздник отец шел к обедне, и мы гурьбой следовали за ним. Потом помню, как брат, поступивший уже в техническое училище, повел меня определять в школу, и меня приняли во второй класс церковно-приходского училища. С первых же дней поступления в школу я стал считаться вторым учеником. То, что проходили в нашем классе, я почти все знал, и, если бы у меня была возможность учиться, я, наверно, был бы не плохим учеником, но тут случилась какая-то неприятность у отца на службе. Его из слесарей старшего разряда перевели в младший разряд. Мы стали жить еще хуже. Помню подслушанный мною разговор отца с матерью. Мать настаивала взять старшего брата из технического училища и определить его на работу. Отец не соглашался. «Пусть учится,— говорил он, — а мы потерпим». Нужда делала свое дело. Мать, вечно озабоченная, нервная, постоянно думающая лишь об одном — чем бы напихать наши желудки, бывала подчас очень злая, а тут у меня появилась надобность в покупке учебников и тетрадей. На мою просьбу о покупке

мать отвечала: «Погоди, вот отец получит жалование, тогда и купим». Мы жили «в долг». Мать покупала продукты на книжку в лавке, и часто жалования отца нехватало на то, чтобы рассчитаться по книжке. При таких обстоятельствах, не имея книг и тетрадей, я отстал от соучеников, а потом и совсем забросил учение. Но все-таки на экзамене при переводе в третий класс я не «срезался», и меня перевели в третий класс.

Помню, мне было 10 лет. 1 марта 1881 г. мать моя — именинница. У нас собрались знакомые матери и отца, и как-то шумливо проходил этот вечер.

Помню приход к нам городового и какую-то странную заминку: гости сейчас же поднялись и стали уходить. Потушили огонь. Отец прикрикнул на детей, чтобы ложились спать, и я уже из другой комнаты слышал шопот отца; он ходил по комнате и говорил: «Да, царь-освободитель, и вдруг — убит!» У меня трепетало сердце, я зарылся под одеяло и горько плакал. На второй день мы собрались в школе, и нас учителя повели в церковь, где служили панихиду по «царе-освободителе», а потом принимали присягу новому царю. Через некоторое время нам раздали книги с фотографией царя-освободителя. Я эту книгу очень берег. Вскоре я кончил школу. Отец хотел определить меня в техническое училище, в котором мой брат учился в последнем классе, но меня в училище не приняли, так как я не достиг 13-летнего возраста, требовавшегося при приеме в это училище. У меня было сильное желание помочь отцу. Я просил его поместить меня в мастерскую, но он в этой просьбе мне отказал. «Еще мал», — сказал он. Я однако не успокоился. Бегая по улицам, я услышал, что один из моих уличных товарищей поступил на фабрику Постникова учеником. Не дожидаясь прихода товарища, я пошел к фабрике и стал ждать выхода рабочих. После окончания работ, заметив товарища, выходившего вместе с рабочими с фабрики, я подошел к нему. Меня поразила перемена, происшедшая в нем. У него была какая-то важность на лице и со мной он говорил, как с мальчиком. Я был моложе его года на два. Но дорогой мы разговорились, и я почувствовал опять себя равным ему, но фартук, одетый на нем, производил на меня впечатление. Я мечтал о фартуке. Мы уговорились: товарищ на другой день поведет меня определять на фабрику. На следующий день я стоял с товарищем во дворе фабрики и поджидал выхода хозяина. Я чувствовал, что мой товарищ очень трусит, и это передавалось мне. На наше счастье вышел из дома не хозяин, которого, как я потом узнал, рабочие сильно боялись, а его сын. Это

был молодой человек в студенческой форме, он заведывал фабрикой. Мы подошли к нему. На просьбу товарища поместить меня на фабрике он ответил: «Хорошо, но пусть приведет кого-нибудь из старших своей семьи» — и он меня примет. Я побежал домой и рассказал о своем желании поступить на фабрику сестре и просил ее, чтобы она меня повела на фабрику, так как хозяин сказал, чтобы я пришел с кем-нибудь из старших. Сестра была старше меня года на 3; она согласилась. Опять во дворе фабрики, но уже с сестрой. Мне очень понравился сын хозяина, и я с нетерпением ожидал его выхода. Дождался. Подходим к нему. Он с улыбкой взял меня за руку и повел на фабрику. Мы вошли в корпус. Я увидел много рабочих, согнувшихся над своей работой, и стук молотков на меня действовал возбуждающе. Особенно сильное впечатление на меня произвела картина, как мужик с большой рыжей бородой, совершенно слепой, вертел большое колесо. Я в изумлении остановился. Сын хозяина об'яснил его работу: от колеса тянулся ремень к приводу токарного станка, около которого стоял человек, кричавший «стой», когда надо было остановить станок. Колесо останавливалось, и слепой человек как-то вытягивался, выпрямляя свою спину; его открытые зрачки смотрели куда-то вдаль. Мне было его очень жалко. Потом сын хозяина повел меня на верхний этаж, где было гораздо светлее; там работало несколько учеников: один лепил что-то из воска, другие рисовали. Сын хозяина оставил меня наверху, сказав учителю, чтобы тот занялся моим обучением. Я стал учиться рисованию и лепке из воска разных фигур. У Постникова наверху было училище, где преподавали начальную грамоту и закон божий. Закон божий преподавал священник Романовский, он же вел беседы и часто читал жития святых. Один из учеников, Гриша, гораздо старше меня, помогал мне в лепке и исправлял мои рисунки. На одном из уроков закона божия Романовский вел с нами беседу и читал жития. Все ученики сидели смирно, но вдруг Гриша, слушая Романовского, громко рассмеялся. Романовский выгнал его из класса с криком: «Будь ты проклят, анафема!». Это на меня сильно подействовало, я пришел домой и дома в темной комнате молился богу, чтобы он снял проклятие с Гриши. На следующий день я уже не пошел наверх, а просил, чтобы меня перевели вниз, изучать другое ремесло. Меня посадили внизу с гравером, и я под его руководством стал вырезывать рисунки на меди, потом, бегая по мастерским, я обратил внимание, как другие рабочие хорошо вычеканивали из меди всевозможные ризы для икон и обчеканивали литье разных фигур, и я через месяц перешел в чеканщики.

Чеканщиком проработал тоже не больше месяца и перешел в литейную мастерскую. Литейная мастерская находилась во дворе, и там было только два мастера. Один совсем пожилой человек, очень искусный мастер, но вечно пьяный. Его звали Герасимом Ивановичем. Он формировал разные мелкие вещи и отливал их из серебра. Другой был гораздо моложе и работал на более крупных вещах и отливал их из меди. Ко мне оба относились хорошо и старались научить этому искусству. Эта работа мне понравилась, и месяца через два я работал почти самостоятельно. Я своих учителей очень любил, хотя это были две противоположности. Они вечно спорили. Бывало, стоит Гер. Ив. над своей опокой * и начинает: «Что там ни говори, а у помещика жить было лучше. Сгорит хата, хату построит; корова подохнет, другую даст». Я эти разговоры слушал с удовольствием. Помню, как-то я услышал от кого-то, что должен был приехать в Москву великий князь. Я этой радостью хотел поделиться со своими учителями, и на мое сообщение о приезде великого князя Иван ответил: «А как велик-то твой великий князь-то?». Я смутился, — оказалось, что мой великий князь был велик не для всех. Работая у Постникова в литейной, я чувствовал, что стал приносить хозяину пользу, а мой труд ничем не оплачивался. Дома заболел мой старший брат скоротечной чахоткой. Всякая надежда на него рухнула. Желание отца определить меня в техническое училище было неисполнимо, почему я стал просить отца определить меня в мастерскую, где он работал. Отец исполнил мое желание, и я, пробыв на фабрике у Постникова более полугода, поступил учеником в Брестские железнодорожные мастерские на жалование 20 коп. в день. Работая в мастерской от 6 утра до 6 час. вечера, я сильно уставал, но дома старался этого не показывать. Рабочие же кроме денной работы работали еще вечером 4 дня в неделю — от 7 вечера до 11 часов ночи (им считали это время за полдня), а также работали и в праздники. Такая работа без отдыха, вечная забота о куске хлеба превращала людей в какой-то рабочий скот. Большинство рабочих были безграмотны. Иногда, по роду работ, давали рабочим работу на аккорд, сдельно. По окончании этого задания рабочие не могли подсчитать, кто сколько заработал, в виду разницы жалования и неодинакового числа рабочих дней. Помню, как я привел в восторг котельного мастера, подсчитав заработок его бригады и сколько каждому приходится получить. В благодарность он стал мне

* Опока—железная форма, в которой надавливалась земля для выделывания формы.

носить сказки. Большинство рабочих имело связь с деревней, и часто приходилось слышать жалобы рабочих, когда их стесняла выдача документов из деревни: то родители требовали денег, то деревенский сход постановлял требовать рабочих в деревню для отбывания выборной должности вроде десяткого или сотского, и если рабочие не хотели являться, то откупались деньгами, которые мир пропивал. Это я знал из их писем, которые приходилось читать или писать ответ в деревню. Вся эта неприглядная жизнь давила меня; особенно же отразилась на мне смерть старшего брата, который занимался со мной, чтобы я не забыл пройденного в школе. Отец сильно упал духом и на мое желание работать вечером отвечал: «Делай, как хочешь». На мою просьбу о разрешении работать вечером начальник согласился и прибавил мне жалование. Жизнь потекла однообразно и скучно. Работая от 6 час. утра и до 11 час. ночи в будни, дома я мог только спать, и лишь по праздникам зачитывался книжками Купера и Майн-Рида, которые доставала мне старшая сестра. Вечера работать было свободнее, администрация часто отсутствовала, и я этим пользовался, иногда вместо работы почитывал книги. Мною заинтересовался слесарь Камнев (его звали Петр Иванович). Он стал иногда подходил ко мне и разговаривать. Его личное отношение и внимательность меня привлекали. Он принес мне первую книгу для чтения «Спартак», и с этого времени моя дружба с ним окрепла, я стал ходить к нему на квартиру и пользоваться его домашней библиотекой. Библиотечка состояла из следующих авторов: Левитов, Решетников и Златовратский. Но мне недолго пришлось пользоваться его дружбой. Камнев, идя с работы домой на обед, был задавлен маневрирующим паровозом насмерть. После смерти Камнева я стал присматриваться к рабочим, и мне странным казалось, что некоторые рабочие очень недружелюбно относились к Камневу и говорили, что его бог покарал, называли его «скубентом» и т. д. Через некоторое время я познакомился с рабочим Константиновым. Этот человек уже был старый — лет под 50. Он работал на сверлильном станке. Это один из всех рабочих, у которого я видел в руках газету. Он был очень нервный и всем всегда возмущался. Я часто подходил к нему во время работы, и он мне давал прочитывать в газете те места, которые ему особенно нравились. Через него я познакомился с молодым токарем Дымовым, который отличался от рабочих своей развитостью, но его скоро забрали в солдаты. После Дымова у меня завязалась дружба с токарями-однолетками: Иваном Алексеевичем Семеновым и Иваном Михайловичем Серовым. Мы стали неразлучной тройкой. У нас появились общие инте-

ресы. Стали сообща выписывать газету «Русские Ведомости» и покупать книги. Таким образом у нас создалась домашняя библиотека, которй я стал заведывать. Подбор книг был случайный, покупали то, что понравится, но больше были книги известных нам авторов, вроде Левитова, Решетникова, Успенского, Златовратского и др. Мы при всякой возможности собирались вместе: читали, спорили, толкались, как говорится, «вокруг да около», часто во время споров перескакивали с одной темы на другую и как-то выходило так: хочешь доказать одно, а выходит другое. Нам очень хотелось завести знакомство с интеллигенцией. Ходили летом в Петровско-Разумовское, встречали студентов с длинными волосами и толстой палкой, им очень завидовали, думали: «вот с кем бы познакомиться надо; они бы нам все рассказали». Но это не удавалось. К нашему кружку присоединился еще один слесарь, Григорий Макарович Нуждин, он же познакомил нас с другим слесарем, Николаем Артемьевичем Лазаревым[1]. Лазарев был гораздо старше нас, держался как-то особняком и относился к нам свысока, но потом эта шероховатость стала сглаживаться. Среди рабочих мы как-то выделялись и получили от них кличку «скубентов», которой был награжден и покойник Камнев. Старик Константинов продолжал вести с нами знакомство, но его роль как-то сгладилась. В 1886 или 87 году я познакомился с техниками Синицыным и Изюмовым. С Синицыным я стал читать книги Лаврова, но знакомство как-то скоро прекратилось, он куда-то уехал, а Изюмов стал меня готовить в учительскую семинарию с тем, чтобы я шел в учителя в деревню распространять то, чего я сам еще не знал основательно. Я учиться очень хотел, но свободного времени было мало, и я прошел с Изюмовым только грамматику Говорова и катехизис.

Смерть отца поразила меня, и всякое учение пришлось отложить. Семья оставалась без всяких средств и существовала только на мой заработок. Положение мое было очень тяжелое, я терял голову, ища выхода из создавшегося положения, которое еще ухудшилось болезнью младших братьев. Я стал хлопотать о переводе из мастерских на паровоз помощником машиниста. Эти хлопоты увенчались успехом. Новая служба давала мне возможность облегчить положение семьи, но работа на паровозе была тяжелее, и свободного времени было очень мало, а главное, я не мог вперед определить, когда я буду свободен. Работая на паровозе, я все-таки поддерживал знакомство со своими то-

[1] См. о Нуждине и Лазареве в воспоминаниях Е. И. Немчинова в этом же сборнике.

варищами. Один раз у Лазарева я встретился со студентом Алексеем Ивановичем Доброправовым и стал бывать у него. От Алексея Ивановича я получил первую нелегальную книжку «Хитрая механика». Вскоре Алексей Иванович был выбран каким-то делегатом в Париж и, приехавши оттуда, вскоре заболел и умер [1].

Не помню через сколько времени после этого, начальник охранного отделения Бердяев вызвал к себе моего товарища Ивана Михайловича Серова и, предварительно запугавши его, стал расспрашивать его о моей деятельности. Иван Михайлович, несмотря на предупреждения Бердяева ничего мне не говорить, передал весь разговор с Бердяевым. После этого у меня был произведен в доме первый обыск. Обыск результатов никаких не дал, но взяли у меня легальную книжку «Политическое движение русского народа» Мордовцева. Эту книжку взяли будто бы для моей характеристики. Меня потом не тревожили и никуда не вызывали. Потребность в чтении среди рабочих стала расширяться. Мы установили плату за чтение книг и на эти деньги да плюс свои стали расширять свою библиотеку. Давая читать книги, мы кое-кому всучивали брошюру «Хитрая механика». После этого я задумал завести библиотеку в дежурной комнате среди помощников. В этом деле мне помогал особенно помощник машиниста Дмитрий Захарович Федоров. Мы стали выписывать газеты и покупать книги, но потом эта библиотечка была запрещена администрацией депо.

Потом я познакомился через старшую сестру с двумя курсистками, Добровольской и Ермиловой. Они стали бывать у нас и просили, чтобы я познакомил их с рабочими. Я это с удовольствием исполнил. У меня собирались мои товарищи, устраивали чаепития. За самоваром вели беседы, спорили. Время проходило весело, но как-то бестолко-

---

[1] Алексей Иванович Добронравов, сын бедного деревенского псаломщика Владимирской губ., учился во Владимирской духовной семинарии. В 1885 или 1886 г. был исключен за участие в семинарских волнениях и выслан в Нижний, где я с ним и познакомился. В 1888 г. поступил в Московский университет. В Москве жил у своей сестры, которая была замужем за рабочим Брестских мастерских Никифоровым; через него Добронравов вел знакомство и пропаганду в народовольческом духе среди рабочих. Через него и я познакомился с народническим кружком рабочих Брестских мастерских в 1889 г. А. И. Добронравов был в 1890 г. послан «Союзным советом» студенческих землячеств в Монпелье (во Францию) на празднества по случаю 600-летия со дня основания университета. По приезде из Монпелье Добронравов был исключен из университета и вскоре умер в Нижнем-Новгороде от туберкулезного менингита. Необыкновенно энергичный человек и горячий революционер, Добронравов в последнее время, под влиянием знакомства в Нижнем с сестрой Григорьева, склонялся к марксизму. — *С. М.*

во. Я потом сопровождал их до дому; дорогой они мне передавали свои впечатления, выражали удовольствие, радовались, что пришлось им видеть рабочих и с ними познакомиться, но... и только. Я ждал от них большего, они чего-то ждали от меня. Потом они меня познакомили с Эзельманом. Эзельман Мих. Вас. служил в кустарном музее, имел дома богатую библиотеку, встречал меня всегда приветливо, снабжал меня книгами, вел разговоры о политике. В то время как раз выселяли евреев из Москвы, и на эту тему у нас было много разговоров. Он был вечно занят. К нему много приходило евреев, он хлопотал за них и помогал, чем мог. Потом и сам был выслан из Москвы в Саратов; там и умер. Через Эзельмана я познакомился со студентом Сергеем Александровичем Вержболовичем.

Не знаю, по какой причине, у меня был сделан второй обыск и тоже без результатов, но меня вызывали в охранное отделение к допросу, а также вызывали и моего товарища Федорова. В то время был начальником жандармского отделения генерал Середа. Я на допросе держался незнайкой, и мои показания никакого значения не имели. Возвращаясь обратно с Федоровым из жандармского управления, дорогой смеялись над своими показаниями. Один из моих товарищей, Лазарев, по этому поводу сочинил молитву и дал мне, чтобы я утром и вечером читал ее перед иконой.

Молитву всю не помню, но начало ее следующее: «Господь, услышь мое моленье, рассей врагов моих ряды, спаси меня от отделенья и генерала Середы». Молитва эта, очевидно, действовала, и меня больше не тревожили. Через Вержболовича я был знаком с его товарищами. У него бывали студенты: Тесленко, Малянтович, Маклаков, Карпович, Покровский, Гречиха, Волжинский, Фомин, Држезинский. Но заметного следа никто не оставил. Помню одного студента, кажется, Кантаровича, из кружка толстовцев, который снабжал меня маленькими библиотечками издания «Посредник» или Солдатенкова, и они расходились среди рабочих. Польза от них была та, что приучала рабочих к чтению. Бывая среди интеллигенции, я чувствовал, что их рабочие мало интересовали, да и пользы от такой интеллигенции было мало. Выходило так, что нам, рабочим, с ними было не по дороге.

Читая газеты, мы наталкивались на интересные статьи, особенно сотрудника «И» (Иоллоса), писавшего из Германии о рабочем движении, приводившего выдержки из речей Бебеля и Либкнехта. Эти статьи мы, как умели, так и пережевывали. Собирались, толковали о равенстве, о братстве, ударялись в философию, искали смысла жизни, мечтали со-

вершенствоваться и блуждали, как в тумане. Сергей Александрович Вержболович вскоре умер, и моя связь с интеллигенцией как-то прекратилась, да и я не старался поддерживать эти знакомства. Как-то раз зашел ко мне рабочий Никифоров, родственник умершего Алексея Ивановича Добронравова, и сказал, что один студент, знакомый Алексея Ивановича, хочет познакомиться с рабочими, и вот, если я пожелаю, то он может меня с ним познакомить. Я, конечно, с радостью согласился и у Никифорова встретился с Сергеем Ивановичем Мицкевичем [1]. Знакомство с Сергеем Ивановичем и разговоры с ним дали моим мыслям новое направление. Я стал знакомиться с капиталистическим строем и с научным социализмом. Стал читать «Капитал» Маркса, Каутского и другие книги. Сергей Иванович мне помогал в понимании их. Он мне выяснял, об'яснял и направлял меня. Через Сергея Ивановича я познакомился с Александром Николаевичем Винокуровым. Это знакомство меня сильно возбуждало, я чувствовал, что попал в самую точку. В знакомстве с Сергеем Ивановичем и Александром Николаевичем я видел не простое знакомство, а почувствовал в них настоящих друзей рабочих и таких, которые могли положить свою голову за то дело, за которое взялись. У Александра Николаевича я познакомился с Мартыном Мандельштамом и другими. У нас появилась новая литература. Стали создавать рабочие кружки. Ивана Серова забрали в солдаты. Иван Алексеевич Семенов поступил на завод Доброва и стал там заводить знакомства с рабочими, потом перешел на завод Листа. Знакомство среди рабочих стало расширяться. У меня завязалось знакомство на заводе Грачева. Там был очень деятельный рабочий Николай Миролюбов. Он тоже создавал свой кружок. В мастерских на Смоленской дороге выделялся рабочий Немчинов, среди помощников машинистов — молодой техник Иван Мотин, который позже кончил жизнь самоубийством. Рабочая литература требовалась во-всю. Когда организовался кружок из интеллигенции—С. И. Мицкевича, А. Н. Винокурова, М. Мандельштама и Спонти, я исполнял как бы должность почтальона — во все углы Москвы разносил литературу, бывал во всех кружках, создававшихся моими товарищами [2]. Потом организовали кружок [3], в который входили представители

[1] Это было весной 1892 г. — *С. М.*

[2] Дело идет о «шестерке», организовавшейся в сентябре 1893 г. Тов. Прокофьев скромничает, что он в ней играл роль почтальона, разносившего только литературу по рабочим кружкам: он был энергичнейшим, неутомимым и умелым организатором рабочих кружков, в ряде которых сам руководил занятиями. — *С. М.*

[3] Здесь он говорит об организации центрального рабочего кружка в апреле 1894 г. — *С. М.*

от всех кружков. Здесь я познакомился с братьями Бойе и Андреем Дмитриевичем Карпузи. Через Спонти я познакомился с одним слесарем на Курской дороге, который меня познакомил со студентом Орловым[1]. В виду моих обысков, я был очень осторожен, но с рабочими я знакомился смело. У меня насчет этого был хороший нюх, а интеллигенции новой я избегал, но Орлов меня заинтересовал, и я с ним познакомил Сергея Ивановича Мицкевича. Литературы у нас нехватало. Приходилось хорошие статьи из газет вырезывать и наклеивать на тетрадь и пускать в оборот. Работа кипела во-всю. Моя служба отнимала много времени, я не имел возможности совершенствовать себя, каждая минута была на счету. В свободное время я должен был итти то за Москву-реку к Листу, то к Вейхельдту к Курскому вокзалу: надо видеть и Сергея Ивановича, и Александра Николаевича, достать литературу и разнести ее, да и дома заводились свои знакомства. У Александра Николаевича я отдыхал, и беседы с ним меня развивали. В виду расширения наших связей среди рабочих решено было организовать центральный рабочий кружок, в который входили бы представители от заводских кружков. Мысль об этом возникла в руководящем интеллигентском кружке. В центральный рабочий кружок входили также и интеллигенты из кружка Винокурова и Мицкевича.

В центральном рабочем кружке делегаты являлись не просто от своих кружков, а как бы от части города, напр., я являлся первое время представителем не только своего кружка, но также и от кружков заводов: Листа, Грачева, Брестской дороги, Курской; таким образом в центральном рабочем кружке имелись обширные сведения о настроении рабочих всех фабрик и заводов города Москвы. Мы были в курсе дела. Узнавали, какая литература требуется, какая больше идет, обсуждали, как лучше вести пропаганду, способ пропаганды.

К рабочим подходили не только с разговорами о нашем положении, а о капиталистическом строе, о социализме, иногда некоторые рабочие в своих кружках среди более отсталых рабочих начинали со священного писания, с евангелия. Этим особенно отличался рабочий Немчинов. В его квартире собирались рабочие, которые любили послушать беседы; он сначала читал евангелие, а затем переходил к беседам о положении рабочего класса и т. д. Эти кружки особенно любил посещать С. И. Мицкевич. Рабочие незаметно для самих себя втягивались в обсуждение различных вопросов, заинтересовывались политикой и постепенно ста-

[1] См. о нем мои воспом. (стр. 28) и воспом. М. Н. Лядова.— *С. М.*

новились политически мыслящими. Нашей задачей было пробудить интерес в рабочих к политическим вопросам, заставить их думать, и не только думать, но и создать в них потребность в обмене мыслями не только с нами, но и с интеллигентами. Это было время тяжелое. Сейчас смешно вспоминать об этом, а это было так. Я помню, когда я приходил к рабочему Константинову, у него была жена, какая-то вздорная баба, и как только он поднимался со мной итти, она кричала на мужа: «Куда ты идешь? Вы царя собираетесь убить, проклятые. Вот пойду и донесу». И этим она заставляла его оставаться дома, а мне приходилось ее избегать. Константинов при встрече потом говорил: «Вот проклятые бабы, а без них тоже нельзя жить». Рабочие сначала очень чуждались интеллигенции, а потом уже постепенно стали привыкать. Это я говорю о старых рабочих, закоренелых. К ним надо подходить, умеючи. А старые рабочие играли в мастерской большую роль. На молодежь не так обращали внимание, а уж если заговорил старый рабочий, то это выходит как-то солидно, и разговор старых рабочих оставлял заметный след. Вот почему и приходилось прибегать к разным способом пропаганды. И способ рабочего Немчинова был очень удачный. Во время таких собраний у Немчинова велись разговоры обо всем, на разные темы. И вот такими условиями пользовался С. И. Мицкевич. Он, со своей обычной скромностью, умело направлял разговоры на животрепещущие темы, и собрания выходили очень интересными. Несмотря на тесноту, жарищу и духоту в комнате Немчинова, время проходило очень интересно и оживленно. Когда выходил я с С. И. Мицкевичем от Немчинова, провожал его до дому и шел обратно, у меня было хорошо и бодро на душе. Я очень оберегал эти собрания от ненужных следов и постоянно проверял, нет ли какой-либо слежки за мной и С. И., но ничего подозрительного не замечал. Так дело шло до ареста Сергея Ивановича. Расскажу об его аресте. Дело было так: за литературой я старался ходить днем, думая, что это не так опасно. И вот как-то я шел к Сергею Ивановичу за литературой. Он должен был приготовить и напечатать, кажется, какое-то воззвание; он тогда жил с Александром Николаевичем Винокуровым. Только вошел к ним в квартиру, меня встретила старуха, прислуга Александра Николаевича, замахала на меня руками: «Скорей, — говорит, — уходите, их забрали». Я вернулся домой ни с чем. Мне было тяжело, больно и обидно Я остался без руководителей. Этот удар, казалось, был непоправим, и когда я рассказал рабочим, что мы потеряли, многие приуныли и задумались. Помню, когда собрались у меня рабочие: Семенов, Миролюбов, Немчинов, мы молча-

ли, думали и только покряхтывали, сидели как на похоронах; потом Миролюбов встал, развел руками и проговорил: «Ничего не поделаешь, надо терпеть и продолжать работу». Мы разошлись и стали работать самостоятельно.

Подошла весна 1895 года. Возникла мысль праздновать 1 мая. При обсуждении этого вопроса в центральном кружке возникли прения. Было решено отпраздновать этот день, сделать смотр своим силам. Но когда я этот вопрос поставил среди своих товарищей, собравшихся у меня, то решили праздновать втихомолку, не делать шума, старались, как бы не напортить нашей работе, — боялись провала. Товарищи говорили: еще рано заявлять о себе, у нас еще очень мало сил для выступления и что мысль о праздновании сейчас, это мысль интеллигенции; надо ждать, когда эта мысль выльется из среды самих рабочих, тогда это будет прочнее и тогда уже наши провалы не принесут большого вреда нашему делу. В виду таких соображений было решено не участвовать на общем праздновании, и поэтому рабочие Брестских мастерских, заводов Листа и Грачева не приняли участия в общем праздновании 1 мая [1].

Весною 1895 года на Брестскую дорогу поступил помощником машиниста Борис Кварцев. Я познакомился с ним и через него познакомился со студентом Колокольниковым. Это знакомство продолжалось недолго, но все-таки я через них доставал литературу, которая также шла в дело. Не помню через кого, у меня было знакомство со студентом Дурново, у которого я с рабочим Немчиновым очищал квартиру. У него ожидался обыск, а на квартире имелся печатный станок и шрифт. Надо было во что бы то ни стало этот станок вывезти. Я с Немчиновым под'ехал к его квартире на извозчике, взяли станок и увезли его к знакомому Немчинова лавочнику и там спрятали. Потом, в 1895 году, в августе, у меня сделали третий обыск; хотя ничего не нашли подозрительного, только стихотворение рабочего Полякова «Награда», но все-таки меня арестовали и посадили в Арбатскую часть, а потом перевели в тюрьму, в «Каменщики», в одиночку № 93.

В одиночке я сильно страдал за свою семью и особенно за сестру, которая училась на акушерских курсах, боялся, что она не кончит, а пристав, который сопровождал меня в тюрьму, сказал мне, что арестовали и мою сестру. Потом оказалось, что это он наврал, и я месяца через два получил письмо от сестры; она писала, что окончила курсы и

[1] Представители этих заводов, повидимому, собрались на небольшое собрание 1 мая по Ярославской дороге. См. воспом. Немчинова (стр. 163). — *С. М.*

что у нее уже есть практика. Это меня сильно успокоило, и уже одиночка была для меня как пух: мне было весело и даже приятно, что я сижу в тюрьме и где-то близко около меня сидят Сергей Иванович и Александр Николаевич и что я вместе с ними. Хотя при допросе мне показывали в жандрамском отделении карточки их, а также карточки и других знакомых, я от всякого знакомства отказался, а насчет стихотворения Полякова сказал, что это попало мне с книгой, которую я взял у студента Вержболовича, который уже умер. Гуляя как-то по тюремному двору, я увидел тов. Миролюбова, который поступил в тюремную мастерскую. Проходя по двору и увидя меня, он весело улыбнулся, и я почувствовал, что на воле все обстоит благополучно. Миролюбов[1] поступил в тюремную мастерскую работать, как потом мне говорили товарищи, со специальной целью завязать связи с арестованными. Месяцев через шесть меня из тюрьмы выпустили и предложили выехать куда угодно, кроме столиц и университетских городов. Я выбрал город Екатеринодар, и в 24 часа был туда выслан. Меня провожали на станцию, кроме околоточного, и товарищи. Мне было тяжело уезжать, не хотелось покидать Москву и расставаться с товарищами и работой. Вся моя работа промелькнула в памяти и особенно четко припомнился такой случай: незадолго до ареста я познакомился с рабочим из депо; это был кузнец, фамилию его не помню, пожилой человек. Я с ним много говорил, и он первый раз пришел ко мне за книгой. Мы попили чаю, прочитали «Речь Варлена», потом он встал, перекрестился, поцеловал меня, потом книгу, бережно сложил ее и вышел. С этого времени он энергично стал работать и распространять литературу. Вспоминая все это, я верил в рабочее дело и думал: прошли те времена, когда, как писал Герцен, у мужика было такое место, на котором, кто хотел, тот и расписывался. Скоро настанет другое время, и это время должно непременно притти. Если от одного рабочего зависело застопорить машину и остановить всю фабрику, то что же могут сделать все рабочие, когда соединятся в одно. Это такая сила, которую побороть нет средств.

[1] Миролюбов не был привлечен по нашему делу. — С. М.

В. Масленников

Странички прошлого

Я приехал в Москву в августе 1887 года и поступил в 3-й класс Комиссаровского технического училища. В то время в четвертом классе этого же училища учился мой брат Александр. Он жил в общежитии училища, а я в одной квартире с А. А. Ганшиным, учившимся в то время в Коммерческом училище на Остоженке. Он был года на три, на четыре старше меня и уже в 1890 г. кончил Коммерческое училище. В этом же году он поступил в Петербургский технологический институт. Мой брат окончил Комиссаровское техническое училище в 1892 году, я в 1893 г., а затем мы оба поступили в Московское техническое училище.

В 1895 году, 10 июня мы все трое были арестованы, причем А. А. Ганшину удалось до ареста окончить Технологический институт со званием инженера-техника, мы же с братом кончили техническое училище, спустя долго после ссылки, — я в 1913 г., мой брат в 1914 г.

Мы трое были связаны самыми тесными узами дружбы и отдаленного родства с А. А. Ганшиным, сыном богатого мануфактурного фабриканта из г. Юрьева-Польского, Владимирск. губ. Наш отец был женат на двоюродной сестре отца А. А. Ганшина и служил на фабрике Ганшина приказчиком, получал в 80-х годах 50—60 руб. в месяц.

Наш младший брат Юрий, эмигрировавший за границу, не дожидаясь окончания дела, по которому он привлекался вместе с Батуриным в 1897 году, покончил самоубийством в Париже посредством угара, а не бросившись с горы Юры, как пишет в своих воспоминаниях А. И. Ульянова.

Родной брат моей матери С. В. Ганшин, привлекавшийся по социал-демократическому делу в Москве, кажется, в 1906 году окончил Череповецкое техническое училище, ездил одно время помощником машиниста и машинистом на пароходах по Волге, затем работал где-то на фабрике за Дорогомиловской заставой.

Когда я учился в городском училище в Юрьеве-Польском, то в те еще годы, в 1885—1887, мой брат Александр привез от Пановых печатный сборник народовольческих стихотворений, под заглавием «Лютня». Это была первая виденная мною нелегальная книжка (тогда мне было лет

13—14). Книжка была с обожженными краями, обгорела, очевидно, где-либо в печке, скрываемая во время обыска. Книжка была довольно толстая и имела не менее ста страниц. Для характеристики этой книжки приведу отрывок из одного стихотворения, который я помню до сих пор:

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.
Плачет государство,
Плачет весь народ.
Едет к нам на царство
Константин урод.

Этот сборник стихов мы читали с моим младшим братом Юрием, которому в то время было около 11 лет; несмотря на это, мы и в то время считали себя революционерами. Книжку спрятали от своих родителей в ящик с песком, но вскоре она была найдена отцом. Наказаны за это мы не были, но отец сказал: «Ее нельзя у себя хранить». После этого, помню, вечером отец и мой дядюшка—учитель уездного училища читали с интересом сборник этих стихов. Дальнейшая судьба этого сборника мне неизвестна.

Я и мой брат Александр в конце восьмидесятых годов находились под сильным влиянием А. А. Ганшина, который по своим взглядам и убеждениям и по своему нравственному облику резко выделялся из окружающей его богатой среды. Единственное развлечение, которое он позволял себе, это посещение театра, при чем обычным нашим местом была галерка.

Большую часть своего свободного времени он посвящал учебным занятиям или чтению. В дальнейшем мы занялись с ним печатанием нелегальной литературы.

В конце 80-х годов к нам, главным образом через А. А. Ганшина, проникала народовольческая литература, а также толстовские нелегальные издания.

Первым нашим изданием на гектографе, приготовленном нами, было «Новое евангелие» Толстого, писанное от руки, в формате большого листа почтовой бумаги. Впоследствии, когда мы стали марксистами, нам удалось приобрести дешевую пишущую машину, посредством которой мы напечатали произведение Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов».

Конец восьмидесятых и начало девяностых годов прошлого столетия можно назвать периодом переоценки всех философских, социологических, экономических и эстетических понятий нашей интеллигенции. Все прежние понятия о роли личности в истории, о состоянии и развитии народно-

го хозяйства и т. п. сменялись новыми понятиями. Новая философско-общественная теория, диалектический материализм, привлекала в свои ряды главным образом молодежь.

Молодежь собиралась, читала, читала все, что попадается под руку — по литературе, по философии, по естественным наукам, по истории, по экономике и т. д. и т. д. Вырабатывались программы для чтения, переписывались и передавались друг другу. Отдельные группы знакомых собирались и за чайным столом читали, обсуждали, горячо спорили по всем вновь и вновь возникавшим вопросам.

Одна из первых таких групп, в которую вошел я, состояла из учеников старших классов Комиссаровского училища: моего брата Александра, Г. Н. Панова, Н. И. Семенова и Александра Александровича Демидова. Кроме перечисленных лиц, в общей нашей компании участвовали две сестры — З. Н. и Е. Н. Мосягины, занимавшиеся, насколько помню, шитьем белья, и курсистка акушерских курсов Е. Д. Агрикова.

З. Н. Мосягина имела возможность доставать в библиотеке своих знакомых много книг как по литературе, так и по экономическим вопросам.

Собираясь часто у Н. И. Семенова, сына машиниста Брестской ж. д., мы у него встречались с его двоюродным братом, тоже Семеновым, работавшим, кажется, слесарем где-то на заводе. Этот Семенов[1] был знаком с С. И. Прокофьевым.

Другой член нашего кружка, Г. Н. Панов, был сыном помещика Владимирской губ. Его сестра и зять инженер С. А. Кузнецов в восьмидесятых годах привлекались по политическим делам. Все вышеперечисленные мною члены нашего кружка собирались большею частью у Мосягиных, затем у нас, у Семенова и у Агриковой. Иногда в нашей компании присутствовал С. В. Ганшин, работавший в то время механиком на каком-то заводе.

С нашим поступлением (меня и брата Александра) в техническое училище появились новые лица, новые знакомые. Наш первый кружок как-то сам собой распался, хотя впоследствии иногда мы встречались и заходили друг к другу.

Другой, подобный же, но более поздний кружок состоял опять из нас с братом, Н. А. Желваковой, курсистки Поспеловских курсов, и курсисток Екатерининских курсов: Вороновой, сестер Софьи и Александры Васильевых, Блехшмитд, Л. И. Биронт. Затем иногда встречались с курсистками тех

---

[1] Иван Алексеевич Семенов работал сначала слесарем в Брестских жел.-дор. мастерских, потом в 1893—94 гг. работал у Листа. См. о нем воспом. С. И. Прокофьева.— С. М.

же курсов Елпидиной, Фелициной, А. Н. Лосевой [1] и другими, фамилий которых не помню.

В этот период у нас уже появляется значительное количество нелегальной литературы — отчасти народовольческой, но больше марксистской. С большинством перечисленных лиц у нас сохранились связи до самого нашего ареста в 1895 году.

Некоторые из них привлекались по нашему делу: Л. И. Биронт и Н. А. Желвакова, сестра А. А. Желваковой. В большинстве случаев все они охотно оказывали те или иные услуги: хранили литературу, собирали деньги и т. п. Некоторые из них, как, например, Воронина, могли, если оказалось бы нужным, итти на самые рискованные предприятия, до террористического акта включительно. Все они приехали из провинции, стремились к знанию и активной работе, но для большинства из них активной, захватывающей работы не было. Воронина, бывшая народная учительница Казанск. губ., не найдя активной работы у нас, ушла от всех нас и от своих подруг, отправилась жить в ночлежном доме, чтобы найти подходящих себе людей. Недолго пробыла она там, нервно заболела и вскоре, как мне передавали, умерла.

Вскоре после моего поступления в Московское техническое училище, наиболее прогрессивное студенчество образовало, по образцу землячества, с определенным уставом, две группы, преследующие, с одной стороны, чисто студенческие цели, с другой стороны, ставящие себе целью поднятие умственного и нравственного уровня своих членов: каждая группа имела приблизительно около 40 человек, при чем образование двух групп, насколько помню, диктовалось конспиративными соображениями.

В этих группах было сосредоточено почти все прогрессивное оппозиционное студенчество, за исключением, кажется, студентов старших курсов, которые заняты были главным образом своими учебными делами.

Группы имели своих представителей в союзе землячеств, и в 1894 г. представители групп подвергались репрессиям наравне с представителями других землячеств.

Заседания группы, в которой я принимал участие, чаще всего происходили в квартире А. Р. Бриллинга.

В собраниях этой группы обсуждались вопросы, начиная со студенческих и кончая политическими. В этой группе уделялось значительное внимание рабочему движению.

С переездом А. А. Ганшина в Петербург, через него с

[1] А. Н. Лосева-Первухина, старая партийная работница, до сих пор состоит в рядах нашей партии.— *С. М.*

самого начала 90-х годов к нам стала попадать социал-демократическая литература, главным образом издания группы «Освобождение труда», книжки «Социал-демократа» и т. п. Средства на издание нелегальных произведений, а также на приобретение нелегальной литературы затрачивал главным образом А. А. Ганшин. Нам с братом Александром, уже после от'езда А. А. Ганшина в Петербург, удалось приобрести I том «Капитала» Маркса и сочинения Лассаля. Под влиянием этой литературы наши взгляды в 1891 или 1892 г. были уже определенно марксистскими, хотя, конечно, в это время мы еще не вполне усвоили всю глубину этого учения.

Таким образом у нас имелись уже определенные идеологические предпосылки для нашей дальнейшей работы.

Во время своих приездов в Москву А. А. Ганшин знакомил нас с тем, что делается в Петербурге.

Вместе с А. А. Ганшиным мы обсуждали, каким образом лучше поставить издание нелегальной литературы. А. А. Ганшину удалось достать литографский камень, намечалась возможность наладить типографию, но в конце-концов удалось наладить печатание при помощи автокописта.

Образец автокописта в размере полулиста писчей бумаги удалось получить у покойного А. Р. Бриллинга, в то время студента Московского технического училища.

По имеющемуся образцу мной был сконструирован автокопист, размером в лист писчей бумаги, и заказан в слесарных мастерских Комиссаровского технического училища. Ленту для автокописта, литографскую краску, чернила и валик удалось приобрести в магазине, кажется, Гагена. При помощи таких средств и было нами напечатано летом 1894 г. произведение Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Печатали непосредственно с рукописи Ленина, полученной через А. А. Ганшина. Печатали мы с братом частью у себя в комнате, в квартире наших родителей, которые к тому времени переехали в Москву, а также, насколько помню, отчасти в имении Ганшина «Горки», около станции Рязанцево Московско-Ярославской ж. д.

Через А. А. Ганшина мы также получали из Петербурга всю новейшую марксистскую литературу, издаваемую там: Струве, Бельтова, Энгельса, в большом количестве распространяли ее в Москве, главным образом через студентов-техников и курсисток Екатерининских и акушерских курсов. Кроме того, у нас имелись связи с книжным магазином Суворина, откуда получали в кредит всю невейшую литературу, ранее находившуюся под запретом, как, например, сочинения Писарева.

Немецкую литературу, в том числе и «Neue Zeit», получали через магазин Лидерта в Петровских линиях.

Между прочим, после забастовки рабочих на Корзинкинской мануфактуре в Ярославле в 1895 году, в техническом училище произошло под руководством двух названных групп резкое выступление студентов против профессора Федорова, директора Корзинкинской фабрики. Среди этих двух групп с определившимися марксистскими взглядами, было четыре студента (я с братом Александром, Лакур и Котов), привлекавшиеся затем по нижегородскому соц.-дем. делу в 1896 году.

В нашей группе наиболее видными членами группы были: Воровский, Вашков, Бабаджан, Безходарный, Хатунцев, Бриллинг.

Воровский работал во времена царского правительства, главным образом нелегально, со времени же Октябрьской революции являлся преимущественно представителем советского правительства за границей и, как известно, погиб в Швейцарии от руки белогвардейского бандита.

Вашков работал и работает главным образом по электрическим установкам г. Москвы; Бабаджан — на заводах сначала Москвы, затем у Кольчугина во Владимирской губ. Об остальных членах группы мне ничего неизвестно. Для характеристики студенчества (оппозиционного) того времени необходимо указать на то, что с восшествием на престол Николая II все студенты обеих групп, за исключением нас четырех марксистов, участвовали своими подписями под петицией в земско-либеральном духе Николаю II о даровании русскому народу политических свобод. Ответами на эти петиции, как известно, были его слова о «бессмысленных мечтаниях». Студенты, подписавшие петицию, нам, марксистам, бросали упрек, что вот, дескать, вы, как только доходит до дела, отказываетесь принимать в нем участие. Ваша задача «итти на выучку к капитализму» и его насаждать.

Вскоре после нашего ареста среди студенчества технического училища обозначился резкий перелом: многие из них стали на марксистскую точку зрения и затем привлекались по различным делам социал-демократического движения.

С осени 1894 года я с Бабаджаном участвовал еще в небольшом кружке курсисток акушерских курсов. Их было человек 6—7. Приехали они из области войска Донского. Жили все в одной квартире и были проникнуты искренним желанием учиться и работать. Из них я помню фамилии двух сестер Митиных.

В этом кружке читали, насколько помню, и литературу народнического направления, и марксистскую, особенно Бельтова. Сведений о судьбе членов этого кружка у меня совсем не имеется.

В 1893—94 гг. мы с братом Александром познакомились в Москве через А. А. Ганшина с семьей Ульяновых. В то время их семья состояла из Марка Тимофеевича Елизарова, его жены Анны Ильиничны, Марии Ильиничны, Дмитрия Ильича и их матери Марии Александровны. Обычным посетителем их семьи был А. М. Лукашевич. Обычно разговоры шли на общественные темы, особенно в связи с выходом и получением марксистской литературы. Около этого времени, между прочим, были переведены Анной Ильиничной «Ткачи» Гауптмана. Разговоры по общественным вопросам принимали иногда довольно горячий характер; помню, во время одного из споров Марк Тимофеевич, размахивая руками, сбил абажур с лампы. Иногда к Ульяновым приезжал из Петербурга В. И. Ульянов.

У Ульяновых мы с братом Александром познакомились с А. В. Кирпичниковым. Вскоре после знакомства между нами установились дружеские отношения, и мы нередко бывали друг у друга, обсуждая вопросы о том, чтобы принять непосредственное участие в работе среди рабочих. К практическому осуществлению этих предположений мы приступили после ареста С. И. Мицкевича[1]. Нам было известно, что Мицкевич вел работу в этом направлении. По слухам, дошедшим до нас, с арестом Мицкевича нарушилась связь между его кружком из рабочих и интеллигентами-марксистами.

Мы решили восстановить эту связь. Кирпичников жил в это время в квартире Рязанова и, вероятно, через кого-либо из его знакомых узнал, что среди рабочих кружка Мицкевича имеется рабочий С. И. Прокофьев, при посредстве которого можно установить необходимую связь с рабочими. Узнав адрес С. И. Прокофьева, кажется, в адресном столе, я зашел к нему и рассказал о своих намерениях. С. И. Прокофьев принял меня недоверчиво и задал вопрос, почему мы явились непосредственно к нему, а не установили связь, о которой я ему говорил, через интеллигентов, знакомых С. И. Мицкевича. Я не помню, что ему ответил, но было очевидно, что он к нашему желанию отнесся с недоверием. Однако вскоре недоверие это прошло, так как у нас с Прокофьевым был общий знакомый, рабочий И. А. Семенов, с которым мы часто встречались у его двоюродного брата

[1] Я познакомился с братьями Масленниковыми летом 1894 года.— *С. М.*

Н. И. Семенова, учившегося вместе с нами в Комиссаровском техническом училище.

Через Прокофьева мы узнали о М. Н. Мандельштаме и решили непосредственно с ним установить необходимую связь. Где и когда нам с ним удалось познакомиться, я не помню, но вероятнее всего через А. В. Кирпичникова. Все эти поиски связей происходили приблизительно в феврале, а в марте-апреле у нас образовалась группа лиц из Мандельштама, Кирпичникова, меня, брата моего Александра, Дурново, Петровой, Карпузи с женой, кажется, Фридмана и Франка. Кажется, больше никого не было. Состоялось несколько заседаний этой группы в окрестностях Москвы по вопросам, связанным с организацией рабочего движения. Фридман и Франк вскоре перестали являться на собрания группы. На заседаниях группы обсуждались вопросы об организации руководящего центра, о развитии агитации среди рабочих и создании кружков для пропаганды. Насколько помню, было принято такое решение: идейное руководство движением должно быть сосредоточено в кружке интеллигентов, куда должны были войти представители от рабочих в лице Карпузи и К. Ф. Бойе. Наряду с этим кружком должен вести непосредственную работу среди рабочих другой кружок из наиболее передовых рабочих. Этот кружок должен был стоять в центре рабочего союза. Для организации рабочего союза должно быть организовано представительство рабочих по возможности со всех фабрик и заводов. 30 апреля была организована сходка рабочих, на которой присутствовали рабочие с большинства заводов Москвы. Присутствовало 200—250 человек.

На сходке говорилось о значении 1 мая и о значении рабочего движения. Последнее наше заседание было в комнате Кирпичникова, переданной нами ему, когда мы выехали из Москвы в Мытищи. Комната помещалась у Красных ворот и была удобна тем, что двор был проходным. На заседании обсуждался вопрос о собрании рабочих 11 июня, было выработано воззвание к рабочим, обсуждались подробности организации союза. На собрании присутствовали все члены нашей группы, за исключением Фридмана, Франка и моего брата Александра, который поехал с А. А. Ганшиным собирать подробные сведения о забастовке на фабрике Корзинкиных в Ярославле. Заседание происходило вечером; я остался ночевать у Кирпичникова. Благодаря этому обстоятельству я, очевидно, не попал в филерские заметки об этом собрании. Кажется, на другой же день после этого заседания мы должны были приступить к печатанию воззвания. Воззвание должно было печататься в квартире Дурново и Петровой в Грохольском переулке. Квартира эта

была специально снята для печатания литературы. Типографию принес я из Сокольников, от одной знакомой фельдшерицы, куда я отвез ее раньше, приблизительно в середине апреля, получив ее от рабочего Миролюбова.

Фамилию фельдшерицы не помню. Когда я шел на другой день утром после вышеуказанного заседания к Дурново, то против ворот, где помещалась квартира Дурново, я заметил извозчика-лихача филера. Об этом я сказал Дурново и Петровой. Несмотря на это, мы решили напечатать воззвание. Шрифт был перепутан, и прежде всего в течение целого дня пришлось разбирать шрифт. Воззвание было напечатано на другой день.

В разборке шрифта принимал участие я, печатали же воззвание Дурново и Петрова. Воззвания были переданы, кажется, Мандельштаму. Необходимо было позаботиться о спасении типографии. Более безопасного для помещения типографии места не оказлось, и я предложил привезти ее ко мне в Мытищи. Кирпичников и Дурново привезли ее вечером, а утром на другой день мы были арестованы. При перевозке типографии с квартиры Дурново ко мне, очевидно, филеры следовали за нами по пятам. По крайней мере, вечером на мосту, недалеко от нашей избушки, я видел подозрительную личность. Чтобы скрыть типографию, когда немного стемнело, я зарыл ее в ближайшем овраге. При обыске в нашей квартире была найдена в небольшом количестве нелегальная литература, а типография не была найдена, по крайней мере, в карете, в которой нас везли с братом Александром в Сущевскую часть, ее не было [1].

По соседству с нашей квартирой, в детском приюте, был также произведен обыск у Н. А. Желваковой и у находившейся у нее в то время Л. И. Биронт. У них была также найдена нелегальная литература, которую мы им дали отчасти для прочтения, отчасти для хранения.

В дополнение к сказанному необходимо отметить, что приблизительно за неделю до общего собрания представителей рабочих фабрик и заводов, которое намечалось на 11 июня, состоялось в Сокольниках, на берегу Яузы, предварительное собрание более сознательных рабочих. На этом собрании должны были присутствовать также я, мой брат и Кирпичников. Кроме того, думал быть также А. А. Ганшин. На это собрание мы не попали, так как вокруг места, где должно было происходить собрание, да и за нами, бродили филеры. Чтобы избавиться от своего филера, я стал ходить за ним и вскоре на народном гулянье мне удалось

[1] Как видно из протокола обыска, типография была найдена при обыске у Масленниковых зарытой в саду. — *С. М.*

от него отделаться. Но, очевидно, слежка за нами и за рабочими была во-всю.

Засадой, устроенной в нашей квартире в Мытищах, вскоре после нашего ареста был арестован Левит, студент Технического училища, приехавший навестить нас. После ареста в 1895 году мы с ним не видались, и дальнейшей судьбы его я не знаю.

Я сидел первое время в Сущевской части, куда привезли также и Кирпичникова. Он чувствовал себя тогда в общем удовлетворительно.

По моему предположению, у Кирпичникова, кроме мимеографа, должен был находиться также автокопист, оставленный нами в квартире, перешедшей к Кирпичникову, но при обыске он, очевидно, не был найден. Автокопист был тот самый, на котором мы печатали «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов».

Из Сущевской части нас перевезли в Таганскую тюрьму. На время коронации меня увозили в Ярославскую тюрьму, где находились в то время М. Н. Мандельштам и Карпузи.

А. И. Рязанов

Воспоминания

Я родился 20 ноября 1865 года в гор. Рязани. Мой отец, мещанин гор. Рязани, почти до конца своей жизни был наборщиком в рязанской губернской типографии, пока не вышел в отставку 65-ти лет и не стал жить у меня в гор. Туле, где и умер в 1907 г. Моя мать происходила из духовного звания, умерла от скоротечной чахотки, когда мне было всего лишь 1½ года. Отец вскоре после ее смерти вновь женился на полуграмотной сироте и воспитаннице своих родственников, помещиков Калужской губернии Кавериных.

Материальные недостатки часто создавали в семье отца нездоровую атмосферу и были причиной постоянных ссор между отцом и мачехой, которая, хотя и была доброй женщиной, но вспыльчивой, взбалмошной и расточительной.

В этой обстановке мачеха невольно обращалась со мной нехорошо, подчас даже жестоко и, кроме того, наговаривала на меня отцу, который поддавался этим наговорам.

Хорошие воспоминания оставила во мне моя бабушка по отцу, которая мне, маленькому, рассказывала сказки и вливала в меня теплоту и ласку, которых мне недоставало в родной семье.

Первое обучение грамоте у меня шло под руководством отца, который заставлял меня учить наизусть бессмысленные церковно-славянские тексты, вследствие чего своевременное приготовление уроков мне не удавалось, что вызывало в свою очередь отцовский гнев, доходивший до оставления меня без обеда и до побоев.

Однажды от сына извозчика, моего сверстника и товарища, я узнал, что хорошо и правильно идет преподавание в приходском училище. Так как я получил чуть не органическое отвращение к схоластическому преподаванию своего отца, то я и убедил его отдать меня в приходское училище.

В начале лета 1873 года меня отдали в приходское училище, куда я поступил в первый класс, но к рождеству меня перевели во второй класс, а весной я уже закончил курс и получил награду — 5 аршин ситцу.

---

[1] Аркадия Ивановича Рязанова не надо смешивать с Давидом Борисовичем Рязановым, бывшим директором Института Маркса и Энгельса, ныне исключенным из партии.— *С. М.*

Во втором классе я почему-то понравился учителю Ивану Васильевичу, и, когда однажды я пришел к нему на пасхе получить из школьной библиотеки книжки для чтения, он рекомендовал меня инспектору народных училищ Василию Ивановичу Епинатьеву и его жене, случайно находившимся в гостях у упомянутого учителя, говоря: «Вот тот мальчик, о котором я вам говорил и рекомендовал пригласить в товарищи к вашему сыну». Жена инспектора обратилась ко мне с вопросом — не желаю ли я быть товарищем ее сына и ходить по воскресным дням играть с ним. Я ответил: «Как позволят родители». Конечно, родители позволили, и я стал бывать у них и сделался товарищем их сына Эдуарда.

Когда я кончил курс в приходском училище, инспектор Епинатьев, с сыном которого я продолжал игры, хотел меня определить в ремесленное училище, но я запротестовал и заявил своему отцу, что я у Епинатьевых не буду больше бывать и поступлю в гимназию.

После этого мой отец имел переговоры с Епинатьевым. Результаты переговоров увенчались успехом, и я поступил по экзамену в приготовительный класс рязанской 4-классной прогимназии. Плату за обучение за весь год внес Епинатьев.

В первый класс я перешел с наградой и шел в нем первым учеником. Тот же Епинатьев, в это время уезжавший с семьей в Петербург, добился от инспектора прогимназии Зверева, чтобы меня в дальнейшем освободили от взноса платы за обучение.

Так шло до IV класса, где я, несмотря на то, что был вторым учеником, остался на 2-й год, так как плохо написал диктант, хотя другие ученики, гораздо хуже написавшие диктант, перешли в гимназию.

Это обстоятельство меня весьма поразило, так как перед экзаменом я очень усердно занимался.

В вакационное время при переходе из VI в VII кл. гимназии я прочитал «Историю цивилизации» Бокля, который впервые внедрил в меня убеждение, что мир и народы живут, подчиняясь законам развития.

В следующих классах мне пришлось прочитать естественно-научные книжки, вроде Бюхнера, и по общественным вопросам, вроде «Деятели революции 1848 г.» Вермореля, Прудона, «Принципы международного права» и др.

Директору гимназии учителя донесли, что я социалист; между прочим, об этом доносил и мой отец, с которым я не жил, начиная с III класса гимназии, так как ушел от него жить на общую квартиру, содержимую благотворительным обществом, а с VI кл., после одной из ссор,

с отцом я разошелся совсем и жил уроками совершенно самостоятельно.

В 1885 году, после окончания гимназии, я поступил на медицинский факультет Московского университета.

Я попал прямо под новый университетский устав, когда была введена в лице инспектора Брызгалова инспекция с педелями, конкурировавшая с охранным отделением по слежке.

Первое время в университете я вел замкнутый образ жизни в кругу своих товарищей рязанцев и жил главным образом на плату за уроки, отдаваясь чтению преимущественно естественно-научных книг. Я сдал зачет за первое полугодие по медицинскому факультету. Но незадолго до этого организовавшееся рязанское землячество, имевшее нелегальную кассу взаимопомощи, стало вовлекать меня в общестуденческую жизнь. В особенности оказала на меня большое влияние студенческая столовая, единственно свободное и самоуправляющееся студенческое учреждение: ею руководили избиравшиеся от землячеств распорядители. В столовой в острые периоды студенческой жизни собирались общестуденческие сходки; в то время как в порядке дня стоял вопрос об антрекоте, в действительности на этих собраниях раздавались речи по поводу полицейского гнета, который тяготел над головами передовых студентов, происходивших преимущественно из бедных классов.

Я помню речи Россиневича, юриста IV курса, высланного потом из Москвы, Плотникова, Полонского, высланного в Архангельскую губернию, которые возбуждали лучшие чувства и оформляли мысли, теплившиеся в душе и головах передового студенчества.

Я видел, как благодаря полицейскому гнету лучшие представители передового студенчества быстро, без суда, в административном порядке высылались.

В особенности я стал органически ненавидеть деспотизм и полицейский произвол царского строя, когда стали известны деляновские проекты о том, чтобы в университет был запрещен фактический доступ студентам из бедных классов и детям кухарок, для чего плата за обучение в университете была повышена с 50 руб. до 100 руб. в год.

Несмотря на то, что в гимназии я считался одним из самых передовых и начитанных учеников, я был профаном в общественных вопросах и поэтому все второе полугодие 1885-86 гг. занимался изучением общественных наук. Я прочитал лекции профессора Чупрова по политической экономии, после чего перешел на юридический факультет. По целым дням я сидел над изучением немецкого языка, прочитал затем на немецком языке «Сущность социализма»

Шеффле и на вакации 1886 г. прочитал на немецком языке первый том «Капитала» Карла Маркса.

Огромное впечатление на меня произвели также и произведения Зибера как экономического, так и социологигического характера, преимущественно «Давид Рикардо и Карл Маркс», его же очерки «Первобытная культура» и пр. Точно также мой кругозор как по государственному праву, так и в области социологии расширился под влиянием чтения книг проф. государственного права М. М. Ковалевского, лекции которого я слушал. Его книги «Семья и род», «Историко-сравнительный метод» и книги других авторов социологического направления, как-то: Моргана, Баковена, Поста, Мена, логика Милля, Керьеса на английском языке, заставили меня взглянуть на явления общественной жизни не с точки зрения узколобых защитников самобытности России, ведших свое происхождение от народнических предрассудков различных оттенков, а с точки зрения общих законов человеческого развития, обследованных индуктивным путем.

Мне стало вполне ясно, что все народы переживают одни и те же ступени развития, что нет на свете ни одного неподвижного института, нет ничего священного или неприкосновенного, все рождается, развивается и умирает. Только одни народы, вперед ушедшие, уже пережили те ступени развития, которые еще переживают отсталые народы, и что передовые народы могут быть прообразом для отсталых народов, и поэтому передовые элементы общества могут предвидеть развитие своего народа и сообразно с этим поступать.

Поэтому у меня возникали постоянные споры с рязанцами-народниками, напр., А. П. Ижевским, Бадаевым, Перовым и проч.

Я смеялся над ними, когда они говорили, что в России капитализм не разовьется. Вся узость их взглядов для меня представлялась ясной.

В 1887 году, когда я был на III курсе юридического факультета, вспыхнули студенческие беспорядки: мой однокурсник и товарищ Синявский дал инспектору Брызгалову во время студенческого концерта в «благородном собрании» пощечину. После этого на другой же день стали собираться студенческие сходки, но так как университет был заперт, то студенты собрались на сходку на Страстном бульваре, где и подверглись избиению нагайками со стороны казаков; некоторые студенты были ранены; ходили слухи, что были убитые. Между прочим, был ранен и племянник тогдашнего генерала-губернатора кн. Долгорукова. Общество открыто стало выражать студентам свои симпатии; были разрешены

сходки в университете. На первой же сходке в актовом зале мой однокурсник студент Гопфенгаузен сформулировал по пунктам требования об отмене нового университетского устава, об отставке битого инспектора Брызгалова и вообще об упразднении инспекции, свободе преподования и проч.

Генерал-губернатор кн. Долгоруков, чтобы свалить с себя вину за избиение студентов на Страстном бульваре, донес в центр, что он не ручается за спокойствие столицы, пока у власти и в университете будет находиться Брызгалов.

Оказалось, что видное участие в студенческих «беспорядках» принимали мои кружковые товарищи из незадолго до того образовавшегося нелегального кружка: Гопфенгаузен, Рицк, Лесовой и др. Конец «беспорядков» ознаменовался высылкой на родину сотен студентов, среди которых было значительное число рязанцев.

Для помощи высылаемым студентам была организована касса, во главе которой стал я. Студенты под моим руководством раз'езжали по лицам, сочувствующим студенческому движению, по артистам и др. Были у знаменитого в то время артиста Хохлова, баритона Большого театра, симпатично к нам отнесшегося и тотчас пожертвовавшего 100 рублей; артист Южин пожертвовал 10 руб., Корш, содержатель театра, пожертвовал больше 100 руб.

Целью нашей кассы являлось оказание помощи высылаемым студентам. Мы выезжали на вокзалы ко времени отхода поездов, ловили высылаемых студентов, под видом знакомых целовались с ними и в это же время успевали расспрашивать, куда их высылают и нуждаются ли они в деньгах, и в случае утвердительного ответа совали им в руку по 50 или по 100 руб.

Инспектор Брызгалов был все же уволен. После его увольнения и назначения инспектором Доброва, полицейский режим в университете был ослаблен, тем не менее мы, студенты, все еще находились под неослабным, хотя и тайным, надзором Московского охранного отделения.

Помощник инспектора Калиновский, как передавал мне потом Добров, служил в охранном отделении и непосредственно сносился с начальником последнего — Бердяевым. Жертвы, понесенные во время студенческих беспорядков в лице высылаемых и не возвращенных студентов, требовали, как думали тогда передовые студенты, новых жертв, поэтому у Центрального представительства землячества возникла мысль возобновить «беспорядки», а для этого сделать статистический подсчет сил.

Я в то время жил в общежитии на Ляпинке с несколькими земляками-рязанцами. Досчатые перегородки комнаты, в которой мы жили, не доходили до потолка, в соседних комнатах было слышно все, в особенности громкие разговоры, происходившие в нашей комнате.

Очевидно, эти разговоры о статистике, которую следует произвести с целью учета сил студентов, могущих участвовать в «беспорядках», как мне, после обыска у меня, говорил начальник охранного отделения Бердяев, и были переданы в охранку каким-либо осведомителем из соседней комнаты ляпинского общежития, вследствие чего и был произведен внезапный обыск у меня и у других представителей Центрального землячества.

Обыск меня захватил врасплох, а именно: в комнату, где находился и проживал я вместе с товарищами-однокурсниками рязанцами Каменецким, Пажитновым и Шариковым, вошли околоточный надзиратель и управляющий общежитием «Михалыч».

Я только что успел вложить в конверт список земляков и прокламацию на французском языке, написанную поляками-студентами, где говорилось, что мы, студенты, боремся не только против нового устава, но и против деспотического строя и ига царя. Я положил этот конверт на большой, устланный вместо скатерти газетами, стол, который стоял вдоль комнаты и служил для занятий четырех обитателей комнаты, и едва только я отошел от него к койке, как вошли упомянутый околоточный и «Михалыч».

Я обратился к ним: «Вы кого ищете?» — «Рязанова». «Это я». В это же время я бросил на кровать Шарикова рублей триста денег, завернутых в бумагу, принадлежащих Рязанскому и Центральному землячествам, и когда затем стали входить студенты, сперва Пажитнов, потом Шариков и Каменецкий, я сказал им по-латыни, чтобы они взяли деньги, брошенные мною на кровать. Шариков взял их во время производства обыска в присутствии полицейского офицера из охранного отделения и жандарма, при чем для вида он разлегся на кровати и, когда брал деньги, нечаянно рассыпал медяки, но все прошло благополучно.

До начала обыска, когда в комнате находился один только околоточный, я взял новую газету и застелил ею лежавший на столе упомянутый конверт со списком земляков и прокламацией. Вошедший после этого офицер из охранного отделения положил свою шапку на эту газету и начал производить обыск. Конверт был спасен.

После этого обыска, не давшего удовлетворительного для охранников результата, меня пригласили к московскому обер-полицеймейстеру Юрковскому.

Встретил меня сначала начальник охранки Бердяев со словами: «А, Аркадий Иванович, садитесь, пожалуйста, не хотите ли папирос?» — «Я не курю». — «Как это вы хотели отменить новый университетский устав путем новых беспорядков. Ведь так нельзя, можно отменить устав, но иным путем. Правда, Брызгалов подлец, не умел его проводить в жизнь, но все-таки путь беспорядков для отмены устава недопустим». На это я возразил, что он мне приписывает то, чего я не имел в виду, ибо только занимаюсь наукой.

В ответ на это Бердяев сказал: «Не собирали ли вы от своих земляков статистических данных для учета, кто будет участвовать в беспорядках?»

Затем меня ввели наверх к Юрковскому, и последний заявил: «Если последуют в университете беспорядки, то вас вышлют из Москвы подальше, независимо от того, будете ли вы участвовать в беспорядках или нет».

После этого меня отпустили домой с миром.

Вплоть до середины 1889 года я, чтобы не подвести своих товарищей и в особенности представителей в Центральном землячестве, стал вести себя скромно, уединенно, тем не менее в одну из июльских темных и бурных ночей, когда разразился ужасный ливень, моя квартира в гор. Рязани, где я жил на каникулах, оказалась окруженной 16 жандармами и городовыми во главе с помощником начальника жандармского управления Жуковым. Уже по стуку в ставень я понял, что дело идет об обыске.

Я схватил «Наши разногласия» Плеханова и еще какую-то нелегальную книжку и хотел их куда-нибудь спрятать, но в это время моя жена спросонок и перепугу велела няньке отворить сенцы и впустить лиц, стучавших неистово в двери, и я, конечно, был захвачен с поличным в руках.

Меня арестовали, отвели в жандармское управление и оттуда с первым отходящим поездом с двумя жандармами переправили в Московское жандармское управление.

Жаркое летнее утро сменило бурную дождливую ночь. Солнце разливало свой свет по комнате жандармских писарей, куда я был введен после приезда с вокзала; сон меня разморил, и я уснул на кровати одного из жандармов, пока меня не разбудили и не потянули к допросу. На допросе меня спрашивали: «Что такое земляческий кружок, какие он преследует цели, зачем я приглашал туда студента Пантелеева, не знаком ли я с Вырыпаевой» и проч. Впоследствии я узнал, что Вырыпаева была эмигранткой в Швейцарии и там была арестована с группой лиц, когда они производили опыт с какими-то взрывчатыми веществами. Во время ареста их была захвачена бутылка со взрывчатым веществом; захвативших эту бутылку предупредили, что

она может взорваться, ее следует поставить в воду. Бутылка была поставлена в воду, но взрыв произошел. После этого был произведен обыск в Рязани у Слепцовой, сестры эмигрантки Вырыпаевой, невесты студента Пантелеева. У нее же нашли письмо от жениха Пантелеева, в котором он, между прочим, писал, что я приглашал его в земляческий кружок. И вот с целью убедиться, что такое земляческий кружок, были арестованы я, Пантелеев и его невеста Слепцова.

Под арестом я пробыл всего две недели, сперва в Спасской части, потом в Серпуховской.

На последнем допросе товарищ прокурора Миндер, допрашивавший меня в жандармском управлении, заявил, что я свободен, а так как я исключен из университета, то я должен подать вновь прошение в университет и в нем просить университет сделать запрос в жандармском управлении о том, что со стороны последнего не имеется препятствий к моему поступлению в университет.

Из жандармского управления меня отвезли в охранное отделение, которое мне не разрешило остаться в Москве и с первым же поездом в сопровождении переодетых полицейских отправило в Рязань.

Пока я собирался подать из Рязани прошение в университет о поступлении в него вновь и пока я получил разрешение московского охранного отделения на в'езд в Москву, мое дело ушло из жандармского управления в департамент полиции.

В начале сентября 1889 года я приехал в Москву, отправился в университет и там от секретаря университета узнал, что все мои бумаги и документы отправлены были к рязанскому полицеймейстеру, так как попечитель округа не соглашался меня принять в университет.

От инспектора Доброва я узнал, что когда запросили жандармское управление, можно ли меня вновь принять в университет, то последнее ответило, что дело мое отослано в департамент полиции, а потому оно не может дать какого-либо ответа, а самый запрос послало в департамент, последний же ответил попечителю Московского округа, что он не встречает препятствий к моему поступлению в университет, если попечитель округа возьмет меня под свое особое покровительство. Ответ попечителю округа пришел тогда, когда сам попечитель округа граф Капнист был в отпуску, а должность его исправлял помощник его Садоков, не решившийся принять меня в университет. И только после личного разговора с попечителем округа Капнистом мне удалось вернуться в университет.

По окончании курса к рождеству 1889 г. я получил выпускное свидетельство из университета и сразу попал из-под особого покровительства попечителя под гласный надзор полиции, к которому я был приговорен департаментом полиции сроком на 1 год.

По сдаче экзаменов в государственной комиссии, осенью 1890 г., я для того, чтобы остаться в Москве, запасся десятками прошений о приеме на службу в разные учреждения и попал на товарную станцию Москва-Рязанская в таксировщики с жалованием в 25 руб. Работа заключалась в том, что я, на основании тарифных ставок, делал расчет за отправляемые в различные города грузы по накладным с пудо-версты. Затем мне сначала разрешили сдать экзамен на начальника станции, но, в конце концов, к сдаче экзамена меня, как политически неблагонадежного, не допустили; железнодорожное жандармское управление, вероятно, опасалось, что я устрою крушение царского поезда.

Далее я «сидел на книгах» (записывал в книги железнодорожные вагоны по документам и грузы), был разборщиком поездов. В конце концов я бросил железнодорожную службу и 20 ноября 1891 года сделался кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде.

На государственной службе я пробыл только 7 месяцев; разругался с членом суда Лебедевым, за которого писал решения и определения, и 9 июня 1892 года сделался помощником присяжного поверенного Вяткина.

К концу 1891 года и началу 1892 года следует отнести образование первого марксистского кружка в Москве, в состав которого входили: я, А. Н. Винокуров, его жена П. И. Винокурова, С. И. Мицкевич, Мартын Мандельштам, Д. П. Калафати, наездами из Дерпта — Давыдов, который после исключения из Московского университета поступил на юридический факультет Дерптского университета и останавливался в Москве без прописки вида всегда у меня на квартире. Наезжал также к нам из Орла и брат Мартына Мандельштама Григорий Мандельштам, впоследствии, после 2-летнего одиночного заключения в тюрьме, сошедший с ума и умерший в психиатрическом отделении Преображенской больницы. В нашем кружке принимал участие и Константин Чекеруль-Куш со своей женой. Мы снабжали литературой рязанский кружок, который сначала был народовольческого направления, а затем под нашим влиянием стал марксистским кружком. В его состав входили: студент В. А. Жданов и его сестра С. А. Жданова, по мужу впоследствии Иванова, студент С. К. Иванов и его сестра А. К. Иванова, курсистка Богомол, саратовцы — брат и сестра Янишевские, братья Праотцевы — студент и художник (один из

них — художник — впоследствии оказался провокатором), студент Рейнгольд, Корвин-Круковский, еще один Иванов Степан, сестры Лебедевы, Любовь и Надежда, и др. Через Лебедевых, одна из которых была невестой, а потом женой Виктора Чернова, я познакомился с Виктором Черновым, моим идейным противником, впоследствии главой эсеров, и его братом. Близкое общение с нами имели студенты: Дурново, Лосицкий, Кирпичников, курсистка Смирнова, семья Пеньевских, которые брали читать и хранить нелегальную литературу. Конечно, трудно теперь вспомнить студентов и лиц, с которыми я имел знакомство или деловое общение.

В нашем кружке началась литературная работа, преимущественно переводы на русский язык книг марксистского направления. Переводились статьи из рабочей социал-демократической библиотеки, Энгельса «Анти-Дюринг», «Фейербах», «Происхождение семьи, собственности и государства», статьи Лафарга, Габриэля Девилля, Геда, Маркса «18 Брюмера», его же «Нищета философии», Каутского «Экономическое учение Маркса», «Эрфуртская программа», впервые нами переведенная на русский язык. Тяжесть редакционной работы ложилась главным образом на меня, как знающего экономическую и юридическую терминологию.

Некоторые переводные статьи из «Рабочей библиотеки» переделывались на русский лад, приспосабливались к русским рабочим путем заполнения данными из жизни русских фабрик и заводов.

Из-за границы нами выписывалась русская нелегальная литература через владельца книжного магазина в Петровских линиях Лидерта, который подкупал некоторых чиновников из Цензурного комитета, и так как цензор приходил в кабинет довольно поздно, то нелегальные книги чиновниками до просмотра цензора из ящика, присланного из-за границы, выкрадывались и передавались Лидерту, а тот передавал их нам.

Наш кружок впервые перевел с немецкого языка «Эрфуртскую программу». Эта книга так же, как и «Экономическое учение К. Маркса», популярно излагавшие «Капитал» Маркса, оказали на развитие марксистских идей в среде окружающих большое влияние, в особенности «Эрфуртская программа»; она показывала, как в недрах буржуазного общества развиваются отрицательные его силы и тенденции, как мелкая собственность в процессе производства побивается крупной, а крупная собственность отрицается развивающимся классом — пролетариатом; что пролетариат является той революционной силой, которая освободит все угнетенные классы от эксплоатации, низвергнет иго капи-

тализма, уничтожит все классы и создаст солидарное человечество, которое прекратит борьбу внутри себя и будет бороться только с внешней природой.

Формула К. Маркса «бытие определяет сознание», а не «сознание определяет бытие», для меня стала руководящей.

Марксизм, давший нам возможность научного понимания особых задач и интересов рабочего класса, помог нам притти к убеждению, что пролетариат в деле борьбы за политическую свободу должен всегда вести самостоятельную линию, если он в этой борьбе не хочет превратиться в пушечное мясо, заниматься вытаскиванием из огня каштанов для буржуазии, которая в процессе уже совершившихся политических революций постоянно использовала для разгрома абсолютизма силы рабочего класса, а затем обманывала последний, отвертывалась от него и отбирала от него всякую тень свободы.

Таких взглядов я держался, начиная с 1891 года, и высказывал их, между прочим, на нелегальных вечеринках, на сходках, которые происходили иногда на чердаке, освещенном огарком свечи, в то время как в комнатах, для отвода глаз, происходили танцы. На этих вечеринках я встречался со своими противниками — Черновым, Кусковой, Прокоповичем и др.

При пропаганде идей марксизма в отдельных кружковых собраниях, при спорах с товарищами, державшимися других, например, народнических взглядов, я легко справлялся с противниками. Так, однажды ко мне приходит В. А. Жданов и говорит: «Пожалуйста, приходите ко мне завтра, у меня собирается человек десять противников марксизма; вчера я с ними не мог справиться, они меня разбили».

Когда я на другой день явился к нему, среди собравшихся у него встретил Лосицкого и др. В этот вечер я применил такой метод спора с ними: брал их положения, а для опровержения брал статистические данные, например, из статей Скворцова, напечатанных в «Юридическом Вестнике», из которых было видно, что капитализм в России развивается, что в деревне происходит обезземеливание и пр. Противники волей-неволей оказывались припертыми к стенке. Подобным образом я старался опровергнуть все их положения. Я развивал их мысль до логического конца, диалектически распространял ее во времени и пространстве.

Я помню, как на другой день утром после этого спора явился ко мне Лосицкий и принес мне 50 руб. денег на марксистскую литературу, которую просил меня приобрести для него и его товарищей.

Нужно заметить, что в начале своей деятельности наш кружок, как и вообще марксисты, не имел никакой под-

держки в легальной прессе. Она вся находилась в руках противников марксистского миросозерцания, нас повсюду поливали, как помоями, различного рода инсинуациями. По поводу выставленного нами положения, что капитализм развивается и разовьется, Михайловский называл нас в своем журнале «Русское Богатство» «рыцарями первоначального накопления». В этом освещении людям, незнакомым с марксизмом, мы казались обладателями капитала, в личных интересах стремившимися развить капитализм.

Нас старались всевозможным образом высмеивать, умышленно приписывали нам свои ложные, фантастические и наивные посылки и с самодовольством дураков опровергали их, не замечая, что это их собственная глупость и фантазия.

Конечно, большое влияние оказала появившаяся в 1894 году книжка Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Несмотря на свою неортодоксальность в марксистском смысле, она давала большой материал для борьбы с народниками. В предисловии к этой книжке автор также жалуется на «невозможность найти для еретических мыслей автора журнальный приют».

На эту книжку со стороны народников, в том числе и со стороны Михайловского, также полились ушаты полемических помоев.

В 1895 году появилась книжка Бельтова-Плеханова, как ответ Михайловскому, Карееву и др., «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где жестоко были высмеяны Михайловский и др. с их суб'ективной социологией.

В дальнейшем вышла критическая книжка Волгина (Плеханова) под заглавием «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)», изд. 1896 г., разбившая все экономические коньки народничества (общину, кустарную промышленность и пр.), на которых (иначе говоря, на отсталых способах производства, на бедности) они строили благополучие России.

К нам, марксистам того времени, в частности к нашему кружку, пред'являлись прямо-таки невозможные требования: от нас требовали об'яснения всевозможных явлений общественной и чуть ли не частной жизни с точки зрения экономического материализма, беря их в статике, а не в динамике, что противоречило диалектическому методу, требовавшему подробного обследования, точного анализа (рождения, развития и гибели явления — процесса) общественных отношений и только после такого изучения позволявшему делать заключения.

На сходках и кружках, полемизируя с нашими противниками, мы раз'ясняли, как следует правильно подходить к об'яснению различных явлений, популярно об'ясняя, как можно все духовные надстройки свести к экономическому базису, развитию производительных сил страны и тому или другому соотношению классов и к их борьбе.

Однажды случился такой курьез: я вместе с Давыдовым был, кажется, в квартире Кусковой, где присутствовал кроме нее ее муж П. И. Кусков и Прокопович, тогда ярый народник. Я потребовал от Прокоповича изложения их программы, отступив от установившегося обыкновения, при котором они, народники, требовали об'яснения всех вопросов только от нас.

И вот Прокопович стал излагать программу: «Теперь, пока еще не развился капитализм, царизму не на кого опереться, за исключением помещиков; народники должны вырезать всех помещиков, отнять у них землю и разделить ее между крестьянами, царизм потеряет всякую точку опоры, а когда не будет помещиков, власть будет захвачена народниками, правительство будет, следовательно, находиться в их руках и проведет народнические теории в жизнь».

Эта наивная программа, где отсутствовали и анализ действительности, и соотношение классовых сил, пропитанная верой в первобытный способ производства, управляемый крестьянами, привела нас в столь веселое расположение духа, что мы все начали хохотать, а Давыдов до того дохохотался, что даже уронил на пол самовар, стоявший на краю стола.

Конечно, последующий рост идей марксизма и марксистского движения привел к тому, что от нас то-и-дело стали требовать марксистской литературы, при чем с этим требованием к нам стали обращаться из других городов.

В этот период перед нами стала вставать задача об об'единении с марксистскими кружками в других городах: к нам непрерывно приезжали из Орла, Петербурга, Риги, Киева, Харькова и др. городов; завязалась связь с заграницей. С пропагандой марксизма мы стали подходить и к рабочим массам, которые, конечно, к идеям марксизма являются наиболее восприимчивыми, чем массы непролетарские, например, интеллигенция, обслуживающая различные классы и их прослойки, получающая из этих различных источников свои доходы, а, следовательно, и идеологические посылки. На интеллигенцию идеологически влияют не только дворянство и слои крупной буржуазии, но и буржуазия мелкая в лице крестьян, мелких торговцев, ремесленников и т. д. В известной мере оказывает идеологическое влияние на интеллигенцию и пролетариат.

В это время, в 1894 г., у меня постоянно бывали: Калафати, Дурново, А. Н. и П. И. Винокуровы, Мартын Мандельштам и др. В свою очередь я часто бывал у Винокуровых, где жил также Чекеруль-Куш с женой. Нас тесно об'единяли идеи марксизма.

Наиболее близок я был с Винокуровыми, а также и с Мицкевичем до ареста его в 1894 году.

В это время моя квартира на Большой Молчановке, в доме № 8 Хомякова, популярная среди марксистских кружков, очевидно, подвергалась особому наблюдению со стороны Московского охранного отделения.

Однажды в ночное время меня вызвали на улицу под предлогом, что меня кто-то желает видеть. Когда я вышел на улицу, где против ворот горел фонарь, ко мне быстро подошла какая-то фигура, которая, рассмотрев меня при свете фонаря, притворилась мгновенно пьяной и, шатаясь, быстро удалилась.

За месяц до моего ареста ко мне в губернское земство, где я служил заведующим шоссейной дистанцией, явился неизвестный и стал проситься на должность шоссейного десятника, и когда я ему отказал в этой просьбе за неимением вакансии, проситель внезапно переменил разговор и спросил меня, не желаю ли я повести его наследственное дело в Тверском окружном суде. Я ему ответил, что я лично его дело вести не буду, но пошлю его к такому лицу, которое поведет его дело также добросовестно, как повел бы я сам, при этом я дал ему адрес присяжного поверенного Голубкова.

Оказалось, что неизвестный, когда явился к Голубкову, мало разговаривал о деле, а, посмотрев на фотографическую карточку, где была снята группа лиц: Голубков, Тесленко, Маклаков, П. Н. Малянтович и др., сказал: «В вашей организации есть шпион». На это Голубков ответил: «Никакой организации у нас нет, я никого не боюсь, хотя бы сам Бердяев (начальник охранного отделения) пришел производить обыск». Конечно, неизвестное лицо в конце-концов никакого ведения дела Голубкову не поручило и к нему более не являлось. Голубков же нелегальную литературу, которую я у него держал, направил в другое, более безопасное место.

Когда меня, в июне 1895 года, после обыска, продолжавшегося с 4-х до 10-ти часов утра, арестовали, и я взглянул в окно на двор, то случайно увидел злорадно улыбающегося того неизвестного, который приходил ко мне наниматься в десятники и который был послан мною к Голубкову.

В жандармском управлении мне пред'явили обвинение в принадлежности к тайному обществу, поставившему задачей ниспровержение существующего строя. При этом на мой

вопрос, какого я строя хочу, жандармский полковник Иванов и товарищ прокурора Лопухин, впоследствии директор департамента полиции, смутились и не знали, что мне сказать. Я им заметил: «Чего же я желаю: фаланстерий Фурье или федераций Лаврова?». Молчание. «Может быть, я желаю раздела земли?». Полковник Иванов ухватился за эту мысль: «Да, да». На это я возразил, что эта мера реакционная, у мелких собственников крестьян при существовании товарных отношений опять началась бы борьба за рынки, из-за цен на сельскохозяйственные продукты. Лица, находящиеся в более благоприятных отношениях к рынку, например, ближе живущие к железнодорожным станциям, обладающие более плодородной землей и пр., конечно, побивали бы своих соперников, поставленных в менее благоприятные условия к рынку, и таким образом последние обезземеливались бы, а первые сосредоточивали бы в своих руках земельную собственность, таким образом процесс сосредоточения земельной собственности в руках немногих опять повторился бы. Эта мера раздела земли между крестьянами означала бы поворот колеса истории назад, эта мера являлась бы реакционной.

Но вобще в своем освещении революционного движения и в частности начинающегося движения рабочего класса, в рассуждениях при допросах в жандармском управлении, я стремился умышленно придать этому движению об'ективный характер, независимый от воздействия той или иной кучки интеллигентов или революционеров, имея в виду, с одной стороны, умалить революционное значение привлеченных к дознанию, а, с другой, доказать неизбежность развития рабочего движения, которое должно сообразно с ростом промышленности и капитализма все более и более усиливаться. Свои мысли я иллюстрировал тем, что самое влияние лиц в истории диктуется об'ективными условиями. Иоанн Гусс, проповедывавший определенные идеи, был сожжен, а Лютер, проповедывавший те же идеи, возвеличен.

При всех наших обращениях к классу капиталистов с предложением отказаться от своих привелегий в производстве, от эксплоатации наемного труда, мы попадем в глухую стену. Точно так же и рабочий класс глух и враждебен к идеям и интересам капиталистов, но зато он сам по себе восприимчив ко всему живому, что диктуется его интересами, стремлением к свержению ига капитализма и проч.

В тюрьме я просидел 7 месяцев и был выпущен под залог в 3.000 руб., который внесла Ек. П. Пеньевская. Через некоторое время я переехал в Тулу.

Во время проживания в Туле я познакомился с Иваном Ивановичем Скворцовым (Степановым), который тогда де-

лал первые шаги в марксистском направлении, изучал марксистскую литературу. Я давал ему для прочтения «Рабочую библиотеку» на немецком языке, Блосса «Историю немецкой революции» и т. п. Вскоре он уехал из Тулы.

В Туле я пробыл месяца три, а затем вернулся вновь в Москву и остановился временно у Анны Егоровны Серебряковой, впоследствии оказавшейся провокаторшей. У нее прожил несколько недель, а затем поселился в комнате, в квартире на том же дворе, у какой-то помещицы. Но однажды, к моему удивлению, эта помещица совершенно немотивированно отказала мне от квартиры, после чего я переехал в комнату на Бронной в д. Гирша.

Вскоре ко мне туда пришла заслуживающая по внешнему виду доверия какя-то пожилая дама и заявила: «Я сестра уездного члена по Можайскому уезду, пришла вас предупредить: за вами усиленно следят; слежка бывает и конная и пешая, извозчик вас возил от Смоленского рынка, где вы раньше жили у помещицы, на вокзал за дешевую цену, вообще извозчики следят за вами по пятам, а когда вы жили у помещицы, то туда часто приходил переодетый помощник пристава, относительно вас обо всем расспрашивал и велел доносить, о чем вы говорите и кто у вас бывает. Иногда он, переодетый, стоял во дворе, наблюдая за вами и за приходящими к вам. Помещица испугалась, а потому и отказала вам от квартиры».

Я поблагодарил даму за предупреждение, она ушла. Но затем, во время студенческих беспорядков в конце 1896 г., мне пришлось с ней опять встретиться. Она пришла ко мне и заявила: «Ваши все арестованы, но библиотека в 1.000 нелегальных экземпляров цела вся, и вот я желала бы передать эту библиотеку вам или кому-нибудь другому по вашему указанию». Я не выдержал и заявил: «Сударыня, я вас во второй раз вижу, вас не знаю, прошу больше ко мне не являться, иначе я буду вас выгонять». Она ушла.

Когда моя адвокатская практика в Москве несколько наладилась, в апреле 1897 года пришел приговор из департамента полиции по нашему делу с Винокуровым, Мицкевичем, Март. Мандельштамом и др. Я приговорен был к высылке в какой-либо из провинциальных городов по моему избранию под гласный надзор полиции сроком на три года.

В первые дни пасхи ко мне на квартиру пришел околоточный надзиратель и заявил, чтобы я отправлялся в избранный мною город Тулу с ночным поездом, билет он приготовит и будет дожидаться на вокзале[1].

---

[1] А. И. Рязанов жил до своей смерти в марте 1931 г. в Туле, был членом ВКП(б). См. некролог о нем в «Каторге и ссылке» за 1931 г. № 6. — *С. М.*

А. И. Елизарова

Первое выступление Владимира Ильича Ленина в Москве

Осенью 1893 года семья наша переехала из Самары в Москву, где младший мой брат, Дмитрий Ильич Ульянов, поступил в университет на медицинский факультет. Владимир Ильич той же осенью приехал в Петербург, где записался помощником присяжного поверенного. Еще в Самаре (см. воспоминания М. И. Семенова в сборнике памяти Скляренко) Владимир Ильич писал рефераты с критикой народников—Михайловского, В. В. Южакова и Кривенко—и читал их в марксистском самарском кружке. Позднее он обработал эти тетрадки, сделал к ним новые добавления и примечания и решено было размножить их. За это взялся в Москве, летом 1894 г., инженер-технолог Ганшин вместе со своими двоюродными братьями Александром и Владимиром Масленниковыми, студентами Московского технического училища. Я видела эти статьи в письменном виде и читала тетрадки о Южакове, В. В. и Кривенко. Тетрадь о Михайловском как-то миновала моих рук, и я разыскала ее уже потом, когда она вращалась в студенческих, главным образом, кругах, перепечатанная на ремингтоне и размноженная на минеографе. Тетради эти носили общее заглавие: «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Тетради I, II и III читались нарасхват, одними с горячим одобрением, другими — со столь же ярым возмущением.

Наиболее живой и носящей общий характер критики идей народничества была, насколько я помню, I тетрадь — о Михайловском Критика Южакова (II тетрадь), Кривенко и Н. — она (III т.) изобиловала статистическими данными и потому пользовалась меньшей популярностью. Резкие нападки и характерные для Владимира Ильича словечки и насмешки попадались, правда, и тут, но особенно изобиловала ими тетрадь № 1. Всех многочисленных тогда сторонников Михайловского и часть неопределившейся, ищущей молодежи возмущала главным образом непочтительность тона. Помню, что когда я стала разыскивать среди московских знакомых интересующий меня реферат, я наткнулась на то затруднение, что в Москве вращался не один, а несколько анонимных рефератов против Михайловского.

— Который вам? — спросила меня некая Юрковская (жена тогдашнего студента, потом врача Бориса Андреевича Юрковского, в то время неопределенного народника, потом социал-демократа).

Затрудняясь определить точнее, я стала спрашивать ее мнение относительно прочитанных ею трех. Об одном она отозвались, как о наиболее интересном, но «выражения уж очень недопустимые».

— А например? — спросила я невинно.

— Да, например, «Михайловский сел в калошу».

— Вот, пожалуйста, этот мне достаньте, — заявила тогда я, прекратив дальнейшие расспросы, ибо решила для себя совершенно определенно, что это и есть тот, который я ищу.

Потом я смеялась с братом по поводу признака, по которому определила его работу.

На рождественские праздники 1893—94 года Владимир Ильич приезжал к нам в Москву. И тут имел место очень интересный диспут его с народниками. Вот что рассказывает о нем в своих рукописных воспоминаниях тов. Голубева-Яснева:

«Я хочу описать маленький эпизод богатой не только фактами, но и историческими событиями жизни Владимира Ильича, — это одно из первых его публичных выступлений на довольно большом по тому времени нелегальном собрании. Владимира Ильича я знаю давно; в 1890 г., когда я познакомилась с ним, он был совсем молодым человеком, изучавшим Маркса и вообще страшно много работавшим над собой; меня, помню, очень изумляла его необычайная работоспособность. Но уже и тогда, в молодые годы, это был вылитый из стали Владимир Ильич с готовым, продуманным, остроумным и метким ответом на устах.

Жили мы тогда в Самаре. Поволжье переживало голод (1891 г.), давший как бы толчок всему оппозиционно настроенному; преобладали, конечно, народнические течения, а у Владимира Ильича была уже своя определенная точка зрения, своя определенная линия поведения. Заходил ли вопрос о голоде, о помощи голодающим, об участии нас, революционеров, в общественных столовых, у Владимира Ильича на все был с в о й, выгодно отличавшийся своей определенностью и революционной (это мое тогдашнее определение) выдержанностью ответ.

Но вернусь к описываемому эпизоду. Было это зимой 1893—94 года. Я тогда была выслана под гласный надзор в Тверь. Но, пользуясь близостью, часто удирала и приезжала в Москву, где заводила порванные связи. Москва после голодного 1891—1892 г. несколько оживилась, появилось много разных кружков и организаций: народовольцы, на-

родоправцы, культурники и т. п. Пора проповеди маленьких дел еще не прошла. Я вела сношения по преимуществу с группой так называемых народовольцев, и вот в один из моих приездов в Москву один из этих народовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень, мол, «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения. «Так как вечеринка предполагает собрать по возможности всех идущих врознь, но бьющих вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного». Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу. В те времена я была еще выдержанной якобинкой, сравнительно редко видела за этот период Владимира Ильича, но то, что он говорил, так долбило мозг, что мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-либо другому, я и понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились» (М. Голубева).

Вечеринка эта имела место «в Гиршах» (дом Гирша, где-то на Бронных, кишевший тогда студентами). Квартира из трех, помнится, комнат была набита народом. Преобладало студенчество, но и интеллигентские кружки Москвы были сильно представлены. Помню там, между прочим, Муринова, квартира которого являлась тогда некоторым образом центром передовой интеллигенции того времени. У жены его был книжный склад и издательство, ставившее себе целью издание популярной литературы для народа.

Обставлялась эта вечеринка с той «конспирацией», которая была свойственна тогдашним собраниям такого полулегального типа. Решено было устроить ее «только для избранных», приглашения передавались шопотком, где-нибудь в углу. Так, у нас в квартире товарищем Голубевой был передан накануне адрес брату — Влад. Ильичу, а мы с мужем получили этот же адрес на другой день из другого источника *. Мы думали таким образом, что идем на разные вечеринки, но оказалось, что встретились в тех же гостеприимных «Гиршах», где «избранных» оказалось непротолченная труба. Конспирация была такова, что оказалось два входа в дом или две квартиры под одним номером, не помню точно, и многие тыкались сперва неправильно, а потом описательно добивались нужного. Если принять во внимание, что это были меблированные комнаты-квартиры для студенчества, в то время самого революционного элемента, и поэтому дежурный пост для всех шпиков, то надо признать, что менее

* От студента-народовольца Кибардина.

конспиративно устроить вечеринку вряд ли было возможно. Но как быть?! Более солидная публика была в то время слишком осторожна, чтобы давать свою квартиру под большие собрания. Неустрашимой являлась, как всегда и всюду, молодежь, ищущая путей, вырабатывающая свои взгляды и не останавливающаяся для этого, самого насущного для нее дела, ни перед чем.

Тов. Голубева говорит, что был прочитан какой-то реферат, за который она обругала устроителей вечеринки: «Стоило, мол, собирать так конспиративно публику, чтобы слушать доклады об аптечках и библиотечках!». Я реферата не помню, может быть, потому, что пришла с опозданием. Помню дебаты, принявшие скоро горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному, с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде «в красном углу», стал возражать Владимир Ильич.

Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно, если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него, как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался.

Марксистская часть молодежи торжествовала победу. Рассказывает об этом «разговорном собрании» и Чернов в своих «Записках социалиста-революционера», на стр. 182:

«Впервые знакомство (с народоправцами — А. Е.) состоялось на одном из «разговорных собраний», гостями которого были иногородние гости. Один из них, несколько

пасмурный и рыжебородый, был мне заочно хорошо известен по литературе: то был Вас. Павл. Воронцов (В. В.). На другого мне таинственно указал кто-то: «Обратите внимание вот на того, молодого, с лысинкой: это очень-очень интересный человек, он среди питерских марксистов большая шишка; его брат тоже был крупной величины, он повешен по народовольческому делу». Это был Владимир Ульянов (Ленин). Он показался мне очень невзрачным; его картавящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью» и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление. На него с большим азартом налетел В. П. Воронцов, приставая к нему, что называется, как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает право вам утверждать подобные вещи; пред'явите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай — он (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!». Этот способ аргументации на нас не производил впечатления: что всякое молодое направление не может сразу пред'явить фундаментальных трудов, было нам понятно, и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, казалось нам, злоупотребляет случайными выгодами такой несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызался» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно. Их стычка, впрочем, выродилась быстро в беспорядочный диалог; его пришлось прервать, так как он все более принимал личный характер и терял интерес для собравшихся».

Чернов говорит затем о выступлении «заики» Катаева, «путанной головы», по его определению, о том, что вытолкнули «поправлять дело» его, Чернова, о разговоре после заседания с Тютчевым, который одобрил его выступление и стал зазывать в народовольческую организацию. Одним словом, Виктор Чернов сосредоточивает, конечно, внимание на выступлениях народовольцев, в которых он не видит беспорядочности, и быстро утомляется возражениями соц.-дем., хотя и деловитыми. Для него центр интереса вечера состоял в выступлениях соц.-рев. и народовольцев и, понятно, им он посвящает наибольшее внимание. Мы же все — и тов. Голубева — ушли после окончания дебатов с В. В., как мне смутно припоминается, как раз во время путаной речи Катаева.

— С кем это я спорил? — спросил, по словам тов. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

— Да с В. В. (Воронцов, известный писатель-народник). Он страшно рассердился.

— Что же вы мне не сказали раньше? Если бы я знал, что это В. В., я б и спорить не стал, — сказал Владимир Ильич.

«Я поняла эти слова в том смысле, что он считал спор с В. В. бесполезным, — все равно, мол, его не переубедишь, — и потому стала оспаривать нецелесообразность такого спора и доказывать, какое большое значение он имел для слушателей. И действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет». (М. Голубева).

Я помню тоже, что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах.

В. Д. Бонч-Бруевич

Владимир Ильич в Москве в 1894 г.[1]

В 1894 г. в Москве уже велась довольно энергичная с.-д. работа. В то время связей среди рабочих было еще немного. пропаганда и агитация велись более всего среди студенчества и интеллигенции [2].

Надо знать, что название «социал-демократ» в то время было вовсе не почетное. Всюду и везде еще главенствовали народники, которые принимали все меры, чтобы не давать возможности новому теоретическому движению отрывать молодежь, еще находившуюся под обаянием народовольческих традиций. В то время как за границей народническая эмиграция, несмотря на явное разложение в ее рядах (достаточно вспомнить переход члена исполнительного комитета старых народовольцев Льва Тихомирова из рядов террористов в ряды монархистов), не только теоретически выступала против марксистов, об'единенных в группе «Освобождение труда», — эти эпигоны отживших свой век революционных движений принимали все меры, чтобы скомпрометировать марксистов той отдаленной эпохи (Г. В. Плеханов, Аксельрод, В. И. Засулич и др.). И без того трудная их эмигрантская жизнь еще более отравлялась этим нечестным отношением и возмутительной травлей. Правда, такие люди, как Г. В. Плеханов, с достоинством держали в то время знамя марксизма и на все выходки и личные выпады врагов отвечали нескрываемым и спокойным презрением, предпочитая одиночество обществу представителей разлагавшихся народнических организаций. Плеханов стоял в стороне от колонии политической эмиграции того времени и почти ни с кем не был знаком, почти никому не подавал руки, неизменно хорошо относясь только к тем, которые, как Степняк, в непосредственном бою с царизмом имели революционные заслуги. В России дурной тон отношения к нараставшему новому движению пролетарских масс был тоже в моде, и, по пословице «куда конь с копытом, туда и рак с клешней»,

---

[1] Этот очерк первый раз был напечатан в «Огоньке» в 1926 г., № 36.

[2] Рассказ здесь идет об январе 1894 г.; к середине 1894 г. положение в этом отношении изменилось: связей с рабочими у нашей организации было уже по тому времени довольно много.— *С. М.*

легальные народники, вроде В. П. Воронцова, Н. К. Михайловского, Кривенко и прочих им подобных, изо всех сил пыжились накинуть тень на нашу революционную социал-демократическую борьбу. Народники пробавлялись тем, что на всех углах и перекрестках литературной полемики того времени марксистов называли «марксятами», издевались и измывались над нами везде и всюду, не замечая, что царская цензура им вполне покровительствовала, охотно пропуская все, что они писали, и в то же время многое запрещая из того, что пробовали выпускать в свет марксисты.

Нам оставались лишь две возможности: печатать нелегально наши произведения, что было крайне затруднительно, и выступать с рефератами, собщениями, с полемикой на различных вечеринках, кружках и малочисленных заседаниях. На большие споры с народниками мы в то время не очень-то охотно шли, так как широко теоретически образованных марксистов было еще очень мало. Наши ряды были в то время наполнены молодежью, а там нередко появлялись такие мастодонты народничества, как Николай —он, «В. В.» (Воронцов), Постников, Михайловский, Иванюков, Кривенко, которые имели 30-летний стаж теоретической, ораторской и писательской работы.

Редко, редко заезжали к нам в Москву более старшие товарищи, старшие по годам и образованию, к которым принадлежали П. П. Румянцев, Давыдов и др. Но вот среди них и нас как-то вдруг появился Владимир Ильич. Он более всего бывал в Петербурге и иногда заезжал в Москву. Мы даже не знали его фамилии. Многие его никогда не видели, но все мы знали «синие тетрадки» — это замечательное произведение только что начинавшего свою литературно-политическую деятельность Владимира Ильича. Я говорю здесь о его работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» — ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов[1]. Многих эта работа поражала своей резкостью, но все чувствовали, что это именно то, что нужно. В наших рядах это было той тяжелой артиллерией, которой мы подкрепляли в своих выступлениях наши еще далеко необоснованные позиции.

Помимо этих тетрадок, мы все с трепетом следили за публично-конспиративными выступлениями наших теоретических бойцов, ибо эти выступления имели огромное значение в жизни молодой социал-демократии того времени. Приезжавшие из Петербурга товарищи рассказывали нам о целом ряде рефератов, действительно теоретических боях, которые давались, очевидно, группой Владимира Ильича на-

[1] Эта работа появилась в Москве только в ноябре 1894 г.— *С. М.*

родникам, и о громадном росте социал-демократов среди студенческой молодежи, особенно в недрах Технологического института. В Москве такие выступления были редки, и уже по одному этому они представляли собою действительно общественные события громадной важности. Все, что говорилось на них, конспектировалось счастливыми слушателями, которым удавалось быть там, и потом тотчас же докладывалось во всех марксистских кружках, которых в то время было уже довольно много, и таким образом новости теоретического знания, хотя бы в таком суррогатном виде, делались вскоре общеизвестными в нашей марксистской среде. Вновь окрыленные, мы шли в дальнейшую кропотливую ежедневную работу, более уверенные в себе и в нашем общем революционном деле.

Для историка социал-демократии в России очень важно будет знать эти конспиративные вечеринки, где выковывалось в горячих спорах наше теоретическое оружие. К сожалению, тогда, конечно, нечего было и думать составлять какие-либо заметки или вести дневники событий. После революционная работа не давала возможности уделять время на записи недавнего прошлого, и потому многое, очень ценное и очень важное, совершенно исчезло из воспоминаний современников, и те, уже далекие, времена приходится восстанавливать по случайным документам, постепенно разыскиваемым в разных архивах современными работниками.

Одним из таких документов начала девяностых годов является ныне публикуемое «совершенно секретное» отношение московского обер-полицеймейстера в департамент полиции. Там имеется дело И. А. Давыдова, социал-демократа, работавшего в 90-х годах XIX века. За Давыдовым департамент полиции вел тщательную слежку, так как он принадлежал к наиболее деятельным марксистам того времени. Именно в этом деле Давыдова и найдено донесение, где упоминается Владимир Ильич в связи с одним его выступлением в Москве на конспиративной вечеринке.

Московского
Обер-полицеймейстера

„Совершенно секретно"

Отделение по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве

20 января 1894 г.
№ 2826
г. Москва
По 3 делопроизводству

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Вследствие отношения от 18 прошлого декабря за № 7271, имею честь уведомить департамент полиции, что студент Юрьевского университета Иосиф Мордухов Давыдов за время проживания в Москве вращался исключительно среди лиц, политически неблагонадежных.

Кроме пассивного его участия на чисто студенческом вечере 12 сего января, агентуре известно, что он с увлечением дебатировал 9 числа этого месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской, по Воздвиженке. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель «В. В.» (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела.

19 сего января наблюдаемый выехал в С.-Петербург, о чем было телеграфировано полковнику Секеринскому, с тем, чтобы о результатах наблюдения им был поставлен в известность департамент полиции.

Исправляющий должность обер-полицеймейстера полковник Власовский.

Начальник отделения подполковник Бердяев.

Этим официальным документом устанавливается не только точная дата вечеринки (9 января 1894 г.), но и адрес ее, что дает нам возможность прежде всего вписать новый маленький штрих в биографию Владимира Ильича, а оставшимся в живых современникам восстановить картину воспоминаний об этой вечеринке, о присутствовавших на ней лицах. Четверых мы уже знаем; это — Владимир Ильич, И. А. Давыдов, Н. Е. Кушенский, В. П. Воронцов («В. В.») [1] и, может быть, пятой была сама Залесская, либеральная дама того времени, принимавшая участие во многих культурно-просветительных делах и предоставлявшая свою квартиру для студенческих вечеринок, рефератов и пр. Ее книжный магазин, помещавшийся в том же доме под названием «Школьное дело», производил большую работу по распространению хороших книг среди широких масс населения. Как она сама, так и ее сотрудницы принимали деятельное участие в воскресных школах для рабочих.

Москвичам социал-демократам эта вечеринка весьма памятна, так как на ней впервые был «побит» один из самых сильных противников социал-демократов — народник «В. В.». Он был хорошим полемистом, владевшим большой

[1] Об участниках на этой вечеринке см. также в ст. А. И. Елизаровой и М. Н. Лядова в этой книге; В. Чернов также называет еще ряд участников: Н. М. Катаева, Е. Яковлева, Н. С. Тючева (см. В. Чернов «Записки соц.-рев.». Берлин. Стр. 162—185); повидимому об этой же вечеринке (9 января 1894 г. в квартире Кушенского) пишет и Л. П. Меньшиков и называет еще одного участника этой вечеринки—А. Н. Максимова (см. Л. П. Меньщиков «Охрана и революция», т. I, стр. 200); что касается до адреса вечеринки, в доме ли Гирша на М. Бронной, как вспоминает А. И. Ульянова, или в д. Залесской на Воздвиженке, то следует, конечно, остановиться на последнем, так как осведомитель писал об этой вечеринке, вероятно, в тот же или, самое большее, на другой день после нее, а А. И. вспоминает о ней через 30 лет; точный адрес она могла, конечно, легко забыть. — *С. М.*

эрудицией, никогда не отказывался итти на вечеринки и всегда выступал, очень часто разбивая противника. И здесь впервые, когда Давыдов спасовал[1], Владимир Ильич выступил публично против «В. В.» и теоретически разбил его Это была огромная победа. О ней говорили все. Во всех наших кружках шло ликование. Фамилия нового теоретика почти никому не была известна, но имя «петербуржец» не сходило тогда с уст молодых социал-демократов. Его аргументация была огромна, четка и ясна, и мы после, когда появились «синие тетрадки», нашли в них многое из того, что говорилось в споре с «В. В.», и авторство этих тетрадок мы приписывали тому же «петербуржцу».

Так начинал свою изумительную научно-политическую деятельность тот, кому суждено было провести на протяжении всей своей жизни ту небывалую, негнущуюся партийную работу, которая осветила новым светом самые методы классовой борьбы и дала пример всему человечеству тех возможностей, тех достижений, которые таились в рабочем движении нашей страны.

[1] Давыдов, как видно из его воспоминаний, отрицает свое участие в этой вечеринке (см. стр. 151). — *С. М.*

И. А. Давыдов

Из воспоминаний о далеком прошлом[1]

В № 36 московского иллюстрированного журнала «Огонек» за 1926 г. напечатан очерк Влад. Бонч-Бруевича: «Владимир Ильич в Москве в 1894 г.».

Тов. Бонч-Бруевич, на основании агентурных сведений б. департамента полиции, рассказывает о нелегальном собрании, происходившем в Москве в 1894 г., на Воздвиженке, в доме Залесской, на котором, по тем же данным, И. А. Давыдов вел горячий спор с известным обоснователем народничества «В. В.» (Воронцовым). Давыдов, — повествует тот же источник, — «спасовал» в этом споре, и тогда выступил В. И. Ульянов, который удачно разбил доводы противника.

Так гласят департаментские сведения об этом эпизоде из истории социал-демократического движения в России.

Бонч-Бруевич прилагает к очерку и фотографический снимок этого «совершенно секретного» отношения московского обер-полицеймейстера полковника Власовского в департамент полиции.

Этот же документ т. П. Ф. Куделли опубликовала еще раньше в «Красной летописи» (№ 1/10 за 1924 г.).

Но агенты московской охранки что-то здесь напутали. С «В. В.» лично я никогда не сталкивался, а не знать того, что мой оппонент в том или ином случае мог быть именно «В. В.», я не мог. Просто потому, что «В. В.» был слишком крупной величиной, чтобы меня тотчас же не осведомили об этом товарищи.

Еще менее допустимо, чтобы я не знал, что одновременно со мной выступает на собрании т. В. И. Ульянов, с которым я лично познакомился лишь в 1900 г.

Ведь нас, социал-демократов, в те времена в Москве было очень мало. Ведь в те времена, когда устраивалась студенческая вечеринка, говорили: «социал-демократ будет», — социал-демократ в единственном числе.

Ведь на большой студенческой вечеринке в Москве в 1893 г., которую описал в своих «Записках социалиста-рево-

---

[1] Статья была напечатана первый раз в 1926 г. в «Красной летописи».

люционера» Виктор Чернов и которая явилась первым широким публичным доказательством социал-демократического символа веры, выступали, да и присутствовали, только два вполне оформившихся социал-демократа: И. А. Давыдов и А. И. Рязанов (не смешивать с Д. Б. Рязановым).

Замечу, между прочим, не в похвальбу себе, что в моих тогдашних публичных выступлениях не было такого случая, когда бы я «спасовал» перед народниками: защиту новых тогда социал-демократических идей наша небольшая московская группа вела умело и с успехом.

Я в то время уже не жил непрерывно в Москве: после вторичного исключения из Московского университета за вредное влияние на студенчество, как аттестовала мою работу охранка, мне было запрещено жительство в столицах и ряде других городов, я перекочевал в Лифляндию, в г. Дерпт (Юрьев). Но я часто наезжал в Москву и живал там подолгу[1].

[1] Сопоставляя воспоминание И. А. Давыдова со сведениями, которые дает о нем осведомитель, спрашивается, кто же из них прав? За И. А. Давыдовым во время его приезда в Москву следили по пятам, отмечали, где он бывал, где выступал и где вел себя пассивно. Записывалось все это непосредственно после событий. И опять мы можем сказать, что не забыл ли о некоторых встречах и событиях И. А. Давыдов за 32 года? Хотя категорически отрицать возможность ошибки осведомителя тоже нельзя.— *С. М.*

С. И. Муралова

Из прошлого [1]

В 1893 году я приехала в Москву и поступила на курсы. Ехала в Москву с определенным желанием учиться и работать среди рабочих. Москва и Петербург и тогда уже были центром промышленности, и у нас в провинции смутно знали, что в Москве существуют рабочие организации, и даже говорили, что рабочие накануне выступления против гнета капитала. Мои стремления были направлены к тому, чтобы нести в рабочую среду скудные знания, которые я приобрела в таганрогском кружке. Кружок этот состоял в большинстве из интеллигенции и занимался самообразованием. Собирались, читали политическую экономию, Иванюкова, Чупрова, Канта, Гегеля, говорили о Марксе, но почему-то Маркса не читали. Некоторые из этого кружка, как, например, Н. П. Перекрестов, вели пропаганду среди железнодорожных рабочих. Организовал и руководил этим кружком некто А. А. Кулаков, который носил кличку «Дед». «Дед» этот работал в кружке Малаксиановой [2], и когда полиция разгромила этот кружок, Малаксианову сослали на каторгу и забили плетьми, «Дед» уцелел. Спустя несколько лет, он организовал новый кружок из молодежи. Как я уже говорила, в этом кружке был и Перекрестов, который работал уже тогда среди рабочих и пользовался большой симпатией как у рабочих, так и у интеллигенции; он обладал большими организаторскими способностями и просто, ясно говорил. Вскоре же Перекрестов познакомил меня с работницами табачной фабрики, почти безграмотными, с которыми я и занималась: учила грамоте, читала книги, брошюры, говорила. Через 3 месяца моей работы под руководством Перекрестова у меня было семь работниц, из которых две у себя на фабрике пропагандировали и агитировали.

О таганрогском кружке не могу сказать определенно, был ли это партийный кружок и к какой партии принадлежал;

---

[1] Эта статья была напечатана в сборнике «На заре раб. движения в Москве». Гос. изд., 1919 г.— *С. М*

[2] Речь идет о Н. К. Сигиде, сосланной на каторгу по делу таганрогской типографии «Народной воли» 1885 г. Она отравилась в 1889 г. после наказания плетьми за пощечину, нанесенную ею начальнику тюрьмы. — *С. М.*

так как я тогда не могла разобраться, а шла и работала по чувству. Я верила, что рабочий класс — это класс, который приведет нас к социализму, а социализм представлялся мне туманным, неясным, но светлым и радостным.

С такими стремлениями, без всякой теоретической подготовки приехала я в Москву с определенной целью учиться и работать среди рабочих. В Москве на первой же лекции я встретилась с Пелагеей Ивановной Винокуровой и Анфисой Ивановной Смирновой, впоследствии носившей кличку «тетенька». С первой же встречи я нашла в них своих товарищей и поняла, что П. И. Винокурова стоит близко к работе. Винокурова, прежде чем ввести в свой кружок, засыпала меня книгами. Я начала усиленно заниматься, прочитала Каутского, «Капитал» Маркса и т. д. и почувствовала под ногами твердую почву.

Маркс дал мне то, чего не дали все те книги, над которыми я так много работала, а, главное, я теперь уже знала ясно, куда я иду и чего я хочу. Только тогда П. И. Винокурова ввела меня в круг практической деятельности. Познакомила меня с А. Н. Винокуровым, С. И. Мицкевичем, Мартыном Мандельштамом и другими. Все эти товарищи работали среди рабочих, вели устную пропаганду, распространяли нелегальную литературу, издавали листки, которые среди рабочих имели громадный успех.

Среди же женщин-работниц никакой работы не велось, и часто жены и сестры шли против своих распропагандированных мужей или братьев.

Но как попасть в среду работниц?

После многих толкований решено было итти в воскресные школы учительницами, ученицами, словом, как каждый найдет для себя удобным. Я случайно была знакома с директором 7-й гимназии Херсонским, очень либеральным человеком, который заведывал воскресной школой где-то, кажется, у Рогожской заставы. После долгих разговоров с ним, он наконец согласился устроить меня учительницей впредь до утверждения благонадежности.

С первого же урока я познакомилась с тремя фабричными девушками, безграмотными, но любознательными, умными и довольно способными. Работа шла успешно. Каждое слово, каждая фраза раз'ясняла им их тяжелые и подчас невыносимые условия работы: получали гроши, работали по 16—18 часов в сутки и при самой унизительной для человеческого достоинства обстановке.

Так, например, чтобы попасть на фабрику, нужно было понравиться главному мастеру, который обыкновенно цинично их унижал, оскорблял, а затем часто через некоторое время выбрасывал с фабрики.

Работа кипела, не вызывая со стороны жандармов и охранки никаких подозрений. Образовался рабочий союз, куда все же женщины не могли войти вследствие своей неподготовленности. Союз состоял из вполне сознательных рабочих, которые уже работали сами среди своих товарищей. К женщинам-работницам в то время многие рабочие-мужчины относились свысока, поэтому среди женщин работу приходилось ставить отдельно.

Так шло до декабря 1894 года, когда произошел разгром интеллигенции. Меня и «тетеньку» как-то не зацепили. Таскали нас по охранкам, жандармам, делали обыски, следили, и в силу этого пришлось на время прекратить активную деятельность. Вместо прежнего кружка образовался новый, куда вошли Кирпичников, братья Масленниковы, Давыдов, Рязанов, Никифоров, Мокроусова и другие. Листки и нелегальная литература были в большом количестве и часто сохранялись у Е. М. Пеньевской, где одно время жила «тетенька». В это время решено было организовать первое мая. Настроение рабочих и всех было повышенное, воодушевленное: все готовились к большому событию, устраивали собрания, и наконец настал желанный день.

Впервые в 1895 году в Москве рабочие отпраздновали 1 мая. За Сокольниками, в роще собралось тысячи три-четыре, где выступали с речами не только интеллигенты, но и сами рабочие[1]. Пропаганда велась в это время в широких размерах. Параллельно организовалась небольшая ячейка, человек 30—50, женщин-работниц и повела самостоятельную пропаганду.

Летом, в июле, снова—разгром интеллигентского кружка. Были арестованы и братья Масленниковы с типографским станком, а в августе и рабочий кружок руководителей. Но, конечно, движение не было задушено, организация и пропаганда продолжались. Менялись товарищи, менялась тактика, а движение невозможно было остановить душителям.

Что было дальше в Москве, я плохо была осведомлена, так как была выслана под гласный надзор полиции, и только в 1905 году получила возможность свободного передвижения[2].

[1] С. И. Муралова на этой маевке сама не была и о месте маевки и о числе участников вспоминает по слухам. — *С. М.*

[2] С. И. Муралова умерла осенью 1931 г. старой большевичкой.— *С. М.*

Е. И. Немчинов

Воспоминания старого рабочего

Начиная писать свои воспоминания, я нахожу, что самым лучшим воспоминанием был бы дневник, так как дневник дает не только факты, но и то понимание фактов, какое они имели при их возникновении. Но в условиях революционной работы дневников не пишут. Поэтому приходится писать по памяти. Конечно, я буду стараться вспоминать и описывать сцепления между фактами в такой форме, как я их тогда понимал, а не под тем углом зрения, какой имею сейчас.

Родился я в 1865 году, в Смоленской губ., в селе Жданове. Родители мои были мещане гор. Мосальска, Калужской губ. В 12 лет, благодаря домашней выучке, я научился писать, читать и считать, и благодаря этим талантам был отдан родителями в кабак в дер. Чумазово, Калужской губ., в помощь кабатчику. Это было во время турецкой войны в 1877 г. В кабаке всего можно было наслышаться, так что понимать пришлось много такого, чего не понимали мои сверстники. Турецкой войной сильно интересовались крестьяне, внимательно слушали газету. Властям сельским и даже кабатчику от начальства был приказ развлекать народ: в праздники делать карусели, качели, устраивать хороводы, — и власти старались. Что бы где ни происходило, кабаку было известно раньше всех, он все знал, то от ямщиков, развозящих начальство, то от проезжих.

Прожив в кабаке 8 месяцев, я задумал уйти, жизнь в нем стала надоедать, я захотел хоть немного еще подучиться. Родители мои в это время жили в селе Милятине, Калужской губ. В земское училище этого села я и поступил 7 декабря 1878 г. Пробыв в школе 5 месяцев, я 4 мая 1879 г. сдал экзамен первым учеником. Осенью 1879 г. по желанию родителей поступил в Климов-завод *, Смоленской губернии, буфетчиком и прислужником в трактире, но жизнь в трактире сильно не нравилась мне (мало приходилось спать), так как трактир и постоялый двор были вместе и торговали, можно сказать, день и ночь. Прожив 5 месяцев, я ушел и 2 года, по сентябрь месяц 1881 года, работал по лесному размежеванию имения Юсупова, работал в артели под руко-

---

* Климов-завод — наименование местности.

водством землемера. Первый толчок моей политической мысли дала смерть Александра II. 1-е марта 1881 года крестьян сильно волновало, — им все дело представлялось так: когда-то царица Екатерина распутная раздарила вольных крестьян своим любовникам и любимцам, так крестьяне и работали на дворян-помещиков до тех пор, пока добрый царь не дал волю крестьянам; вот за то, что царь отнял крестьян от дворян, дворяне его и убили. Но в церкви попы говорили проповеди, об'ясняя, что царя убили не дворяне, а евреи и социалисты, но за что, как и почему, об'ясняли так туманно, что никто ничего не мог понять. Так большинство и осталось при своем убеждении.

Осенью того же 1881 года в сентябре я был в Москве. Приехал поступить в ученье, учиться какому-либо мастерству, и целый месяц не мог поступить куда-либо в ученье. Хозяева не брали: «Не станешь, говорят, жить — ты уже большой (мне было 16 лет); лет 12-ти — вот нам самый подходящий ученик». Наконец я поступил слесарем-учеником к немцу на 3 года 8 месяцев—своя одежда и обувь, хозяйские стол и квартира *.

Мастерская находилась в доме Шаблыкина, угол Тверской и Газетного пер., место бойкое, центр города. Порядки и работа в мастерской воистину были каторжные. В мастерской работало 16 человек мастеров и 19 мальчиков. Спальня была для всех общая, внизу были общие полати-помост, и мастера спали на них вповалку, рядышком все 16 человек. Между полатями и стеною аршинный проход, над полатями нижними были верхние полати для учеников, которые спали тоже вповалку. Все кишело паразитами — вшами и клопами. Рабочий день наш был с 6 утра до 8 час. вечера с перерывом в 1 час на обед, ½ часа на утренний чай — мальчикам 1 кружка чая, ½ куска сахару и черного хлеба ломоть; вечером, в 5-м часу, полудничали: давали по ломтю хлеба; на этот перерыв полагалось полчаса. Обед и ужин состояли из картофельного супа с мясом и каши с салом или щей с мясом и картофеля с салом, но все наедались досыта. Работа была тяжелая, и, проработав 12 часов, а чаще всего 12½ часов (так как хозяин старался всегда подвести часы), мы спешили лечь спать, потому что для сна оставалось не более 6—7 часов. Вследствие усталости мы так крепко засыпали, что клопы и вши могли нас живыми с'есть — не услышим. И так было не у одного нашего хозяина, но у всех, а у многих и хуже.

---

* Ученику по окончании учения полагалось от хозяина 25 руб. наградных.

Учеников в ученье хозяин брал на 5—6 лет, давая им стол и помещение и 1 раз в две недели баню. Много учеников было из Воспитательного дома, безродных. Эти жили на всем хозяйском, но жили в ученье по 6 лет. Мастера получали плату от 7 до 14 руб. в месяц, готовый стол и помещение для самого работника, но квартир семейным не было. До чего мы были дики нравом, приведу один памятный мне случай: на пасхе в 1882 году ученики нашей и прочих разных мастерских вздумали сделать кулачные бои-стенку; в какие-нибудь полчаса столько сбежалось рабочих, наступавших друг на друга с противоположных тротуаров, затем смешавшихся и усердно тузивших друг друга, что загородили Долгоруковский переулок и Тверскую улицу и приостановили движение. Для восстановления порядка понадобились большие наряды полиции; к толпе вышел даже поп с крестом. Целую неделю потом полиция с врачом искала зачинщиков, осматривала синяки и ушибы. Но полиция проявила такое рвение только потому, что эта потасовка произошла в центре города; на окраинах же дрались свободно.

Осенью 1882 года хозяин наш перевел мастерскую в свой дом, на Житную улицу у Калужских ворот. Здесь условия жизни для рабочих стали лучше: в спальнях были сделаны койки-нары, одна нара на 2-х человек, перегороженные посредине доской; проходы спальни были просторные. Вместо полудничанья с ломтем хлеба был введен чай, рабочее время осталось прежним. Вот здесь мне впервые в 1883 г. пришлось прочесть две революционные книжки: «Речь Петра Алексеева» и «Кто чем живет» Дикштейна, а также познакомиться с Ильяшевичем, который работал слесарем недолгое время в нашей мастерской. Вскоре после поступления в нашу мастерскую Ильяшевич зашел ко мне в конторку. Здесь нужно сказать, что хозяин, пользуясь моею грамотностью, кроме работы в мастерской, навалил на меня конторскую работу: подсчет зарплаты, составление сметы по производству заказов, прописка паспортов и проч., пользуясь тем, что я в качестве ученика должен был производить эту работу бесплатно. Зашедший в конторку Ильяшевич говорит мне: «Я не надеюсь работать у вас долго, поэтому у меня просьба не прописывать мой паспорт». Нужно сказать, что с паспортами была тогда большая строгость. Поэтому я посмотрел на него и говорю: «Только для вас это сделаю». «Почему так?» — спрашивает он. Я ответил: «Мне понравились ваши книги». А книги ко мне попали так: Ильяшевич дал на спальню рабочим читать книги, а те, прочитав их, передали мне. Я видел, что Ильяшевичу было неприятно, что книги попали ко мне; он думал, раз я веду счетоводную часть хозяина, то сторонник его интересов; но я успокоил

его относительно себя и указал, что нужно опасаться спальни. Ильяшевич доверился мне и несколько дней занимался со мной по вечерам разбором прочитанной книги, но кто-то из спальни донес хозяину о прочитанных в спальне книжках и о том, кто их давал. Тотчас же призывает меня хозяин и спрашивает: «Ильяшевич у нас прописан?». «Да, — говорю, — послал прописать в участок, паспорт обратно не принесен». «Задержи его паспорт, скажи, что в участке, если он его будет спрашивать», — говорит хозяин. Я тотчас же передал эти слова и паспорт Ильяшевичу, он пошел требовать расчет, так как сильно нуждался в деньгах. Только он успел уйти, явилась полиция на пустой след. Принялись за меня, почему я паспорт отдал, а я отрекся от предупреждения хозяина не отдавать паспорт, твердо стоял на том, что паспорта отдаю всем, кто получил расчет, и указал на соответствующий параграф книжки. Не знаю, какой суммой денег откупился хозяин от полиции, но на меня злился он долго.

Знание от прочитанных книг и бесед у меня осталось смутное и у товарищей не больше того. Мы были слабы знанием. Метод борьбы народников нам казался неясным, а к чему стремятся — цель нам казалась очень далекой. Не была разработана у них и система повседневной будничной борьбы, которая вела бы к цели, и поэтому понемногу искра света гасла и тускнела, оставаясь только воспоминанием.

В 1884—1885 гг. рабочие с интересом читали бесконечный разбойничий роман о похождении разбойника Чуркина, который печатался в «Московском Листке». О забастовке на Морозовских фабриках мы знали только по слухам, в газетах о ней писали мало. В 1886 г. я призывался на военную службу, но остался по льготе. Ездил призываться на родину и, возвратившись через месяц в Москву, поступил работать в другую мастерскую — слесарное заведение Куприянова, на 4-й Ямской. Здесь распорядки были даже хуже той мастерской, где я работал раньше, и постановка производства была хуже. Рабочих работало около 40 человек. Спальни были очень скверные, рабочие жили землячествами, преобладали можайские и тульские, народ совсем темный, деревенский. Прожив в этой мастерской 7 месяцев, я перешел 4 мая 1887 года работать в Брестские жел.-дор. мастерские, в токарный отдел. При переходе на квартиру случай свел меня с членами кружка народников: Нуждиным Григорием Макаровичем и Михаилом Зыченко; через них я познакомился с Лазаревым Николаем Артемьевичем, Федоровым и Семеновым. Лазарев был писатель мелких рассказов под псевдонимом Николай Темный. Я могу сказать, что кружок занимался больше самообразованием, чем распространением социалистических идей. Здесь мне пришлось прочесть Успен-

ского, Златовратского и некоторые популярные книги, из'ятые из обращения. Работа в железнодорожных мастерских по сравнению с работой в мелких слесарных предприятиях имела большие преимущества: 10-часовой рабочий день, отпуск на пасху — неделя, а на святки — 2 недели, аккуратная уплата заработка. Недоразумения с администрацией были редко, а когда происходили, то более всего на почве сдельных расценок и выражались в такой форме: рабочие паровозоремонтного цеха и токарной выходили на канаву против цеховой конторы или, минуя цеховую контору, шли к конторе правления, к управляющему мастерских Ярковскому, перед дверью которого собирались все рабочие. Выходил управляющий, выступали вперед те, которые считали свою бригаду наиболее обиженной расценками. Но бывали случаи, когда рабочие заминались: не было охотников выходить для переговоров с управляющим. Тогда выходил кто-либо из группы народников — Нуждин или Лазарев. Обыкновенно об'яснения кончались заверением управляющего пересмотреть расценки. В результате прибавлялись гроши, но не прибавка была ценна, а ценна организованность общего требования, это-то понимали все рабочие.

Летом 1892 года были арестованы на своих квартирах наши вновь поступившие мастера, два молодых инженера. Они жили у нас недолго, но были симпатичны рабочим, фамилию одного я помню, это был Бруснев[1]. После этого ареста группа народников, зная симпатии рабочих к арестованным, задумала сделать денежный сбор в пользу их семейств и их самих. Произвести этот сбор поручили мне; подробности сбора таковы: когда производилась нам уплата заработка, то всегда собирали на масло к иконам, на иконы, иногда на помощь больным товарищам; сборы на последнюю цель строго воспрещались, но по временам все же производились. Когда в ближайшую получку я приступил к сбору в пользу арестованных, ко мне подошли железнодорожные жандармы (стало быть, сыщики успели донести). Я растерялся, не знал, что делать. Но кто-то из товарищей меня выручил: быстро взял у меня из рук сборное блюдо, всунул мне в руки блюдо, в которое обычно собирали на масло. В этот момент ко мне вплотную подступили жандармы и проводники их. Стали спрашивать, на какой предмет я произвожу сбор. Я ответил: «На масло». Окружающие поддержали. Потребовали администрацию цеха. Помощник мастера Елисеева тоже подтвердил. Тем и закончился этот инцидент.

---

[1] Мих. Ив. Бруснев служил на Брестской жел. дор. и арестован в апреле 1892 г.— *С. М.*

Весною 1893 года я возвратился из своей поездки на родину женатым человеком; приехал вместе с женой. В ноябре-декабре того же года ко мне в мастерской подошел знакомый мне Прокофьев Сергей Иванович и говорит мне: «Не пожелаешь ли вступить в наш кружок?». — «Что в нем делать?» — спросил я. — «Займемся самообразованием, изучением рабочего вопроса, в этом нам помогут интеллигенты, — приходи». Я обещал. Вечером того же дня я был у Прокофьева на квартире, нас собралось четверо: сам Прокофьев, Александр Баранцевич, Николай Антонович Миролюбов и я. С одним только Миролюбовым я не был знаком, он был с завода Грачева, находившегося на Пресне. Баранцевича я знал хорошо еще до совместной работы в железнодорожных мастерских, так как мы с ним жили в ученье у одного и того же хозяина и в одно время. Завязался между нами разговор, мы горячо стали обмениваться своими мнениями и взглядами на наше рабочее положение, на возможности его изменения к лучшему, на тяжелую и опасную работу, которая предстоит на этом пути. Но мы все были молоды, стоявшая же перед нами цель толкала всю нашу волю к действию. За этими разговорами время до прихода нашего руководителя прошло незаметно. Это был еще молодой человек лет 24-х, среднего роста, с легко-пробивающейся бородкой и серыми искрившимися глазами — это был Мицкевич Сергей Иванович. Он просил нас не прерывать нашу беседу, потому что хотел послушать, о чем мы говорим. Поговорив немного, мы приступили к делу. Мицкевич начал излагать нам экономические обоснования нашей заработной платы, прибавочной стоимости, прибыли работодателя и причины их падения и под'ема. Лектор читал по рукописи, но многое передавал и своими словами; после лекции происходил обмен мнениями. Я думаю теперь, что мы были не плохими учениками; многие из высказанных лектором мыслей бродили в наших головах, но не могли оформиться в стройную последовательную систему.

Из членов кружка, продолжавшего и дальше собираться, только мне было 28 лет, остальным товарищам не свыше 25 лет. Продолжая занятия в нашем кружке, мы организовали кружки из других товарищей-рабочих своих жел.-дор. мастерских. Сама по себе установилась такая форма наших действий: Прокофьев, будучи помощником машиниста, поддерживал связи, доставлял литературу, вел пропаганду по службе движения, а в свободное время раздавал литературу знакомым рабочим в мастерских. Миролюбов вел работу, где работал, на заводе Грачева (Расторгуевский пер., по Малой Пресне) и по другим заведениям этого переулка.

Я и Баранцевич работали в мастерских, вели пропаганду, раздавали литературу, подбирали товарищей в кружки. Эти товарищи собирались для занятий на квартиру ко мне или к слесарю Рогову Сергею Ивановичу. Работал он в бригаде Кукушкина в паровозо-ремонтной мастерской; впоследствии я слышал, что поездом ему отрезало ногу. Товарищи сравнительно охотно шли в кружки, но очень трудно было достать помещение: все боялись рисковать предоставлением квартиры. Сформировав кружок, приступаешь к его подготовке. Скажу по поводу подготовки несколько слов. Подобрать товарищей на большое количество кружков с такой подготовкой, какую имели члены нашего первого кружка (это не хвастовство), совершенно было невозможно, даже более того, я прямо утверждаю, что рабочие того времени в своей массе не понимали интеллигентского языка, и только благодаря кадру, так сказать, переводчиков из среды полуинтеллигентных рабочих могла наладиться работа. Итак, приступая к обработке кружка, принимаешь в расчет религиозность его членов, его идолопоклонство перед царем и, самое главное, самоунижение, пришибленность духа перед сильными и богатыми. Принимаешь в расчет мастерскую, заработок и все мелкие недочеты мастерской. Вот с этих недочетов и начинаешь; они всегда чувствительнее, потому что напоминают о себе каждый день. Указываешь на скидку сдельных расценок на все работы, сделанную только потому, что рабочие постарались при сдельной работе и заработали вдвое более своей поденной ставки. Указываешь, как на выход из этого, требовать повысить поденную ставку; говоришь, что для этого нам нужно соединиться, действовать сообща, как по команде; что мы требуем только своего, так как все сделано нашими руками. И если даже мы все сумеем взять в свои руки, в этом греха нет, так как христиане вначале, когда жили по-христиански, имели общее имущество, работали сообща и ни в чем не нуждались. А еще, — говорил я, — управляют нами неправильно, потому что в евангелии (для большего доказательства я и евангелие с собой носил) сказано: «у язычников цари царствуют, вельможи вельможествуют, между вами да не будет так, но кто хочет господствовать, пусть будет слугою всем». Но разве о нас заботятся царь, вельможи, все богачи? Нет, а раз нет, то и нам незачем работать на них, а давайте учиться, как скорее и лучше стряхнуть их и перейти к подобию христианского общества первых веков. И приступаешь к чтению и изложению экономики. Таков был мой подход к рабочим, первичный, так сказать, агитационного порядка. Затем к этим рабочим приходил С. И. Мицкевич. Он занимался с ними часа три (политэкономией), а потом

выяснял наши мнения по поводу прочитанного и поздним вечером уходил. Раз Мицкевич, видя мою безудержность в деле организации новых кружков, говорит мне: «Нужно повнимательнее присматриваться, а то мы влопаться можем скоро, и мало произведем работы». И правда, не так долго ему пришлось работать. В декабре 1894 года он был арестован и, пробыв в тюрьме около 3 лет, был выслан в Якутскую область на 5 лет.

Кроме Мицкевича, я вместе с Миролюбовым поддерживал связь с нашей штаб-квартирой на Немецкой улице. Квартиру эту снимал Бойе Константин Федорович, токарь завода Вейхельдта [1].

Здесь из интеллигентов мне пришлось встречаться с Винокуровым и еще одним, по имени Илья [2], остальные—рабочие: Константин и Федор Бойе, сестра их Мария, писатель стихов ткач Поляков, Лавров и многие другие, фамилий которых не помню.

Потом обязанность держать связь взял на себя Миролюбов. Однажды Миролюбов принес мне спрятать типографский шрифт. Разобрали типографию по частям и решили спрятать. Если одни части найдут, другие останутся. Прятать помогал распропагандированный мною квартирный хозяин П. С. Гриневич. Потом через некоторое время шрифт Миролюбов взял обратно.

1 мая 1895 года мы в первый раз собрались встречать свой первый май. Это было по Северной ж. д., на берегу Яузы, если ехать из Москвы по железной дороге, то на правой стороне, на правом берегу, на расстоянии ¼ версты от линии моста.

Праздновать собрались рабочие из разных заводов. Я нарочно сосчитал, сколько нас всех, и насчитал 13 человек: были два брата Бойе, Карпузи, Лавров от Бромлея, Миролюбов, Гриневич и другие. Это были, конечно, только представители заводов [3].

После ареста Мицкевича, так месяцев через 8, был арестован в августа 1895 года Прокофьев. Он приходит ко мне в мастерскую и говорит мне: «Прощай, я зашел к тебе прямо с паровоза, хочу проститься; меня ищет полиция, мне это сказали. Прячь литературу, могут приняться

---

[1] Квартиру эту на Немецкой ул., ныне Бауманской, д. 23, Труфанова, снимал сначала М. П. Петров, потом передал ее бр. Бойе. — *С. М.*

[2] «Илья» — повидимому, Е. И. Спонти.— *С. М.*

[3] Это было, повидимому, второе собрание после большого собрания 30 апреля, так как, по воспоминаниям Прокофьева, рабочие Брестских мастерских и некоторых других заводов не пошли на большое собрание 30 апреля, считая это неконспиративным.— *С. М*

и за тебя». Я относительно литературы его успокоил: «Не бойся, — говорю, — я всегда на-чеку. Литературу не найдут, если даже меня и арестуют; в случае же моего ареста, жена знает, где хранится литература и передаст своим». И мы распрощались. Он пошел арестовываться, а я остался работать. Пробыл Прокофьев в тюрьме месяцев 7, и ему дали высылку, по его выбору, в Екатеринодар, Кубанской области.

Вскоре же я узнал, что кроме Прокофьева арестован почти целиком наш штаб на Немецкой улице. Миролюбов уцелел и вскоре перешел с завода Грачева работать в мастерскую тюрьмы в Каменщиках. После ареста нашего штаба и интеллигентов наши кружки стали колебаться, стало мало литературы. Видя упадок дела и недостаток литературы, которую требовали товарищи из кружков, я решился переписывать литературу сам, гектографическим способом; для этого сделал два противня и, сделав состав из глицерина и желатина, переводил на него писанный мною острым почерком оригинал, а затем с гектографа снимал копии[2]. Работа была трудная, времени у меня было мало, но дело пошло, потом даже очень наладилось. Даже на злобу дня стал листовки писать и распространять свои писания, а также и печатную литературу. Особенно усердно помогали мне в деле распространения листков Макурин Василий Васильевич из вагонной сборки и Комляш из токарной мастерской. Раз с нашими листовками получился такой казус: Макурин взял у меня сотню гектографированных листовок, но, заметив, как ему показалось, что за ним следят, передал товарищу спрятать. Дело было в мастерских. Товарищ спрятал листовки на крыше клозета в трубе. В тот же день нужно было сделать ремонт крыши и трубы клозета, чего прятавший не знал. Ремонт же делали экстренно в обед. Рабочие вагонной мастерской, идущие с работы на обед, вдруг были осыпаны откуда-то сверху целым дождем листовок: это производящие ремонт трубы клозета, сами того не замечая, вытряхнули их из трубы. После обеда пошла усиленная работа сыщиков и жандармов, но виновных так и не нашли.

После указанных арестов связи с центрами прервались, стали случайными. Приходилось нам самим усиленно гектографировать листовки и брошюры. Мои занятия этой работой сильно беспокоили мою больную жену (она была больна чахоткой), и ее болезнь отзывалась на моей работе. Иной раз нападала апатия, чувствовал себя совсем безвольным и

---

[2] К сожалению, пока не удалось найти в архивах листовок, написанных Е. И. Немчиновым.— *С. М.*

бессильным, но воспоминания о товарищах, выбитых из строя, страдающих в тюрьмах и ссылках, заряжали новой энергией. Противопоставляешь себя им, вспоминаешь, что ты свободен и окружен рабочими, можешь работать. Заряжаешься этими мыслями и вновь воскресает воля к действию.

В это время, к концу 1895 года, поступил работать в наши мастерские слесарь из Курских жел.-дор. мастерских тов. Балагуров-Медведев Михаил Никитич. Это был хороший товарищ. Мы дружески с ним сошлись, и дело пропаганды пошло успешнее, тем более, что скоро мы установили постоянные связи с интеллигентами.

Раз я прихожу с работы на квартиру, меня ожидает молодой человек лет 22-х, прямо приступает к делу и говорит, что ему поручено отыскать меня. Три дня искал и насилу нашел. Предлагает, чтобы я пришел во вновь образовавшийся центр. Отвечать согласием и доверием человеку, которого первый раз видишь, это нелегкая вещь, хотя сноровка распознавать выработалась порядочная. Смотрю ему в глаза и вижу что-то знакомое, спрашиваю фамилию — Игнатиус. Вспоминаю, а из дальнейшего разговора с точностью выясняю, что он близкий родственник моему товарищу, с которым я вместе учился мастерству. Выразив согласие явиться, я на другой день, в воскресенье был по адресу на Живодерке у Колокольникова Павла (в то время он назывался Николаем). Как только я пришел к нему, он выразил свое удовольствие, что установлена связь с крупным заводом, попросил побыть одному, пока сходит за товарищем, живущим рядом. Вскоре пришел с товарищем, который назвался Борисом Алексеевым[1]. Этот товарищ впоследствии много раз был у меня. Товарищ Алексеев умел сорганизовать наши разбросанные кружки и установить между ними тесную связь. Настойчиво, во-время и в достаточном количестве он доставлял нам литературу. У него были хорошие организаторские способности, которые стояли на много выше его пропагандистских и агитаторских талантов. Мне он говорил, что он ученик Комиссаровского училища, выбывший из 5-го класса.

Рабочее движение стало принимать в это время новую форму, по моему мнению (мнению практика), самую устойчивую и опасную для правительства форму. *Стало вырабатываться общее массовое рабочее настроение*, иначе говоря, организовываться общественное мнение рабочих, что при сравнительно достаточном количе-

---

[1] Борис Алексеевич Кварцев, участник кружка П. Н. Колокольникова.—*С. М.*

стве литературы делало из каждого завода школу социализма. Особенно это было ярко заметно в 1895 и 1896 гг., так как собираться мы стали не кружками, а целыми сотнями на пустырях, где-либо поблизости мастерских. Но и сыщики не дремали: стала заметна усиленная слежка. Жена моя, более недоверчивая, чем я, стала замечать за квартирным хозяином, что у него бывают люди, не похожие на его обычных заказчиков (хозяин был сапожник), и ведут с ним какие-то переговоры. Я был более доверчив к людям, и доверие мое было сознательное. Я держался торгового правила, которое слышал многократно от своего хозяина, когда жил в кабаке: «Не доверишь, не продашь». Так и в революционно-рабочем деле без доверия к людям дело широко вести нельзя, и я доверял хозяину квартиры. Человек он был развитой и к рабочему делу относился, как мне казалось, искренно и убежденно. Я его не остерегался. Имя его было Петр Семенович Гриневич, квартира эта была в доме Навсзина, в Грузинах, по Мало-Тишинскому пер. В этой квартире были собрания, часто бывал Борис Алексеев, два раза он у меня был с одним пожилым человеком, которого рекомендовал мне, как бельгийского ученого, желающего познакомиться с русским рабочим движением, но фамилию этого человека Алексеев не назвал, а назвавши какую-то другую, тут же добавил, что эта фамилия вымышленная. Но этот иностранец хорошо говорил по-русски, и я думал, что он и был русский. Я обратился к нему с предложением, не возможно ли написать такую книгу, которая, имея малый размер, была бы написана для рабочих понятным языком, излагала бы все экономические обоснования рабочего вопроса, могла бы собою заменить множество отдельных брошюр. А то выходило так: одну брошюру рабочий прочитает, передаст другому, а пока другая ему попадет, содержание первой забудется, тем более, что нужно не только читать, но и изучать; я говорил, что нам нужна центральная книга. Он на это сказал, что такой книги не имеется, да и в виду сложности и разнообразия вопросов вряд ли скоро и будет. «Попробуйте-ка хоть приблизительно написать такую», — предложил он мне. — «Ну, нам нет времени», — пошутил Алексеев. Однажды осенью 1895 года иду я с вечерней сверхурочной работы в 11 час. ночи на квартиру, вижу: стоит у ворот двора при входе человек; когда я стал проходить мимо, он, не подходя ко мне, говорит: «Берегитесь, кругом полиция, сильно следит за вами». Я, не замедлив шага и не сказав ни слова, прошел мимо. Придя на квартиру, я рассказал это Гриневичу. Он начал говорить, что это кто-нибудь пошутил. Рассказал также этот случай жене, жена настой-

чиво просила не доверять Гриневичу. Я согласился и медленно и постепенно отдалял его от себя, но писать и гектографировать у меня на квартире уже было нельзя. Поэтому я в начале 1896 года снял квартиру недалеко от прежней, по Камер-Коллежскому валу против мастерских, в д. Золотова. Весною 1896 года, в виду подготовки к коронации Николая II, мастерские были усиленно наводнены сыщиками. Делали чистку; выслали 2-х рабочих, но таких, которые никакого отношения к политике не имели. Но это нас нисколько не смущало. Работа шла все более усиливающимся темпом. Собирались на пустырях. Справляли май. Собрания стали принимать форму массовок. Особенно удачна была массовка в первой половине мая между станциями Люберцы и Люблино. Было около 500 человек. Я на эту массовку не мог попасть в виду болезни жены.

Скажу теперь несколько о Ходынке. На коронационные празднества шли огромные массы народа из Москвы и окрестностей еще накануне открытия их (15 мая 1896 года). Были, конечно, рабочие и наших мастерских, они не могли отказать себе в этом удовольствии. Утром 15-го я решил, что не пойду на Ходынку; я не хотел, чтобы шла и жена, тем боле, что она только что оправилась от болезни, а я по опыту прежней коронации знал, какая бывает давка. Но не так-то легко было удержать жену, она решила быть там, даже если ей придется итти одной. Пришлось итти тогда и мне. И мы пошли, но не со стороны шоссе, где сгрудилась вся масса народа, а со стороны Ваганькова кладбища. Здесь было около десятка проходных будок, о них мало знали и народу здесь было тысячи три, не более. Со стороны шоссе было проходных будок много. В этих будках проходящим мимо них выдавали: эмалированную кружку с инициалами, сласти и еще что-то, всего около 1½ фунта. Когда дали сигнал проходить в середину огороженной Ходынки, хотя мы находились от места давки в 1½ верстах, но до нас донесся како-то невозможный рев и визг народа. Над головами толпы образовался пар, видимый глазами, и вверх полетели какое-то предметы. Потом наступила очень кратковременная какая-то тишина, потом понеслись стоны и вопли. «Что это, что это?» — с испугом спрашивала жена меня. Я и сам не знал. Но со стороны шоссе неслись голоса: «Передавили народ, передавили!». Мы с женой не пошли на Ходынку, а полукругом ее обошли к месту давки, на обход потребовалось часа два. Сравнительно было свободно на месте несчастья, и мы прошли версты 1½ краем по направлению Всехсвятского. Рядом тянулись бесконечные проходные будки с тесовым забором. В углах забора и шагов на 200 от них во всю ширину этого пространства лежали

раздавленные. Широкою лентою, длиною около 2-х верст, лежали трупы с темными лицами и телами; некоторые схватили друг друга за ноги; на многих телах была изодрана в клочья одежда, многие лежали голыми, а также и без обуви. Раненых не было видно, но когда мы отошли от трупов, то увидели сидящих, как будто отдыхающих — это были полураздавленные. Большинство из них тихо умирало; некоторые слабо стонали; некоторые поднимались, шли дальше, опять садились и умирали, сидя на тротуарах, тумбах и бульварных скамьях. У них были сломаны кости, раздавлены грудные клетки. Давка была такая сильная, как говорили участники, что взвившаяся на дыбы лошадь с казаком не могла опустить долгое время ноги обратно на землю. Люди вскакивали на плечи других и ходили по головам и плечам стоящих. Когда я пришел с Ходынки на квартиру, ко мне пришли возбужденные товарищи. Мы стали говорить, что нам нужно что-либо сделать, предпринять, некоторые предлагали, так как народ сильно возбужден, направить это возбуждение на разгром празднества, но, успокоившись, нашли, что нам это ничего не даст, и решили организовать забастовку протеста. Но мы не сумели ее провести. Следующие дни были нерабочие. Страсти улеглись, и у нас нехватило сил. Если у нас хватало сил выходить на канаву и пред'являть мелкие требования, что в последнее время стали проделывать очень часто, то этих сил оказалось мало для большого дела. Я кроме того не мог войти в связь с центром в нужное время, так как никого не нашел. С этого времени я понял, что одной литературы мало, чтобы проводить забастовку, а нужно организовать и выделить ударную группу, которая сознательно решила бы жертвовать собою и быть безоговорочно вожаками массы. Мой дальнейший опыт, практически применяемый, дает мне право сказать несколько слов о том, как нужно было организовывать забастовку: 1) прежде всего нужно, чтобы среди рабочих было настроение в пользу забастовки; желательно это настроение повысить предварительно агитацией; 2) должна быть организована группа решительных вожаков, которые бы ясно знали, какие требования нужно пред'являть; 3) в каждой мастерской нужны вспомогательные отряды из молодежи, но им в придачу должны быть добавлены взрослые. Эти отряды при начале забастовки служат застрельщиками, понукая нерешительных. Никогда не нужно, чтобы свой цеховой отряд действовал в своем цехе, но непременно в другом. Когда отряды подтолкнут цехи к месту сбора, нужна короткая, ясная, деловая агитационная речь. Нужно прочесть пред'являемые требования, получить их санкцию от рабочих и провести выборы делегатов, пред'явителей этих

требований. Я говорю здесь о самых важных актах момента организации забастовки. Забастовка — «вещь» очень сложная, и выработать методы ее организации и проведения можно только коллективным трудом, путем обобщения опыта организаторов и руководителей стачек. В те годы, к которым относятся мои воспоминания, мы иногда получали забастовочные инструкции из центров, но они говорили общими местами, без учета индивидуальных особенностей предприятия, так что на деле метод организации и проведения стачек приходилось разрабатывать самим рабочим опытным путем.

После коронационных празднеств работа пошла своим чередом. Я упорно требовал пропагандистов. Вскоре в наших мастерских настроение рабочих так поднялось, что мы несколько раз подряд выходили на канаву пред'являть мелкие обыденные требования. По поводу пред'явления этих требований я говорил своим народникам: «Ну, а дело-то у нас идет!..». Они отвечали: «Пока еще ничего особенного не видно». А дело в том, что у меня с ними шли бесконечные споры; они оспаривали основную роль рабочих в революции, ставя впереди крестьян. От этих споров на языках своих мы здорово мозоли набивали. В конце июня и начале июля 1896 года пошли усиленные аресты по Москве; не могу ручаться за точность, но слышал впоследствии, что было арестовано 142 человека. Получился полный разгром. Был арестован центр; меня посыльным об этом немедленно осведомили. Я упрятал все в надежные места. 5 или 6 июля был арестован тов. Белогуров-Медведев; мне сказали, что арест его был произведен прямо на улице. Я дожидался своего ареста. Сыщики бегали 8 и 9 июля по мастерским, как угорелые, и вдруг слышу: «Арестовали Немчинова!». Это они вместо меня арестовали однофамильца—конторщика Владимира Немчинова. Ну, думаю, мое дело не так плохо, раз в лицо меня не знают. Но вскоре пришел в цеховую контору жандарм, вызвал меня. Жандарм выходит со мною из конторы в мастерскую и спрашивает у стоящих двух сыщиков: «Этот?». Те утвердительно кивают головами. Жандарм приказывает мне итти в жел.-дор. жандармское управление. Иду с ним, — там меня ожидает пристав. Раздевают наголо, обыскивают, потом с приставом в пролетке едем в Бутырскую тюрьму. В ногах сидит нижний чин. От'ехав немного, пристав говорит: «Ну, задал ты нам работы, целых полдня искали и другого беднягу схватили, он чуть со страху не помер». Из этих слов я понял, что меня плохо знают в лицо и улик нет. В уме я составил план допросных ответов. Привезли в Бутырки. Опять произошла какая-то ошибка; меня чуть не положили в госпиталь, как больного, потом разоб-

рались и повезли в Каменщики. — Незадачливый, говорят, арестант попался. Слово «арестант» скверно резануло мое ухо. В день моего ареста на моей квартире произошло следущее, как впоследствии говорила жена. Полиция окружила дом в большом числе, был произведен тщательный обыск. Из ямы погреба и надпогребицы, которые целиком были набиты щепой и мелким топливом, выкинули все. Потом арестовали мою жену и повезли для допроса в охранное отделение. Допросив и продержав в охранном отделении 8 час., ее отпустили. Допрашивали о том, кто посещал меня перед арестом на квартире, называли приметы некоторых посетителей. Жена сказала, что она не может знать, кто именно бывал у нас, так как к нам часто приходили глядеть комнату согласно об'явления, налепленного на стекле. В действительности же перед арестом к нам заходили Миролюбов и Семенов, родственник Прокофьева. Они собрались ехать в Питер и зашли проститься. Заходили и другие товарищи.

По прошествии недели повезли меня из тюрьмы на допрос в охранку; допрос производили начальник охранки и его помощник. Их цель была вырвать у меня сознание, хотя бы малое, и, получив его, вытягивать дальше. Я вел свою тактику, утомляя их рассказами, как меня арестовали, как обыскивали, стараясь передать все со всеми мелкими подробностями, и просил указать, в чем меня обвиняют. Они начинали говорить свое, что я должен сознаться и сказать, как разбрасывал прокламации, как посещал собрания, массовки, говорил на собраниях, был на конспиративных квартирах. «Мы все это хорошо знаем и нам все известно до мельчайших подробностей», — настаивали охранники. — «Вы от нас не увернетесь, и накакие «знать не знаю» вам тут не помогут; это дело решенное; если может что помочь вам, так это добровольное признание. Ваша судьба много зависит от вас». Это говорил начальник охранки. Я глядел ему в глаза и ясно видел, читал по лицевым мускулам: врет, ничего не знает, твердых улик нет. Я отвечал, что я не могу наговаривать на себя только потому, что «вы принуждаете»; никаких книжек я в руках не имел. Кто может указать, что я был на собраниях? Мне пред'явили фотографические карточки Колокольникова, Алексеева, Скворцова и «Бельгийца». Я внимательно осмотрел их и говорю: «Таких нет в наших мастерских». — «Не в мастерских, а в каких других местах вы их встречали?» — «Может быть, и встречал где на улице, но на прохожих внимания не обращал». — «Займитесь им», — сказал начальник своему помощнику и вышел вон. Помощник начальника отвел меня к своему столу и, глядя на меня в упор, отчеканивая слова и слегка в такт ударяя правой рукой по столу, стал говорить мне: «Я, помощник на-

чальника охранного отделения, говорю вам, что вы не выйдете из этих стен до тех пор, пока не дадите показания». Наконец он напустился на меня: «С тобой обращаются, как с человеком, а ты—негодяй». Я видел, что он хочет вывести меня из состояния равновесия. Я пристально взглянул ему в лицо и слегка усмехнулся. Тогда он закончил допрос словами: «Будешь в тюрьме до тех пор, пока не дашь показаний», и велел везти меня обратно в тюрьму. Привезли меня в тюрьму и, не впуская в камеру, опять повезли обратно. Я недоумевал: чего они еще хотят от меня? Оказывается, они забыли меня сфотографировать. Прогулка в тюрьме давались только в одиночку. Жене не позволили повидаться со мною и не разрешили ей передать мне чай, сахар и белье. Когда надзиратель предложил итти в баню я стал отказываться за неимением белья. «Белье дадим, если хочешь», — сказал он. Я согласился, и мне дали казенное арестантское белье. После я раскаялся: белье было не промыто, и меня сильно донимали паразиты. Сидели мы по камерам вперемежку: рабочий, потом уголовный арестант, опять рабочий и т. д. На 28-й день моего ареста опять повезли меня в охранку. Принял меня помощник начальника охранки. В стороне сидел письмоводитель, секретарь или стенографист. Принял любезно, улыбаясь. Предложил сесть; сам сидел напротив, пил чай, помешивая ложечкой. Предложил и мне стакан чая. Я отказался. Я боялся, что чай дается умышленно с каким-либо возбуждающим средством, тем более, что я не пью вина, и на меня могло опьяняющее снадобье подействовать быстро. Помощник начальника стал расспрашивать меня о режиме тюрьмы. Предложил папиросу. Я отказался, так как от роду не курю. «Должно быть папироса тоже с каким-либо дурманом», — подумал я. «Вероятно, — сказал охранник, — как ни плох режим тюрьмы, а вам он нравится. Утаивая показания, вам придется долго сидеть в тюрьме, до тех пор, пока не дадите их».—«Должно быть долго буду сидеть, — спокойно согласился я, — у меня нет показаний». Потом он подвел меня к другому столу и, рассыпав пачку фотографических карточек, сказал: «Вот, смотрите, это ваши знакомые». Я не стал их особенно разглядывать. Из наших мастерских не было никого. Двух человек видел где-то, но кто они—забыл. И я ответил: «Ровно никого не знаю». В это время вошел начальник охранки; не обратив на меня внимания, он прошел к секретарю; туда же прошел и помощник. Затем начальник вышел из кабинета секретаря, обратился ко мне и говорит: «Я понимаю вас, вы не думайте, что не понимаю. Разве мы верим, что вы ничего не знаете? Я понимаю, что вы крайне осторожный человек, но это не спасет вас. Мы освобождаем вас из тюрь-

мы, но будем хорошо смотреть за вами, и мой вам добрый совет: забейтесь в щель и чтобы не было слышно вас». Сердце мое забилось быстрей, но я сохранил спокойное выражение лица. Меня повезли в тюрьму. Дорогою я рассуждал сам с собою: «ну, это еще ничего; я просидел всего 28 дней; можно еще продолжать работать». Но вдруг стало горько: «ну, а как-то теперь чувствует себя моя больная жена?». В тюрьме меня опять ввели в камеру, а через некоторое время повели в тюремную контору. Принесли белье и предложили расписаться, кажется, в получении белья. Я готов был к выходу, но в это время подошел начальник тюрьмы и, глядя на меня, весь затрясся от гнева: «Смотрите, смотрите, — кричал он своим подчиненным, — что вы делаете! Вы не сняли с него казенного белья». Он увидел на мне казенную рубашку, которую мне выдали, когда я ходил в баню, а я забыл ее снять, когда одевал свое белье. Опять повели раздеваться, затем снова на осмотр к начальнику. «Ну, и ты хорош, — ворчал он на меня, — красть казенные вещи!» Я не обращал внимания на его слова. Пришел на квартиру. Жена не помнит себя от радости. «Ты не обижайся, — говорит, — я никак не могла выхлопотать свидания и ничего не могла передать тебе, ничего от меня не брали». Похудела она. Я стал внимательно глядеть на нее. Она закричала: «Не гляди на меня так, не гляди!» — и зарыдала. Не выдержал и я. «Ты не думай, — говорила она, — что я в чем-нибудь тут нуждалась, товарищи принесли твой расчет, потом собрали тебе 12 рублей. Шубу заложила за 15 рублей; деньги и сейчас есть». — «Ну, ладно, ладно, все это хорошо, — успокаивал я, — были бы сами здоровы». На третий день я пошел в контору за паспортом. Мне сказали, что в конторе нет паспорта, и посоветовали обратиться к приставу. Пошел в участок. Там мне тоже заявили, что моего паспорта у них нет, и он им не нужен. Не знал, что и делать. А тут слух прошел, что мне хотят дать волчий паспорт. Жена волнуется и сам нервничаю. Пошел опять в охранку с просьбой возвратить паспорт. Там переговорили по телефону и говорят: «Получишь паспорт в конторе». Я пошел и получил его. 16 августа 1896 г. я поступил работать на Мытищинский лесопильный завод слесарем. Завод только что был выстроен. Были рядом два завода, они имели разные свистки, разный распорядок, администрацию; отгорожены были друг от друга забором; один был лесопильный, другой — вагоностроительный. Лесопильный завод был в ходу; работало около 200 человек рабочих; он работал на оборудование вагонного завода, а на вагонном заводе рабочих на производстве еще не было. Переехал я в Мытищи один, и только через месяц перебрался совсем с же-

ной. Месяц квартировал у крестьянина Головина Василия Васильевича. Из разговоров с ним выяснилось, что он читал нелегальную литературу и в достаточном количестве. Его односелец Литарев Михаил Дмитриевич жил в Москве, работал со мною вместе в мастерских Брестской жел. дор., брал у меня литературу по мастерским, но в оборот на заводе не пускал, притаивал и распространял ее среди крестьян своего села, и я совсем не знал про эту утечку литературы из мастерских. После этого разговора я понял, почему мастерские, как бездонную бочку, бывало, никакой литературой не наполнишь. Так как я успел и мог хорошо работать языком, то временно обходился без литературы; иногда живая речь сильнее книжки.

Квартировал я в маленькой комнатке, и о том, чтобы гектографировать, ничего было и думать, а в Москве литературы достать не мог. В течение 1896 и 1897 гг. в мастерских Брестской жел. дор. шли аресты, вылавливали сознательных рабочих. Были арестованы Шумов, Кудряшов и многие другие.

На новом месте работу начал вести устно: старался прощупать каждого рабочего отдельно. Старался так повести разговор и направить мысли собеседника, чтобы ему стало казаться, что это именно он своим соображением пришел к тем выводам, какие нужны мне. Когда товарища заставишь таким образом сделать ряд выводов из окружающей рабочего жизненной обстановки, тогда он, сам того не замечая, делается твоим сотрудником. Пропагандировать таким способ трудно, но интересно. Интереснее всего становилось, хотя это бывало и редко, когда ученик, сделав ряд выводов, самостоятельно скомбинирует их, т.-е. создаст для себя новое миропонимание, и начинает учить меня. Стараешься внимательно слушать и поправляешь вопросами. Обыкновенно же больше всего узнаешь заинтересованность товарища, его способность к пониманию и тогда начинаешь говорить открыто. Я так увлекся устной пропагандой, что стал игнорировать литературу, да и рабочих работало пока мало — около 200 человек.

Осенью 1896 года, с ноября, понемногу стали делать набор рабочих на вагонный завод, и весною 1897 года рабочих было человек 300. Летом 1897 года горел большой заводский дом. В нем много квартировало рабочих, и рабочие обоих заводов бросились тушить пожар и спасать имущество. Так как рабочие на пожар уходили самовольно, администрация вагонного завода заявила, что будет вычтен полдневный заработок. Возмущенные этим вычетом рабочие на другой день сделали забастовку. Это была первая забастовка вагонного мытищинского завода. Лесопильный

завод не бастовал, так как рабочим была обещана полная плата за время пожара. В результате забастовки вагонного завода рабочие получили плату не только за время пожара, но и за время забастовки, продолжавшейся один день.

Летом 1898 года сгорел лесопильный завод, и я перешел работать на вагонный завод, в машинный отдел, и переехал на квартиру в заводский дом. На этой квартире мне было удобнее заниматься пропагандой, также как и в машинном отделе; вообще было больше свободного времени для занятий. Учеников стало порядочно. Устная пропаганда дает хорошие результаты, дает полное социалистическое миропонимание, так как тут же дает ответы на вопросы, на которых спотыкается мысль учеников. Вести пропаганду мне было удобно во время работы. Я был машинистом, машинная была в стороне, и время у меня было свободное. Предварительно из опасения доноса пришлось распропагандировать весь штат машинного отдела и мастера отдела Мартынова Ивана Ивановича, который до того увлекся, что стал потом нам подкидывать листовки; с'агитировал двух братьев мастеров — Василия и Александра Ивановичей, двух братьев Фурлетовых — Алексея Николаевича и Василия Николаевича, Николаева Михаила Степановича (после Октябрьской революции председатель Моск. уездн. совета). Одним словом, получилась школа. Совет охранника забиться в щель пошел на пользу: я забился в щель, и выкурить меня было трудно, так как вести работу в такой форме совсем не было никакого риску, а связь с Москвой восстановила и держала молодежь во главе с Шалиным Федором Сергеевичем и Зверевым Иваном Александровичем; большинство из них — мои ученики. Сам я распространением литературы занимался мало и сосредоточил свои силы на устной пропаганде. Ученики приходили ко мне на дом по 2—3 человека, не более. Вел я работу в такой форме годами. Осенью 1904 года была двухдневная забастовка с экономическими требованиями: о повышении сдельных расценок, о постройке бани, о постройке театра. Пред'явили требования от имени рабочих Минаев Иван Иванович и Петр Иванович, фамилии не помню. Требования об увеличении расценок были удовлетворены, увеличена пристройкою баня, построен огромный театр, который стоит и посейчас, вмещает до 3 000 человек. Депутаты после забастовки скрылись. Минаеву мы собрали немного денег на дорогу, и он уехал в Харьков.

9-е января 1905 года сильно взволновало всю массу рабочих. Благодаря повышенному настроению всюду нами успешно велась агитация, а с весны начались усиленные массовки, дискуссии на темы о разногласиях между большеви-

ками и меньшевиками. Они были бесконечны и азартны. Ораторы на тему разногласий приезжали целыми пачками обоих направлений и в азарте готовы были говорить, не прячась от полиции. И так все лето происходили собрания и массовки. Была одна демонстрация с красным флагом. Человек 30 молодежи, собравшейся на пригорке, выкинули флаг и пришли на гулянье к театру. Всюду раз'езжали крупные казачьи отряды, бывали случаи хлестания плетьми. Лето 1905 года прошло под знаком нарастания революционных настроений, а осенью всеобщая забастовка 1905 года началась у нас 11 октября с 12 час. дня и продолжалась по 23 октября включительно. Для ведения забастовки был избран 31 депутат. Все число рабочих и служащих завода было 2 442 человека. Депутаты выделили из себя более ответственную группу из 4-х человек для ведения переговоров с администрацией: Фурлетова Алексея Николаевича, Колабушкина, Ставиковского и меня. Я был формулировщиком требований и секретарем при переговорах с администрацией, кроме того Колабушкин и я три дня с утра до вечера об'ясняли товарищам рабочим значение забастовки, необходимость борьбы рабочего класса с буржуазией, причины, толкающие нас к этой борьбе. Фурлетов и Ставиковский на трибуне не выступали, они первое время вели административное дело: закрывали кабаки, шинки и следили за этим. Делать два дела сразу — вести переговоры с администрацией и говорить с рабочими — не под силу, а интеллигенты-агитаторы как сквозь землю провалились; все спорили, а тут — никого. Пришлось нарочного посылать в Москву. Эту роль взяла на себя Латухина Мария Леонидовна, жена нашего земского врача. Она с'ездила в Москву к С. И. Мицкевичу и привезла знакомого нам оратора Данилу Модестова [1], симпатичного и талантливого товарища. Одно из первых выступлений Данилы перед рабочими на открытом месте, на пустыре, едва не повлекло за собою междоусобную драку. Дело было так: революционная молодежь, достав вместо трибуны стол, подняла на нем Данилу и с шумом понесла его впереди толпы. Нашлись однако рабочие, в большинстве тоже молодежь, которые во главе с Савощевым (пожилой уже слесарь), отделившись, стали бросать в Данилу и несшую его молодежь камни и кирпичи с криком: «Смотрите, бога своего понесли». Несшие тоже схватились за камни, и с обеих сторон замелькали револьверы. Учитывая серьезность момента, мы, депутаты, бросились, рискуя попасть под камни, и уговорили готовых сцепиться рабо-

---

[1] Сергей Васильевич Модестов, партийная кличка «Данила», в то время член комитета Моск. окружной организации.—*С. М.*

чих. С появлением Данилы дело у нас пошло лучше; он стал самым любимым оратором рабочих. Когда он произносил перед рабочими речи, нам этим давалась возможность вести переговоры с управляющим завода Лабунским Станиславом Генриховичем.

Наш противник был человек умный, сразу было видно научно-дрессированного хищника. Ему помогал вести переговоры с нами механик завода Валиков Николай Петрович, без лести преданный капиталу «Аракчеев»-монархист.

Управляющий сначала все пытался умно и тонко сбить нас с теоретического понимания наших интересов. Он надеялся найти в нас простаков, которые подняли большое дело и не в состоянии его вести. Это задело наше самолюбие, и мы хорошо и ясно доказали ему, что каждое наше требование, начиная от 8-часового рабочего дня и кончая более мелким, каждое обосновано на точных законах экономической жизни, и мы приступили к обсуждению каждого параграфа заводского распорядка. Мы разрабатывали его ежедневно часов по 5—6 в день и проработали около 10 дней.

Большие споры вызвал вопрос о 8-часовом рабочем дне. Наши противники говорили, что при 8-часовом рабочем дне им нельзя конкурировать с заграницей; невозможно поднять запретительные пошлины выше существующих ставок; что заграничные товары, наводнив страну, убьют нашу промышленность, а результаты от этого получатся плачевные не только для буржуазии, но и для рабочих. Тогда страна наша станет колонией сильных экономически держав Запада. Мы отвечали представителям администрации: «Вы всегда указываете нам, что русские рабочие не могут выработать столько в день, сколько западные рабочие, но мы знаем, что на западе рабочий день меньше, чем у нас, а простоять наш 10-часовой день, даже не работая, трудно, и, продолжая увеличивать день больше и больше, можно дойти до того, что рабочий и. совсем ничего не в силах будет дать, сделать.

Во-вторых, при существующих пошлинах вы сможете конкурировать, если проведете разделение труда до крайних пределов, если не будете надеяться только на живую силу, а поставите новые станки и машины, если высокой заработной платой и сносными квартирами привлечете более опытных и обученных рабочих, если механизируете все процессы по доставке сырья и материалов к станкам и т. д.». Одним словом, дальше в лес, больше дров: при рассмотрении нашего требования о введении 8-часового рабочего дня мы и наши противники апеллировали не только к финансам страны, таможенной политике, но и к оздоровлению ра-

сы. Торговались здорово и остановились на 9-час. рабочем дне. Дальше установили минимум заработной платы для всех цехов, минимум заработной платы ученикам, периоды повышения платы ученикам и рабочим; пересмотрели расценки и отношение расценок к поденной плате, потом порядок кипячения воды для чая и проч. мелкие требования. Массовое же распропагандирование рабочих шло своим порядком. Для этой цели мы заняли огромное помещение неработавшей тогда фабрики «Вискоза». Там ежедневно вечером, а иногда и днем, шли митинги. Между прочим, там читал экономические лекции Н. А. Рожков. Не довольствуясь только своим заводом, мы ездили проводить митинги на Чернышеву фабрику в Свиноедове, в Пушкино, Болшево, Щелково. Мытищи были деятельным распространителем революции. Московский совет рабочих депутатов требовал от нас выслать в совет наших представителей, и на 2 дня были посланы Фурлетов и Колабушкин. 24 октября рабочие завода согласно постановлению совета стали на работу, но почти каждый вечер мы собирались на митинг. Собирали деньги на литературу и создали в больничной приемной библиотеку, составив ее преимущественно из социал-демократической литературы, под управлением и наблюдением врача Латухина Андрея Ивановича и Тютрюмова Порфирия Николаевича, бывшего корреспондента «Русских Ведомостей» в Париже, проживавшего в Мытищах и оказавшего нам в деле организации библиотеки важную услугу. Так продолжалось вплоть до об'явления вооруженной забастовки, как защиты от нападений реакции. Декабрьскую забастовку начали мы с 8-го по 22-е декабря включительно. Вооружаться было нечем. В первый день забастовки отковали много железных палок с копьями на концах. Мы и тогда хорошо понимали, что мы идем с голыми руками. Наконец собрали 25 револьверов разных систем, 3 охотничьих ружья, где-то достали один штык. Наши военные поезда, как мы их называли, ходили до Щелкова и обратно. Все щелковские фабрики, болшевские, одним словом, вся округа, были под влиянием Мытищ. У нас была большая человеческая сила, но она была без оружия' На наших собраниях был поднят вопрос о мерах расправы с местной полицией. Я был против этого, а также Фурлетов; мы стояли на том, что вся сила в центре, в Москве, и если нами борьба в Москве будет проиграна, то расправа с местной полицией не поможет. Исходя из этих соображений, мы послали 25 человек дружинников в Москву под командой Раева. Они занимали согласно диспозиции Симоновский район; для большего числа дружинников не было оружия. Можно было набрать целый отряд, а получилась горсть. Мы были безоружны, и отсутст-

вие оружия было повсеместным; вот почему так легко было подавлено наше восстание. Выслав дружинников, мы, оставшиеся, делали осмотр поездов, решив, если по нашей Северн. ж. д. пойдут поезда с войсками, разобрать рельсы по направлению к Ярославлю, а также сделать крушение. Больше мы ничего не могли сделать. Но продвижения войск по Северной дороге не было. Прошли эвакуированные с Дальнего Востока два небольших отряда без оружия, но мы настолько слабы были опытом, что не могли использовать остановку и задержку поездов даже для устройства для этих солдат митинга, и только потом сообразили, что надо было делать в период вооруженной забастовки. Из партийных агитаторов у нас систематически работали Данила, Никодим [1], Донской; другие бывали наскоком.

Последнее собрание проводил Данила. После сильной речи, в которой ни слова не было сказано, что мы разбиты, он отозвал меня и говорит: «Ну, теперь будем говорить о себе; мы разбиты; нужно прятаться и, по возможности, рассеяться; другого выхода нет». Я спросил, почему он не сказал об этом собранию? «К чему делать панику, — ответил он, — собранию нужно разойтись; скорее всего пришлют к нам карательный отряд и будут искать нас». Затем, став на трибуну, он просил собрание разойтись до завтрашнего дня. Собрание разошлось, и мы, оставшиеся, решили, что нам ничего больше не осталось, как бежать и спасаться. На второй день, 23 декабря, в Мытищах был отряд сыщиков, пошли обыски, искали оружие. Оцепили наш рабочий поселок цепью солдат. Я и двое товарищей — Левин Иван Васильевич и Иван Терентьевич — все депутаты, пробрались сквозь цепь и бежали в глухую маленькую деревушку в 4 дома — Комаровку, отстоявшую от Мытищ в 6-ти верстах, и пробыли там до 25 декабря. Завод не работал теперь не по случаю забастовки, а в виду праздничных дней. Вскоре пошли аресты. Арестовали врача Латухина, рабочих Василия Райкова, Мореева (по ошибке вместо Мараева), Тютрюмова Порфирия Николаевича, а также крестьян Головина, Шуйского и других. Депутатскому центру удалось скрыться. Через некоторое время приехал следователь, производил допросы, но допрашиваемые отвертелись. Я долгое время, 1½ месяца, скрывался в Москве. В это время на нашем заводе рабочим делали «чистку»: из 2.442 рабочих уволили 800 человек. В конце февраля я поступил на ст. Костеревка по Нижегородской дороге на завод Уткина машинистом, а в

---

[1] «Никодим» — парт. кличка Андрея Васильевича Шестакова, тогда члена Моск. комитета большевиков и руководителя Моск. окр. организации. — *С. М.*

Мытищах пришлось ликвидировать свои дела: продать заводу свой дом, распродать живность и часть имущества. Переехав с женою в Костеревку, я недолго жил там. В мае я уехал в Москву и поступил работать в Сокольнический трамвайный парк. Состав рабочих парка был крайне интересный. Сюда собрались все остатки революции. Здесь были представлены все партии. В то время как кругом бушевала реакция, у нас шли собрания, митинги. Арестовывали нас беспощадно чуть не каждый день, но этим мы нисколько не смущались. Наконец полиции надоело нас арестовывать поодиночке. Брали нас прямо из мастерских, для каковой цели приходили целые отряды, брали на квартирах и, наконец, воспользовавшись нашим протестом против суда над с.-д. фракцией второй Государственной думы (протест заключался в однодневной забастовке и уличной демонстрации с пением революционных песен), арестовали чуть не весь парк. Из 300 работавших в парке около половины оказались арестованными. В это число арестованных попал и я. Арестован был на квартире в Мытищах, так как, работая в Сокольниках, квартировал в Мытищах. Арестовали в Мытищах меня, Фурлетова и Козлова; они тоже работали в Сокольниках. Нам вменили в вину то, что, приехав в Мытищи, мы содействовали остановке Мытищинского завода. Арестован я был в ночь на 28 ноября 1907 года и пробыл в тюрьме, в Таганке, 5 мес. 3 дня.

Со мною также посадили и моих товарищей по аресту. Когда меня вывели в первый раз на тюремную прогулку, товарищи устроили мне своебразную овацию, выкрикивая из окон мою фамилию. Я глядел в окна и всюду видел старых товарищей с Мытищинского завода и трамвайного парка. Сверху из-под крыши кричал Данила, спрашивая номер камеры. Одним словом, точно в дом родительский попал, даже расчувствовался от такой встречи. Данила хлопотал, хотел меня к себе в соседи по камере перетащить, но не удалось. Продержав 1½ месяца, как политических, ничего не об'ясняя, переодели нас трех в уголовную одежду и перевели на уголовный режим. Продержав с месяц на уголовном режиме, опять перевели на политический, сняли уголовную одежду. Из этого акта переодевания мы поняли, что были присоединены к мытищинской группе, которую всю освободили, а нас оставили. Однажды, не помню числа, я вышел на свидание к жене; вместе с женой подошла к решетке жена Фурлетова и говорит: «Когда вас выпустят? Мытищинских всех выпустили, и если мужа моего не выпустят, то придет он к моим холодным ногам». Я понял, что она говорит о самоубийстве. «А почему он сейчас не вышел?» — продолжала она. Я сказал ей, что он выйдет в следующей партии. Я не

стал передавать Фурлетову наш разговор с его женою, боясь его беспокойства, не считая этот разговор серьезным, думал, женщина расстроена, не отдает себе отчета в том, что говорит. Но получилось другое. Она забеременела без мужа, приняла яд и, промучившись 2 дня в больнице, умерла. По хлопотам родственников у губернатора Джунковского, Фурлетова отпускали под конвоем полиции на 1 день хоронить жену, а потом опять привезли в тюрьму.

Потом возили для допроса в охранку к ротмистру Щеголеву или Щегловскому, который все старался присоединить к настоящему делу дело 1905 года. Снимали с нас фотографические карточки и оттиски рук, смазанных предварительно голубой краской. В декабре, январе месяцах почти каждую ночь увозили от нас товарищей на казнь. При выходе из камеры они старались кричать: «Прощайте, товарищи! Отомстите, товарищи!» Но им не давали говорить, затыкали рот тряпками, а потом, как говорили товарищи, стали им залеплять лицо пластырями и полузадушенных тащили из тюрьмы. Нас это сильно волновало. Мы начали стучать и кричать, сильно возбуждаясь. Нам грозили стрельбой в форточки. Помню, раз протащили мимо моей камеры товарища. Он глухо, еле слышно говорил: «Прощайте, отомстите, отомстите, товарищи». От сильного волнения и возбуждения я впал в состояние крайнего буйства.

Внизу моей камеры сидел дружинник Куприянов, присужденный к смертной казни. Мы разговорились с ним через трубу, проделанную для вентиляции. Паренек этот был племянник хозяина, слесаря Куприянова, у которого я работал в 1886 году. Я знал его отца, сестру. «Ничего, — говорит он, — я свыкся с мыслью умереть; сначала, правда, было думать жутко, а теперь—хотя бы скорее, замучили меня зубы и глаза сильно болят».

Наши камеры были угловые, сильно промерзали; на стенах выступал иней. У меня ноги сводили ревматические боли, стали выпадать зубы и болеть глаза от усиленного чтения при плохом свете. Для чтения материала было много: нелегальная литература всех партий, сносная тюремная библиотека. Данила ухитрялся посылать даже кое-когда мне газеты. Исаак Кизельштейн доставлял свежие книги. Пища была хорошая; жена привозила деньги в контору, на деньги можно было приобретать все нужное, только воздуха и свободы нехватало.

К концу нашей отсидки нас перевели вниз. Здесь была компания из всех классов: вверху над моей 12-й камерой отбывал год крепости фабрикант Баранов; в том же коридоре, почти рядом, сидел фабрикант Армандт и рабочие его Пушкинской фабрики. Армандта я немного знал. По его

приглашению мы ездили на его фабрику проводить митинг и пили у него на квартире чай. При встрече он кисло улыбался.

В конце апреля нас троих вызвали в тюремную контору и об'явили, что мы подлежим высылке на два года и нам дают выбор места высылки. Фурлетов выбрал Ефремов, Тульской губ., я и Козлов — Рыбинск, Ярославской губ. Наши жены, а у Фурлетова родственники, стали хлопотать у губернатора Джунковского дать нам возможность для приведения в порядок своих дел пробыть три дня на квартирах, а также выехать на место высылки за свой счет, а не этапом. То и другое было разрешено, и мы были выпущены из тюрьмы 1 мая 1908 года. Чтобы не попасть сейчас же обратно в тюрьму, так как при появлении нашем Мытищинский завод мог сделать майскую забастовку, мы сошли с поезда на Тайнинке и задами пошли к своим квартирам. Нас сопровождали сыщики. Один впереди, другой сзади, что было очень заметно. И когда сыщики увидели, что мы не собираемся бунтовать завод, сошлись вместе и, поглядев нам вслед, пошли на станцию. 5 мая 1908 года Козлов и я приехали в Рыбинск. С большими усилиями могли найти работу. Нашли ее на лесопильном заводе Мустафина. Весь срок высылки прожили на этом заводе; житье было плохое, но приходилось терпеть. Жена моя, жившая со мною в Рыбинске, сильно расхворалась, уехала из Рыбинска в Мытищи и в августе 1909 года умерла. Я приехал хоронить ее, но на выезд свой из Рыбинска разрешения получить не мог и, находясь под угрозой ареста со стороны мытищинской полиции, уехал немедля обратно. Когда я вернулся в Мытищи после срока высылки, весною 1910 года, жизнь моя была разбита, ее нужно было начинать сызнова, а мне было уже 45 лет. Все было задавлено. Реакция кругом, тяжелое время [1].

[1] Евгений Иванович Немчинов жил последние годы в Лосиноостровской, близ Москвы, был членом ВКП(б); умер 4 июля 1932 г.

Воспоминания его заходят за период времени, которого касаются остальные авторы, но они крайне характерны для старого рабочего-партийца, поэтому мы помещаем их целиком. — *С. М.*

М. П. Петров

Мои воспоминания [1]

— Отец, почему у нас ничего нет, ни земли, ни дома? Смотрю я на других таких же рабочих и вижу, что они ездят в деревню, где у них имеется дом и хозяйство, а мы даже угла своего не имеем? — с таким вопросом, будучи мальчуганом, обратился я к отцу. Мне почему-то казалось, что отец виноват в том, что у нас ничего нет.

— Почему нет? А вот почему, — об'яснил отец. Я был дворовым, семи лет потерял мать и отца и в 1847 г., когда мне было лет 12, помещик отправил меня в Москву на оброк и сдал меня на котельный завод Винокурова, который находился близ Смоленского рынка. Сдали меня за 25 руб. в год, т.-е. заводчик должен был эти деньги уплатить помещику. Кормить и давать квартиру должен был заводчик, а обувать и одевать должен был помещик. Как же он меня обувал, одевал? А вот как. Приедет приказчик в Москву, я к нему: «Пришлите лапти, босиком хожу». А тот замашет руками: «Что ты, дурак, на конюшню захотел? Да барин тебя запорет за это; ты уж тут как-нибудь сам доставай». И уедет опять к барину. Но вот об'явили волю. Что было делать? Ехать к помещику, просить землю, а ведь с голыми руками за землю не возьмешься, надо обзавестись хозяйством. Думал я, думал, да и махнул рукой на все, и остался в Москве. Если о чем жалею, так о том, что я неграмотный, вот что плохо, — закончил отец.

Об'яснение отца о нашем пролетарском происхождении меня не успокоило. Я видел вокруг себя живущих в довольстве, тогда как наша семья влачила жалкое существование. Наступали моменты безработицы, и мы буквально голодали в нашей каморке. Нас у отца было трое, из которых я был средний. Помню такой случай: отец был долго без работы, все было прожито, в доме — ни куска хлеба. Отец ушел в поисках работы, мы, детишки, бегали и играли на улице, к вечеру пришли домой. «Мама, дай поесть».—«Ну, ребята, садитесь на кровать, а я схожу к соседям и попрошу хлеба». Принесенный ломоть черного хлеба был тщательно разделен между нами, как голодными волчатами. Уплетая хлеб, мы

---

[1] Товарищ М. П. Петров живет в Москве, член ВКП(б). — С. М.

слушали, как мать, чтобы скорее мы заснули, рассказывает сказку, а когда управились с хлебом, то мы наивно спросили: «А что ты, мама, ничего не ела»?

— «Я не хочу». И мы, удовлетворенные ее ответом, заснули под ее сказку. Матери я обязан очень многим: она была грамотная и очень любила читать, и свою мечту—дать нам образование — унесла в могилу (она умерла от чахотки).

Милое, золотое детство, было ли ты у меня?

Да, кажется, было. С 11 лет отец взял меня работать с собой, и я стал обучаться «нагревать заклепки» и постигать искусство котельного производства.

Пройдем мимо этого периода, — он слишком тяжел по воспоминаниям. Все в нем было: побои, брань, табак, вино, только не было одного, чего требовало мое детское любопытство. Мне все хотелось знать, и я пристрастился к чтению. Помню тогда лубочные издания, которые я читал рабочим. Выезжали в провинцию для ремонта котлов на места— на фабрику или какой-либо завод. Обыкновенно вечером рабочие усаживались вокруг меня, и я читал вслух про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, но большей популярностью пользовалась «Битва русских с кабардинцами» или «Прекрасная Селима, умирающая на гробе своего мужа». Котельщики в огромном большинстве были связаны с деревней и почти поголовно неграмотные. Помню случай, который произвел на меня огромное впечатление. Я работал на котельном заводе Смит, за Трехгорной заставой. Нас послали на Басманную улицу, там помещался винный завод Серебрякова, где мы производили установку громадного бака для спирта. Квартира для нас была снята на Разгуляе; жили мы артелью. Раз вечером мы стащили несколько бутылок спирта, рабочие все были в приподнятом настроении. в углу нашей квартиры висела небольшая икона, складная, медная, которая принадлежала одному из рабочих, по прозванию «доктор». Сейчас не помню из-за чего, «доктор» поссорился с одним из рабочих во время ужина, и когда рабочий, встав из-за стола, стал молиться, то «доктор» со словами: «не смей молиться моему богу!» встал, снял со стены икону и, сложив ее, сунул на свою постель под подушку и лег на нее. А надо сказать, что я был воспитан отцом в религиозном духе, который доходил до фанатизма, и этот случай на меня произвел огромное впечатление. Я по-детски ждал, что бог не может не ответить на поступок «доктора», тем более, что он больше иконы уже не вешал, а каждый раз ставил, когда ему было нужно, икону в угол, молился ей, а затем опять прятал под подушку. Угол на стене оставался пустым, и рабочие порешили: «раз иконы нет, значит, нечего и молиться». После этого я стал очень задумываться

над вопросом о религии. Как разрешился для меня этот вопрос, я скажу об этом ниже. В 1888 г. с нашего завода уехал токарь (не помню его фамилии, но помню, что его звали Семеном) в Тулу на патронный завод. Оттуда он прислал мне письмо, в котором звал меня в Тулу, писал о тех громадных заработках, которые по сравнению с нами зарабатывали там рабочие, и, между прочим, писал, что там есть «социалисты», которые высланы из Петербурга. А у нас на заводе ходили слухи, что вот появились социалисты, которые не признают бога, царя убили и хотят жить без власти. Все это так подействовало на меня, а, главное, захотелось увидать социалиста, что я решил во что бы то ни стало уехать в Тулу. Я в это время перешел из котельного отдела и работал в механической мастерской на токарном станке. Выдержав упорную борьбу с отцом, я в 1899 г. уехал в Тулу, где и устроился на патронном заводе в качестве токаря. Там я познакомился с рабочим-токарем Федором Буяновым, с Победимским и еще со слесарем, фамилия которого как будто начиналась с буквы Р [1]. Это были те знаменитые социалисты, о которых мне писал мой товарищ Семен. Они были высланы из Петербурга и ждали решения по своему делу. Ближе всех я сошелся с Буяновым. Дело началось с мелких брошюр и очень длительных бесед. Буянову нужно было поехать в Москву, а так как у него не было в Москве знакомых, где бы он мог остановиться, то он просил меня, чтобы я ему посодействовал. Я дал ему письмо и адрес квартиры моего отца, и Буянов благополучно с'ездил в Москву. Я потом только понял, что он, очевидно, ездил по партийному делу и ему нужна была «чистая» квартира. Из всей литературы, которую я тогда читал, на меня произвели огромное впечатление произведения Шелгунова, особенно его «Пролетариат Англии и Франции». Осенью я должен был уехать из Тулы, как подлежащий призыву на военную службу. Перед от'ездом из Тулы мы условились с Буяновым, что для меня лучше всего работать в Москве, где я родился и жил и имел знакомства среди рабочей молодежи, что касается связей, то они должны были мне их дать, как только я устроюсь в Москве. По приезде в Москву я устроился на заводе Мюллер-Фугельзанг, который был на Земляном валу (на военную службу я не был принят).

Была ли в Туле широкая партийная работа? Можно сказать смело, что нет, не велась. Все дело сводилось к обработке отдельных товарищей; да и по существу, что там можно было сделать? Там было много товарищей, которые были высланы из Питера значительно ранее т. Буянова. Все

[1] Повидимому, Руделев. — *С. М.*

они были на виду у жандармов, которые в свою очередь говорили о том, что социалисты бога не признают, царя убили. Однако, несмотря на это, товарищи вели в мастерских очень крупные дискуссии, которые происходили при каждом удобном случае, в особенности во время обеденного перерыва или во время завтрака. Обыкновенно собирались чай пить у станка, на котором работал Буянов, и тут велись отчаянные споры. Лично для меня эти споры были очень высокой материей. Из всего, что я слышал, я делал один вывод — надо учиться, а т. к. учиться не на что, значит, надо больше читать. Хотя и смутно, но стал я понимать, чего хотят социалисты. Не могу не отметить очень важного обстоятельства — это громадное пьянство среди рабочих. Чем выше была заработная плата, тем сильнее было развито потребление алкоголя. Содержатели кабаков, как пауки паутину, расставляли свои предприятия, в которые рабочие сносили свои заработки. Пили, что называется, «лошадиными порциями». В особенности это происходило во время выдачи жалования, когда рабочие шли к кабатчикам-паукам платить долг, и тут происходили такие возлияния, в результате которых окрестность покрывалась мертвецки пьяными рабочими. Культурно-просветительной работы никакой не велось. Пауки давали неограниченный кредит, а вследствие этого все заработки рабочих перекочевывали в карманы кабатчиков и лавочников. Да, ужасное было время. Русский рабочий при отсутствии каких-либо организаций ничего не мог противопоставить, ничем не мог отразить наседающих пауков...

Через своих тульских товарищей я познакомился со студентом Петровской академии. Помню, я ездил к нему в Петровско-Разумовское, где он жил в студенческом общежитии. Не знаю почему, но мои посещения он нашел неудобными и познакомил меня с курсисткой, которая жила в Москве; с ней мы условились, что она будет со мной заниматься. Ходил я к ней месяца три, и в результате, махнув рукой, решил, что надо искать что-нибудь другое. Я чувствовал, что мне дают не то, что мне нужно. Дело в том, что она начала со мной заниматься по психологии. Я не выдержал и прекратил свои посещения.

В 1891 г. я через одного из товарищей познакомился с ткачем с ф-ки Прохорова, который, как мне передал товарищ, приехал из Петербурга, чтобы завязать связи с московскими рабочими. Звали его Федором Афанасьевым[1]. Он

[1] Рабочий Федор Афанасьев, по кличке «отец» — участник петербургской соц.-дем. рабочей организации («группа Бруснева»), один из 4 выступавших с речами на маевке 1891 г., летом того же года

произвел на меня огромное впечатление своими задушевными беседами. Мы с ним просиживали ночи и какие только вопросы ни обсуждали! В особенности у меня в памяти осталась одна ночь, которую мы с ним провели на Чистопрудном бульваре. Я уже отмечал мое религиозное настроение, а если к этому вспомнить, что это было 40 лет тому назад, когда духовенство держало в крепких и цепких своих лапах умы рабочих и когда мы, молодежь, как слепые котята, тыкались во все стороны, отыскивая ответы на свои вопросы, то для читателя будет понятным мое душевное состояние. К тому же по складу своего характера я принимал все очень близко к сердцу и многое переживал гораздо острее других. Чтобы разрешить все больные для меня вопросы, я их решил перед Афанасьевым поставить ребром. И вот одна ночь, проведенная в разговорах с ним, оказалась поворотным пунктом для моего миросозерцания. Помню, на рассвете мы разошлись с бульвара с той мыслью, что мне надо больше читать. С другой стороны, надо организовать среди рабочих кружки, на которых обсуждать все вопросы. Для руководства же этими кружками нужно завести связи со студентами, причем Федор Афанасьев говорил, что знакомиться со студентами надо очень осторожно, что студенты бывают разные, и вообще взял это на себя, а мне поручил подобрать такой кружок из рабочих. Связи у него уже имелись. Вместе с тем наметили организовать кассу взаимопомощи, чтобы тесней связаться между собой.

Федор Афанасьев собирался уехать в Питер по делам нашего кружка, а по приезде оттуда уже вплотную заняться нашим общим делом, причем он сказал, что у него есть знакомый ткач с фабрики Михайлова, некто Федор Поляков, и чернорабочий Козлов, безработный, которого нужно куда-нибудь устроить в интересах общего дела. Козлова мы быстро устроили на котельный завод Смитта; а Афанасьев вскоре уехал в Питер, и уже больше я с ним не встречался. По от'езде Афанасьева мы устроили кассу взаимопомощи, в которую вошли я, мой брат, Козлов, Борисов, Штольц, Воробьев и еще двое или трое, фамилий которых не помню. Было решено, что мне надо перейти на другой завод и завязать там связи, потому что я, Борисов и Воробьев работали на заводе Фугельзанг, а так как на недалеко от нас

был направлен организацией для работы среди московских рабочих, куда переехал и Бруснев. После ареста Бруснева 22 апреля 1892 г. скрылся из Москвы, уехав в Петербург, где и был вскоре (в сентябре 1892 г.) арестован. Потом с 1897 г. работал в Ив.-Вознесенске, где был убит в 1905 г. черносотенцами во время демонстрации.

См. его биографию и обширную библиографию о нем в Био-библиографич. словаре, т. V, вып. I, изд. Общ. политкаторжан, 1931 г.— *С. М.*

помещавшемся заводе Вейхельдта, на котором работало около 500 человек, у нас не было связей, то товарищи предложили мне перейти на этот завод. Не могу не отметить маленького обстоятельства. Перейдя работать на завод Вейхельдта, я познакомился с рабочим Константином Бойе и его братом Федором и К. Суховым, который впоследствии оказался провокатором.

Придется остановиться немного подробнее на описании завода Вейхельдта вследствие того, что он выделялся среди всех московских заводов своей организацией труда. Владелец завода, немец, был в высшей степени энергичный человек; во-первых, он организовал и поставил дело так, что рабочие, за маленьким исключением, все работали, получая плату со штуки, или, как тогда говирили, сдельно, даже ученики-мальчики и те работали штучно. Вследствие этого и заработок рабочих был немного выше, чем на других заводах, но производительность рабочих была в высшей степени высокая. Заведующему мастерской или отдельным цехом не было необходимости следить за тем, чтобы рабочие быстрей работали, сама система такой работы исключала вялую работу. Рабочий напрягал все силы к тому, чтобы быстрей исполнить ту или другую работу, и этим на практике получалась система Тейлора. Слесаря работали бригадами по 5 и 10 человек, сами уже следили, чтобы в их бригаду не мог попасть лентяй; такого сейчас же выкидывали из своей бригады. Тут для заведующего был полный простор, чтобы прижать рабочих. Все проверочные инструменты были в должном количестве и высокого качества и при приемке от рабочего работы таковая строго проверялась, и малейшее отклонение рассматривалось как «брак», за который или платили 50% расценочной стоимости или даже ничего не платили. Это вынуждало рабочих напрягать все силы к тому, чтобы работа исполнялась быстро и вместе с тем точно. Насколько вырабатывался рабочий высокой квалификации, можно судить по такому примеру: если рабочий почему-либо уходил с завода Вейхельдта и получал от него удостоверение, то это служило лучшей гарантией получить работу на другом заводе. Вся эта система высокой эксплоатации рабочих вырабатывала и создавала особый тип рабочего. Рабочий чувствовал себя зажатым в ежовые рукавицы. После 10½ часов усиленной, напряженной работы он к вечеру возвращался домой, как выжатый лимон. Помню такой случай: я занимал темную комнату совместно с тов. Тихомировым. Когда прозвонил вечерний звонок для окончания работ, я задержался, сдавая заведующему работу, и когда пришел домой, то вижу: мой товарищ лежит на полу и спит крепким сном; мне стоило большого труда разбудить его

для ужина. Сколько помню случаев, когда после работы на кружке, о, ужас, засыпаешь под голос докладчика, а на другой день — головомойка от товарищей за то, что проявил такое малодушие и заснул. «Нехватило силы, ну, и заснул», — оправдывается обвиняемый. «А тогда лучше не ходи», и на этой почве возникали даже ссоры. Ничто так не об'единяло рабочих, как вышеуказанная система эксплоатации. Рабочие были очень чутки и часто забастовка вспыхивала просто потому, что рабочий хотел хоть на два, на три дня, как тогда говорили, освежиться, и нигде так часто не происходили забастовки, как на з-де Вейхельдта. Правда, они первое время не носили длительного характера, самое большое 1 — 3 дня, но затем срок этот стал удлиняться, а это все больше и больше заставляло рабочих задумываться над своим положением. Вот приблизительно каков был завод Вейхельдта, на котором мне удалось устроиться.

После первого знакомства с упомянутыми выше товарищами, нам, во-первых, нужна была квартира, каковая и была общими силами найдена на углу Немецкой улицы, против ф-ки Дюфурмантель [1]. Квартира оказалась в высшей степени подходящей, ибо в ней на чердаке имелась светелка с отдельным ходом; она так и осталась вплоть до нашего ареста нашей штаб-квартирой. Для лучшей конспирации было условлено, чтобы между собой в мастерских не вести никаких разговоров, да и вообще не давать понять, что тесно связаны друг с другом. Для первого знакомства с литературой мы начали с совместного чтения и с разбора газетных статей, а попутно с этим взялись за усиленное чтение в свободные часы, особенно дома; увлекались Шелгуновым, Лассалем, «Историей одного крестьянина» Эркмана Шатриана, «Оводом» Войнича, «93-им годом» Гюго, а затем перешли к кружковым занятиям.

Часто между нами поднимался вопрос, удастся ли нам когда-либо свергнуть самодержавие? Хватит ли у нас сил вырвать с корнем это трехсотлетнее дерево? Большинство склонялось к тому, что нам не удастся вырвать самодержавия, но что мы должны работать, чтобы поднять сознание массы, вот в чем заключается наша главная задача, а там — что будет, и тут же запевали любимую хоровую песню: «Светает, товарищ, работать давай, — работы усиленной требует край. Работай руками, работай умом, работай без устали ночью и днем». Кружки самообразования нас мало удовлетворяли, необходимо было захватить массы, для этого было решено расклеивать и распространять листки с небольшим текстом. Помню, был первый листок, на котором

[1] На Немецкой ул. (ныне Бауманской), д. № 23, Труфанова. — *С. М.*

были изображены два буржуа, под ними текст разговора, вверху заголовок: «Разговор двух фабрикантов». Точно не помню этого текста, но в разговоре один жалуется другому на то, что его рабочие стали очень дерзки, а все это оттого, что появились социалисты[1]. Несколько таких листков нам удалось расклеить по мастерским; один из них долго продержался в «клубе», т.-е. в уборной. Эта форма агитации оказалась в высшей степени удачной и имела огромное влияние на рабочих. Вейхельдт при первой же забастовке воспользовался случаем и стал упрекать нас в том, что среди нас появились социалисты. Кто-то из задних рядов крикнул: «Что, Карлуша, или не по носу табак»? Вейхельдт бросился отыскивать говорившего. С другой стороны раздался крик: «Карлуша, за что ты социалистов не любишь»? Вейхельдт пришел в неописуемую ярость и заявил, что он закроет завод, потому что мы «сволочь и русская грязная свинья». На эту сцену мы ответили новой прокламацией: «Как хозяин защищает свои права». Тут был выведен разговор хозяина с социалистами. Все это давало огромную тему для разговоров среди рабочих. Разумеется, черная рать тоже не дремала, и среди рабочих ходили слухи, что социалисты убили царя за то, что он дал свободу крестьянам, и теперь мутят народ, чтобы вернуть крепостное право. Эту сказку не представляло большого труда опровергнуть, и мы в одной из листовок раз'яснили истинный смысл этих слухов. Такие листки так пришлись по вкусу товарищам, что они стали заведующих пугать такими прокламациями.

К осени 1894 г. товарищи предложили мне перейти на завод Бромлея, который находился у Крымского моста, чтобы там установить связи с рабочими. Из общих средств были выданы деньги на наем квартиры. Квартира была снята за Крымским мостом, в которой поселились я и А. Богомолов. Здесь происходили у нас собрания, которыми руководил тов. Лядов. Весной 1895 г. стали готовиться к маевке. Решено было отпраздновать 1 мая, как еще в Москве никогда не праздновали.

Как я ни осторожничал, но меня «расшифровали» и в один из моих приходов на работу вызвали в контору и предложили получить расчет. С такой честью проводили, что оставленный мною пиджак из мастерской принес сторож. Увольнение мое произошло перед пасхой. Несмотря на долгие хлопоты, работы я не мог найти. В это время Саша Хозецкой получил письмо из Рязани о том, что там широко

---

[1] «Разговор двух фабрикантов» — гектографированная прокламация, написанная Спонти; содержание ее см. в «Лит. Моск. раб. союза», стр. 50.— *С. М.*

развертывается работа на машиностроительном заводе, на котором легко можно получить работу. Было решено, что после 1 мая я поеду в Рязань.

На маевке был смотр той работы, которую мы проделали, и действительно, этот смотр превзошел наши ожидания. Все присутствовавшие товарищи были в приподнятом настроении. Этот смотр наглядно показал каждому из нас, что работать необходимо просто потому, что товарищи отозвались на наш призыв, и сотни людей пришли, чтобы совместно отпраздновать 1 мая. Погода выдалась превосходная. Беседы наши затянулись до позднего вечера, и мы, разбившись на группы по 20—30 чел., пошли на станцию. Я примкнул к товарищам, которые отправились пешком в Москву.

После маевки я уехал в Рязань и устроился на машиностроительном заводе. Вести из Москвы были неутешительные: начались аресты, а затем и оборвалась моя переписка. Я собирался поехать в Москву, чтобы узнать, как дела, но в одну из ночей пришли жандармы, и с утренним поездом меня в сопровождении 2-х жандармов отправили в Москву. Не забуду такого курьеза: жандармы были очень удивлены, что везут рабочего, что до сих пор они возили только ученых и студентов, а вот рабочего еще ни разу не пришлось им возить. В 1896 году меня освободили, выслав в Рязань на 2 года под гласный надзор.

А. Д. Карпузи

На перевалах

Июль 1890 года. На нашем юге всюду в портах пыль столбом стоит от наплыва зерна, от перевозок, перегрузок всяческого товара и главным образом от зерна, экспортируемого за границу. Таганрог весь запружен возами с зерном. Азов тоже. Новороссийск, с его новыми постройками, поглощает поезд за поездом, переполненные зерном; зерном же завалена набережная Ростова.

Зерно, не вместившееся в громадные амбары, складывается в высокие ярусы — «бунты», напоминающие египетские пирамиды. Действительно, складывание этих громадных, выше амбаров, конусообразных ярусов говорило об египетском труде и его повелителе — современных фараонах — капиталистах.

В пореформенное время российский капитализм быстро завоевывал позицию за позицией, а одновременно с ростом промышленности рос, как и нужно было ожидать, промышленный пролетариат: в металлургии в 1887 году было занято 103 тысячи рабочих, а в 1897 году — 153; в текстильном деле — 309 тысяч в 1887 году и 642 тысячи в 1897 году.

Откуда набиралась эта армия?

Конечно, из разоряющегося крестьянства; часть его пролетаризировалась и шла на фабрики и заводы, но еще большая его часть превратилась в люмпенпролетариат — в босяцкую массу, тысячами гибнувшую в городах и особенно в южных портах.

Развитие капитализма и рост численности промышленного пролетариата повели к тому, что идеи рабочего класса стали пробиваться и в щели затхлых народовольческих кружков.

Интеллегенция ныла, в кружках создалась тяжелая атмосфера бездеятельности. Но, как сказано выше, наряду с этим в воздухе чуялись новые веяния.

Они шли со стороны заводов и фабрик, где жизнь явно поднималась, где пролетариат уже давал о себе знать.

В июле 1890 года я и товарищ мой Петр Перекрестов, оба члены таганрогских народовольческих кружков, сидели на противоположном берегу Дона, поглядывали на вавилонское столпотворение, творившееся на берегу Ростова, где

десятитысячные массы грузчиков то вверх, то вниз таскали тяжелые чувалы с зерном и откуда раздавались возгласы: «вес 51 и 20» или «52 и 10» (эти цифры обозначали вес 10 мешков зерна).

Накануне я взял расчет в конторе, в которой долгое время служил по зерновому делу. Настроение у меня было точно у вырвавшегося из тюрьмы; тем более, что я совершенно порывал со всем прошлым, твердо намереваясь итти на заводы изучать слесарное ремесло и вплотную и надолго слиться с жизнью рабочего.

С нами была девушка, учительница г. Азова Мария Федосеевна Ветрова, член социалистического кружка в Азове, приехавшая в Азов из Чернигова. Маруся была всегда флегматично-остроумной, отвечающей собеседнику малороссийским юмором и остротами. Она была хорошим, глубоким товарищем. Наша беседа сосредоточивалась вокруг жизни наших кружков в Таганроге, в Азове, в Новороссийске и Ростове. Говорили о Мирошниченке, Скворцове, Зелененко, Мураловой и др. из Таганрога, о Мотовилове Ник. Алекс. и его кружке, двух железнодорожных техниках, двух братьях Анисимовых, П. Фоменко, двух братьях Козиных и др. из Новороссийска; говорили о ростовцах: о приехавших из ссылки Романченко, безруком Миронове, Сергее Богоразе, перекочевавшем из Таганрога. Маруся рассказывала, что делается в Азове, что поделывает Антип Александрович Кулаков (по кличке «Дед») с кружком своим, собиравшимся на квартире фельдшерицы Лизы Самойлович, и, наконец, коснулись моей судьбы — как мне удастся в дальнейшем устроиться.

В тот же день я ходил в мастерские Волго-Донского пароходства. Мастер посмотрел на меня, на мою бороду и чистый вид, сдвинул плечами и сказал, что учеников в мастерскую не нужно. Ладно. Я не робел и товарищам рисовал самые радужные надежды, рисовал самые интересные перспективы. Петр и Маруся были печальны; они говорили о невыносимо затхлой жизни, о невозможности для них вырваться, что кружки их затягивают в конце-концов в тяжелую спячку. Их молодая душа бурлила, искала выхода в действительно революционной работе. Мне сочувствовали. Петр угрюмо молчал, Мария переходила из тяжелого в бурно-веселое настроение. В конце-концов этим настроением тоже заразились и мы: пели и шутили. Вернулись в город поздно. Расстались. Мария Ветрова... так сквозило у нее желание пойти со мной к рабочим, оставить интеллигенцию, оставить опостылевшую школу, вырваться из тины...

Я с ними расстался и больше их не видел. Они погибли в бытность мою в ссылке в конце 90-х гг. молодыми, цве-

тущими. Петр погиб в Екатеринославе, в больнице умалишенных. Мария Ветрова погибла в Петербурге, в Петропавловской крепости в 1897 году, предав себя смерти самосожжением. Оскорбленная жандармским офицером, она облила себя керосином и сожгла себя. Она предпочла себя сжечь, нежели хоть мгновение остаться жертвой насилия слуги ненавистных ей самодержавия и буржуазии — холеного, лощеного жандармского офицера. Светлая память о ней останется в истории революции.

На другой день я вышел на вокзал с котомкой. На скамье перрона сидело несколько мастеровых.

Подошел, заговорил с ними; оказались — слесаря с Сулина, с Пастуховского завода, едут туда. Я рассказал о своем желании поступить учеником на завод; здесь получилось взаимное восхищение. Вечером мы уже были в Сулине; спали под открытом небом где-то на задворках, где попахивало выгребной ямой, но что эта была за ночь!.. Первая ночь в среде своей дорогой братии... Да, такой ночи не дадут тысячи поэтических украинских ночей, все вместе взятые.

На утро мы уже — на заводе в ремонтной мастерской. Я за верстаком, в тисках завернут обрубок, который долблю зубилом и молотком, попадаю три раза по зубилу и два по руке.

От этих ударов по руке в первое время мне приходилось круто; бывало, так ахнешь по разбитой уже руке, что от боли в глазах замутит, но и виду не подаешь; рубишь да рубишь, пока не научился владеть молотком.

Слесаря и кузнецы беспрерывно учили меня и инструмент подавать, закалять и инструментом владеть.

Инженер-француз, без пальцев, вышедший, видно, из мастеровых, бывало, подойдет и показывает, как рубить, как пилить; дело у меня шибко пошло на лад. Получал 40 коп. в день.

Поселился в рабочей семье, хозяйка варила холодец для продажи. На пятак утром и столько же на ужин — было моей постоянной едой.

Завод на меня произвел колоссальное впечатление; доменная печь, прокатная мастерская работали день и ночь. Тысячная масса рабочих с 12-тичасовыми сменами — то днем, то ночью — работала до изнеможения.

Внешне я вел себя, стараясь ничем не выделяться от массы, но внутренно меня пожирало пламя интереса к новой обстановке и жизни рабочих. Войдя в эту жизнь, я сразу почувствовал мощь, громадный прилив сил от сознания, что все мои жизненные интересы будут общими с интересами гигантского тела рабочего класса. Рабочие сразу учуяли во

мне социалиста, но зато я в себе учуял совсем несостоятельного социалиста.

Я не был подготовлен к пониманию сложного аппарата заводской эксплоатации, переплетавшего жизнь рабочих, я не мог реально представить структуру классового общества, тонкости и сложности капиталистического гнета.

Мы часто по воскресным дням выходили в поле с несколькими товарищами, беседовали о заводской жизни, и в наших беседах меня они больше учили, нежели я их.

Так, например, по вопросу о тактике, обсуждая случаи штрафов, обид со стороны мастера и другой администрации, я говорил о необходимости расправиться с мастером. Рабочие такое выступление находили никчемным делом, ибо расправа будет не с мастером, а с выступившим, и такая, что только запугает массы. Говорили, что в каждой мастерской есть сторонники хозяев: у того хозяйка или жена директора крестила детей, того венчала. Такие рабочие, хотя и согнутые в бараний рог, хозяев считают своими благодетелями. Поп в церкви занимался спайкой рабочих с хозяевами, а урядник стоял на страже этой спайки. — Здесь, — мне говорили рабочие, — нужна организованная, длительная подрывная работа в массе, а не эффектные протесты. Так меня, мнящего себя социалистом, поучали рабочие.

Воспитанный в кружках на идеалистической литературе, я мало знал или совсем не знал Маркса и Энгельса. Мы, напичканные доморощенным социализмом, бакунинским анархо-бунтарским революционизмом, идеологией Михайловского, Лаврова, мечтали о себе, как о героях, как об исторической личности. Классовые же теории строения государства, борьбы классов, роли рабочего движения и судеб рабочего класса — нам все это казалось идеями Запада, неприменимыми на русской почве. Политическая экономия казалась нам скучнейшей штукой. Лишь только в начале 90-х гг. теория научного социализма, марксизм, стала превлекать наше внимание.

Лично я проникся идеей рабочего классового революционного движения чисто практически, зажатый в тиски жизненной необходимости, и именно здесь — на заводе.

Прошло лето, наступила зима.

Отсутствие литературы, отсутствие организаторских сил, собственное бессилие в деле создания организации заставили думать о среде, в которой я мог воспитываться на революционной работе. Знал, что в Ростове есть интеллегенция совершенно теперь чуждого для меня толка, но знал некоторых рабочих в мастерских Волго-Донского пароходства и был почти уверен в возможности найти среди них способ-

ных по своему идейному уровню начать там настоящую работу.

Проработав месяцев восемь в Сулине и подучившись слесарничеству, к концу зимы перекочевал в Ростов и поступил слесарем в мастерские Волго-Донского пароходства, получая 80 копеек в день. Здесь вскоре образовался кружок, завелись сношения с железнодорожными мастерскими, сорганизовали «кассу», стали приобретать литературу.

Мы посещали в городе собрания интеллигенции, где происходили дебаты по программным вопросам. В диспутах выделялся, как марксист, приехавший в Ростов Александр Машицкий, воевавший на этой почве против Богораза, Романченко, Болдырева и др. народников. Машицкий стал нашим хорошим товарищем и руководителем. Он часто нас посещал, приносил брошюрки, которые сам переводил с немецкого. Читали Плеханова, Лассаля, и, помню, какое колоссальное впечатление, какое яркое просветительное понимание было от чтения этих книг среди рабочих и какое, наоборот, тусклое, незначительное было у меня ранее от чтения тех же книг в интеллигентских кружках.

Вскоре к нам в Ростов перекочевал ткач Моисеенко; его, кажется, пригласил с Кубани Машицкий. Моисеенко вернулся из Сибири, где он был по делу известной в 1885 году забастовки двенадцатитысячной массы рабочих на Морозовской фабрике под Москвою, в Орехово-Зуеве. Моисеенко и до морозовской стачки за революционную работу на фабриках Питера бывал в ссылке и тюрьме. Моисеенко произвел на нас колоссальное впечатление своим недюжинным опытом рабочего-революционера; он был нашим учителем и пестуном. Тут же мы устроили ему общими силами слесарно-столярную мастерскую на Темернике. Там мы собирались, обсуждали наши дела, там мы отдыхали и впадали, помню, в дикий восторг, когда, бывало, отдыхая с нами, Моисеенко с женой своею Катериной затянет песенку про Морозова, про морозовскую стачку.

Лето 1891 года. Праздновали, помню, маевку за Доном в степи, в интимном кружке человек 10. От попыток массового празднования мы отказались, опасаясь провала налаживающейся организационной работы.

В это лето у нас велась продуктивная работа среди масс. В первую очередь последствия этой работы сказались в отчуждении рабочих от народников-интеллигентов и их тяге к развитию своего революционного классового самосознания *. К концу лета возник вопрос о создании связи с дру-

---

* Несмотря на то, что слухи о надвигающемся голоде настраивали рабочих на бунтарский лад.

гими городами. Я с двумя товарищами-токарями должен был выехать в Харьков.

С Ростовом я окончательно расстался. С Моисеенко больше не виделся.

В Харькове я поступил в ночную смену на заводе Блинова. Товарищи мои — в железнодорожные мастерские. В Харькове мне не пришлось вести организационной работы. Связи с квалифицированными рабочими показали, что хотя они и обладали повышенным культурным уровнем, но зато страдали отсутствием пролетарского революционного чутья и отчужденностью от пролетарских масс. Это были рабочие-интеллигенты с накипью народнической идеологии и толстовского непротивленчества. В Харькове же приходилось сталкиваться с кружком интеллигенции, во главе которого был студент-технолог, кажется, по фамилии Маковский с женой его, недавно прибывшей из-за границы. Кружок этот был окружен шпиками, взявшими и меня в сферу своего наблюдения.

В конце-концов написал Машицкому, что я Харьков покидаю и еду дальше, в Москву. Товарищей своих (одного звали Нестором, другого Федором, фамилий их не помню) оставил в Харькове; оба они были дельными и сильными в идейном отношении. Дальнейшей их жизни не знаю, работали ли они в дальнейшем в Харькове, не знаю; о них, быть может, знает Машицкий.

С Машицким я виделся после того в ссылке; он живет сейчас в Москве.

В Москву я приехал в конце 1892 года или в начале 1893 г. и поступил на завод Доброва и Набгольца.

Москва захватила меня. Город, заводы, фабрики своими колоссальными размерами говорили и о колоссальности работы и гигантской мощи рабочего класса. Сами рабочие показались мне внутренне глубокими, стойкими, пролетарски цельными, без налета лощености южного рабочего. В массе было большое количество крестьян, не потерявших связи с деревней, квалифицированный же рабочий — токарь, слесарь, монтер — составляли кадры авангарда пролетариата, но не вышколенного, не выправленного в революционной работе.

Вскоре я, услышав о революционной работе на заводе Вейхельдта, перешел работать на этот завод и там познакомился с рабочими-революционерами — с слесарями Хозецким Александром и Бойе Константином. Далее познакомился я с ткачем Поляковым, с слесарем Миролюбовым и многими другими представителями рабочих различных фабрик и заводов, группировавшихся вокруг центрального рабочего кружка на квартире Бойе, на Немецкой улице. Организация

рабочих возглавлялась организацией интеллигентов-марксистов.

Рабочая революционная среда в Москве поразила меня глубиною и закалкой своего самосознания, уровнем идейного содержания. Знакомясь и приглядываясь индивидуально к каждому, зная условия его каторжного труда, зная ничтожное количество его свободного времени и ничтожное количество литературы, из которой он мог черпать лишь крупицы знаний, я поражался внутренней силе каждого, при помощи которой эти крупицы знаний он превращал в богатый внутренний материал — в целый законченный внутренний мир рабочего-революционера, ясно осознающего свои классовые исторические задачи. Таковы были Хозецкой, Поляков, Прокофьев и многие другие активные работники из рабочей среды.

К интеллигенции я относился вообще с предубеждением. По приезде в Москву я слышал от своей землячки и старого товарища С. И. Мураловой о марксистском кружке Калафати, Давыдова и других. Хотя этот кружок меня заинтересовал, но я не искал связей с ним.

Организация рабочих меня поставила в связь с организацией интеллигентов — Мицкевича, Винокурова и Мандельштама. Вскоре, в один из воскресных свободных дней, меня повели на квартиру Мицкевича. Там я застал Винокурова и Мандельштама. Этот кружок интеллигентов меня заинтересовал как той работой, следы которой я видел в рабочей среде, так и теми отзывами, какие мне давали о нем рабочие. Еще до личного знакомства с этим кружком он был для меня авторитетен.

Мицкевич Сергей Иванович в среде рабочих пользовался особым авторитетом. Винокуров посещал нас на Немецкой улице, мы его звали теоретиком. Мартын Мандельштам был нашим весь. Он часто у нас бывал; юный, горячий, честный, он всегда пылал революционным огнем и любовью к нам.

1893 и 1894 гг. прошли в организационной работе. Была сорганизована рабочая касса для покупки литературы и поддержки забастовок. Производилась переброска товарищей на те заводы или фабрики, где нужно было создать ячейку или упрочить таковую.

Выпускались время-от-времени листовки агитационного характера. Листовки эти клеились на стенах наших тогдашних клубов — уборных, в которые сходились покурить и побеседовать рабочие.

Эти листовки обыкновенно вызывали прения и разговоры среди рабочих, и нередко там, в зловонии ретирада и в чаду махорки, шлифовалась рабочая мысль, охватывавшая после того широкие массы рабочих. Листовки я помню:

«Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем» и много других по поводу разных случаев из нашей рабочей жизни, как, например, молебен на заводе Доброва и Набгольц с угощением архиерея и взысканием этих расходов с рабочих.

В 1894 году у Вейхельдта сорганизована была забастовка. Требования: повышение заработной платы (расценок на сдельные работы) главным образом, так как систематически Вейхельдт сдельщину понижал. Полиция стала на ноги. Нас стали излавливать по трактирам и заставлять силой итти на работу. Вейхельдт грозил преследованиями и вызовом войск. На это я ему написал письмо, переписанное рукой Пелагеи Сергеевны Мокроусовой (она всегда принимала горячее участие в наших делах, ведала рабочей кассой, работала в то же время в нашем главном центре) [1]. В письме было ему сказано, что если он желает спровоцировать нашу экономическую борьбу с ним и добьется вмешательства в забастовку полиции и войск, то за неизбежные в таком случае жертвы он будет отвечать перед нами [2].

Забастовка у Вейхельдта была выиграна. Организационная работа продолжалась в масштабе все более широком.

Работа наша усилилась с приездом товарища Спонти [3]. Он приехал из Западного края, где пролетариат Польши и Литвы имел уже опыт и практику марксистского революционного рабочего движения. Тов. Спонти внес в наше дело организационную партийную выправку.

С его приездом был сорганизован союз, об'единивший все наши кружки, созданные на заводах и фабриках Москвы. Были завязаны связи с рабочими Орехово-Зуева, Коврова и Тулы.

Лето 1894 года провели в напряженной работе. Работа делилась по кружкам и районам между членами центральной рабочей организации. Хозецкой, Поляков, Прокофьев, Ананьев, Петров, Бойе Константин и Федор и другие участвовали в работах различных районов Москвы.

По вечерам и праздникам мы посещали кружки, где вели чтение и беседы. Мне поручили кружки заводов Доброва и Набгольца, Листа, Гоппера, Бромлея. Такие кружки иной раз соединяли в себе рабочих разных заводов. В нашей работе помогала интеллигенция, присылая нам на подмогу из центральной организации интеллигентов для занятий в

---

[1] Она была нашей главной переписчицей на машинке, а также работала среди курсисток и работниц.— *С. М.*

[2] Письмо это было написано без ведома организации. Организация выпустила во время этой забастовки, перед пасхой 1894 г., прокламацию (см. «Литерат. Моск. раб. союза», стр. 51).— *С. М.*

[3] Спонти приехал в Москву в августе 1893 г. — *С. М.*

кружках. Из них, помню, приходили студенты: Жданов, Рязанов, Колокольников, ведшие занятия в кружках. Устраивались часто прогулки за город, где рабочие выступали и говорили по различным вопросам нашей работы. Помню, такая экскурсия была предпринята на Воробьевы горы. Почему-то остался в памяти Владимир Бонч-Бруевич на этой прогулке. Запечатлелась его фигура в комичной позе, когда он близорукими глазами всматривался сквозь очки в массу появившихся рабочих — молодых, здоровых, с песнями, с шумливым весельем [1].

Не помню, были ли речи, но частичные общие беседы наверное были, вообще дурачились и веселились, и с песнями вернулись в город.

Лето прошло в живой организационной работе. Осенью, по решению нашей организации, я поступил на завод Гоппера, где нужно было усилить работу нашего товарища, рабочего Самохина, у которого был кружок модельщиков. Вдвоем наша работа охватила все цехи и особенно механический. Месяца через два или три я был назначен на завод Гужона. Там я сначала работал в механическом цехе, а весною в кочегарке, где ведал насосами. Времени свободного оказалось в кочегарке много; я работал в кочегарке один, и место это стало центром нашей подпольной работы на заводе. В кочегарку мне приносила Пелагея Сергеевна Мокроусова в судках с обедом литературу, и отсюда эта литература расходилась по заводу.

Весною 1895 года мы работали уже без центрального кружка интеллигенции; зимою были арестованы: Мицкевич, Винокуров и некоторые другие. Наша работа стала выражаться в учащенных массовках за городом, в лесу и в поле. Наши массовки имели характер обыкновенных рабочих прогулок.

Они сплетались с народными массовыми гуляниями и в смысле конспирации обставлялись в таком виде, что не только следящий шпик, но и участвовавший в массовках рядовой рабочий, не член центральной рабочей организации, видел и чувствовал себя на обыкновенной прогулке и в товарищеской среде; старались не придавать этим массовкам заговорщического характера.

Иначе было дело с нашими собраниями по различным квартирам интеллигентов в городе. Здесь я чувствовал, что мы проваливаемся, так как с этого момента мы уже «наце-

[1] Колокольников и Бонч-Бруевич принадлежали к другим кружкам и их кружки не были организационно связаны с нашим, но наши связи нередко переплетались. Расцвет работы этих кружков относится уже к следующему периоду — 1896 году. — *С. М.*

пили» себе шпиков каждый по-двое и по-трое. Шпики за нами бегали в городе, на своих же заводских слободках мы их не замечали; и я знал, по верному чутью, что их там не было; эту «прелесть» мы добыли посещением квартир интеллигентов в городе, интеллигентов, часто неизвестных нам. Я ждал провала, но направить дело иначе было невозможно, меня самого захватила массовая работа.

Готовились к маевке. Мандельштам-Лядов уделял много внимания организационным вопросам союза и кассы. Готовились им листовки и воззвания, которые получали большое распространение среди рабочих. Гужоновцы после гудка часто собирались по 40-50 человек на поляне у какой-то церкви или монастыря (помню высокую каменную ограду) недалеко от завода, на траве отдыхали, заводили там игры и между играми обсуждали наши дела и участие в маевке рабочих нашего завода.

Настала и маевка; она отпразднована была за городом, кажется, в Кускове или Перове, названия не помню, в лесу. День изменили и назначили на 30 апреля из-за конспиративных целей.

Рабочих собралось, по сравнению с тем, сколько могло бы быть, немного: человек 150. Были наши активные работники, были и рядовые. Представительство от заводов и фабрик Москвы, насколько помню, было полное.

Отпраздновали маевку наславу. Были речи, выступал Мартын Мандельштам с программной речью, Поляков, Бойе.

Маевка начинила всех бодрой верой в свое дело; вечером двинулись в город с песнями, веселые, переполненные великой любовью в могучее рабочее дело, с великой надеждой на его светлое будущее. Май прошел в многочисленных рабочих собраниях в городе и за городом.

В начале июня нас арестовали, и тем завершилась моя работа в Москве.

Волна жизни, веление истории вырвали меня из темного царства мещанских низин и дали мне счастье, великую честь быть участником жизни рабочего класса и в тот великий момент, когда он, после многовекового рабства, сбросив гнет помещиков и капиталистов, приступил на основе уже созданного фундамента к построению бесклассового общества [1].

---

[1] Товарищ А. Д. Карпузи в настоящее время живет в Москве, член ВКП(б). — *С. М.*

Я. Г. Туркин[1]

Воспоминания

Мне было еще лет 17 или 18, когда у нас на фабрике в 80-х годах был популярен один старик, дядя Гриша, Григорий Гаврилович, фамилии не помню. Это был очень молчаливый старик, но мы его любили, как отца, потому что, когда он, бывало, выпьет и сделается разговорчивее, он много рассказывал нам о несправедливости буржуазии. Он был очень скуп на слова, но я даже и лично от него и от товарищей слыхал, что он все это почерпнул в кружке студентов. Мы, молодежь, этого кружка не знали, но мы тоже были недовольны, что есть богатые и есть бедные, но не могли отдать себе отчета, почему это так есть. Литературы у нас не было никакой. В 1884 г. образовался у нас кружок молодежи, в котором нам дядя Гриша рассказывал то, что он знал. Мы были еще очень молоды — от 15 до 18 лет. В кружок входили: я, мой брат Наум Григорьевич Туркин, Федор Иванович Поляков (родился в 1870 г. С. М.) *, Семен Васильевич Королев (родился в 1868 г. С. М.) **, Дмитрий Иванович Юкин ***, были и еще кое-кто, всего человек 8—10. Когда, бывало, кто заметит, что дядя Гриша сегодня выпил, мы все стараемся зазвать его к себе, и он нам рассказывал, но, конечно, вынести из этих рассказов что-нибудь связное было невозможно. Говорил он о непорядках правительства, о несправедливости, и у нас начала складываться ненависть к существующему строю.

Тут меня взяли на военную службу, а в 1890 г. я получил от Федора Ивановича Полякова письмо, где он писал, что его психология изменилась, и он сожалеет, что я служу в солдатах этому царю. Я прочитал это письмо украдкой и никак не мог себе уяснить, почему изменилась у него психология и почему он сожалеет.

---

[1] Воспоминания Я. Г. Туркина записаны в 1923 г. Н. П. Милютиной.

* Он был мещанином г. Бронницы, отец его был портной, больной туберкулезом, жили они очень бедно. После приезда в Раменское отец скоро умер, а Федора 7 лет отдали на фабрику в подметальщики.

** Теперь табельщик на ст. Гжель Люберецко-Арзамасской ж. д.

*** Теперь на Тихомировском торфяном болоте монтером.

В 1892 г. я вышел в запас и весной 1893 года должен был уйти от отца и отправился пешком в Москву.

Когда я еще осенью 1892 г. был в Раменском, я узнал, что Федора Ивановича Полякова из Раменского прогнали, за что не знаю, но думаю, что за то, что он часто восставал против докторов (он служил в больнице).

В Москве мне сказали, что он живет у Прохорова на фабрике ткачом. Я пришел к фабрике и узнал, что скоро пойдет смена, и стал ждать. Вижу, идет Федор Иванович, одет очень плохо, почти без одежды. Пришли к нему на квартиру, он попросил хозяйку дать обедать, она подала суп, мы ели и все время сидели молча. Характерна одна черта. Когда я пришел и мы пообедали, он вдруг надевает пальто и уходит, а минут через 20 возвращается, но уже без пальто и говорит: пойдем чай пить.

Пошли, попили чаю, он половинку спросил, закусили, потом он стал меня расспрашивать, сказал, что плохо жить, и дал еще мне на дорогу рубль. Тут я понял, что он ходил закладывать пальто. Только после он об этом сказал мне, когда уже ушел с фабрики и жил в Москве. Потом я поступил кондуктором на Брестскую дорогу, Полякова об этом не извещал. Раз как-то прихожу домой, квартирная хозяйка говорит мне, что был молодой человек, оставил записку. Это был Поляков. Он писал, что был навестить меня. Потом мы с ним увиделись, и он рассказал мне, что, значит, что его психология резко изменилась. Он социал-демократ уже с 1890 г[1]. Я стал его подробнее расспрашивать, и он рассказал, что, когда его прогнали с фабрики, он познакомился со студентами, и они определили его в водопроводчики. Поляков обещал принести мне литературу. Однажды говорит мне хозяйка, что был Федор Иванович (она уже знала его по имени). Я случайно увидел у себя под подушкой какую-то тетрадь; мы стали ее читать с другим товарищем. Там было описано, как рабочих эксплоатируют, и сказано, что не нужно ничего ждать от капиталистов хорошего. Мой товарищ испугался и я тоже.

Когда пришел Федор Иванович, я отдаю ему эту тетрадь. Я, говорит он, принесу тебе литературу, а ты ее будешь разбрасывать на станциях. Я бывал у него на квартире, жили они вместе с матерью и братом. Когда я пришел, мать начала плакать и просить меня повлиять на Федю, потому что он однажды чуть не изрубил иконы. Я стала ему говорить:

[1] Повидимому, с 1892 г., когда он вступил в кружок рабочего Афанасьева (см. восп. М. Петрова). — *С. М.*

— Ты не в праве насиловать мать, — оставь иконы. Он ответил, что ему все это не нравится; иконы — это невежество и темнота и что все эти истуканы нужно уничтожить. Точно не помню какого месяца и числа, но приблизительно с месяц после этого я слышу, что Федя арестован и сидит в Бутырках. Жена уехала в свою деревню, т. к. ей предстояло родить. Сидел он в Бутырках с осени 1893 г. до весны 1894 г. Присудили на 3½ года в Томскую губ. Когда уехал в Сибирь, он писал оттуда мне, что он там работает фельдшером, описывал природу, писал, что люди там хорошие. Потом еще месяца через 3-4 прислал карточку и письмо, где писал: «Жить мне осталось недолго, — я ношу в себе туберкулез третьей стадии». И правда, сообщила уже его мать, по прошествии года или более, что получила письмо от какого-то товарища, что Федя умер, не окончив срока ссылки[1].

Федор Иванович Поляков был замечательной личностью, очень даровитый; он самоучкой выучился на фельдшера. Мы, бывало, собирались в трактире чай пить, а он нам читал. Он с такой неподражаемой интонацией умел передавать стихотворения, наприм., Некрасова «Железная дорога», «Размышления у парадного под'езда», что мы его заслушивались. Читал, как артист. Это была премилая личность. Жил он всегда крайне бедно. Я его как сейчас помню: роста выше среднего, лицо немного в веснушках.

В связи с адресами, найденными у Федора Ивановича Полякова, были обыски в Раменском у Семена Королева и у моего брата Наума Григорьевича Туркина. Королев в то время жил в Раменском в литейщиках, ему было лет 26. После обыска его арестовали и продержали в тюрьме 6 мес.[2]. Во время обыска у моего брата Наума меня на фабрике не было, т. к. обыск был в воскресный день, а я каждый раз в субботу уходил домой в деревню, брат же оставался. Отец его очень ругал и даже ударил за то, что был обыск и что он шляется со всякими людьми неизвестно где. Брат больше отмалчивался.

---

[1] На самом деле Поляков был арестован 16 августа 1895 года и сидел в Таганской тюрьме до 5 марта 1897 года; в административном порядке Поляков получил 3 года гласного надзора в Восточной Сибири. Отправлен был туда 3 июля 1897 года. Отбывал он ссылку в селе Тасееве, Канского уезда, Енисейской губ. Окончил ссылку в 1900 году, остался в селе Тасееве фельдщером и умер там от туберкулеза в 1903 году.— *С. М.*

[2] Королев Семен Васильевич был арестован 16 декабря 1895 г., содержался под стражей до 5 февраля 1897 года, приговорен на 3 года гласного надзора на родине. *С. М.*

В 1895 году брат Наум, Королев и я расклеивали прокламации; в особенности Наум очень ловко умел проводить полицию. Расклеили печатное стихотворение «Награда». На всех оно произвело большое впечатление. В это время, зимой, мы выгружали кирпичи. Я забежал в сторожку покурить; там сидели два жандарма, два хожалых и еще один увечный старик-рабочий. Он считался начетчиком и читал им в это время апокалипсис. Я знал, что этот старик, переводя с церковно-славянского на русский, страшно все искажает, а они слушают и плачут. Я рассмеялся. Жандарм ко мне пристал: — «Чей ты такой? Не эти ли расклеивают разные прокламации на воротах?»

Я вспылил: «Если бы я хотел налепить, я бы тебе на спину налепил, и ты ходил бы столько времени и не знал».

И вот с тех пор этот жандарм все время преследовал меня по пятам, ходил за мной и даже ездил, если я куда-нибудь уезжал.

Не помню точно в девяносто каком году дядя Гриша и еще двое из наших товарищей ходили на сходку, которая была под Люберцами в лесу. На сходке было человек 30-40, приезжали ораторы из Москвы. Дядя Гриша перед уходом распустил слух, что идет богу молиться, и пошел с сумой, как настоящий богомолец.

Г. П. Овчинкин[1]

На Раменской фабрике

У нас на Раменской фабрике был в 1892—93 гг. ткач Семен Королев. Я тогда еще был небольшой. Мы, молодежь, бывало, вечером завариваем чай в кубе и ждем, когда к нам придет Семен Васильевич. Он вбегает к нам и кричит:

— Ну-ка, сынки, налейте-ка старичку.

Мы ему наливаем чаю, он садится и начинет нам что-нибудь рассказывать. Балагур он был и много говорил в стихах. Вот, например, он рассказывал про попа:

После праздничка введенья,
Средь Филиппова говенья,
Только стал отобедовать,
Батюшку, отца духовного,
Для прощения греховного
Пригласили исповедывать.
Семь верст ехать не близко.
Чорт побрал бы окаянных!
Каждый раз из-за пятиалтынного
Беспокоят, словно ссыльного.
Плоха жизнь поповская,
Хуже вдвое, чем холопская:
Поп не доспит, не дообедает,
То крестит, то исповедует.
Наливает винца кружечку,
Попросил в сани подушечку,
А совсем когда управился,
Сел в сани и отправился.

Дальше идет, как он у богатого на исповеди увидел боченок с вином, попросил попробовать, а потом напился до бреда и свалился.

Читал нам Семен Королев стихотворение «Орина — мать солдатская».

Другой рабочий, Носов, рассказывал про бога, но мы, еще совсем ребята, не понимали, к чему эти стихи и рассказы, хотя они нам очень нравились.

Мы знали, что на фабрике есть кружок, куда входили: Королев, Носов, Федя Полячек, Наум Туркин, дядя Гри-

---

[1] Воспоминания Г. П. Овчинкина записаны в 1923 г. Н. П. Милютиной.

ша — всего человек 6-7, но как они собираются и что делают в кружке, нам было неизвестно.

Фабричные этих лиц называли обыкновенно безбожниками.

Кто-то из этого кружка написал стихотворение «Награда».

Нас всегда берет досада,
Как наш хозяин каждый год
Дает приказчику награду
Рублей по триста, по пятьсот.
За что им всем такое счастье,
За что такая благодать,
Когда рабочему в несчастьи
Жалеют рублик передать?
Когда истерзанный рабочий
Бедняк за помощью придет,
То управляющий сердито
Кричит ему: «Возьми расчет!».
. . . .
. . . .
Прядильщик, ткач, не жди награды —
Копейки сроду не дадут.

Это стихотворение было расклеено по всей фабрике, а директору наклеили на дом.

У Королева был обыск, были обыски и у других членов кружка. Королева арестовали, и он просидел в крепости год восемь месяцев [1].

---

[1] См. о Королеве воспом. Я. Г. Туркина, стр. 202. — *С. М.*

З. Л. Лавров[1]

Жизнь была кипучая...

(Воспоминания старого рабочего-металлиста)

Это было давно, 35 лет назад, но когда вспоминаешь, кажется, что это было как будто вчера.

На Немецкой[2] улице, угол Аптекарского переулка, напротив шерсто-прядильной фабрики, бывшей Дюфурмантель, в невзрачном домике, где была гастрономическая и винная лавка, наверху в мезонине или светелке обретались Александр Хозецской[3] с матерью, Константин Бойе с сестрой Марией Федоровной и двумя братьями — Федором и еще одним парнишкой, как звать, не помню. Вот тут-то и был положен гранитный камень революционного движения пролетариата Москвы.

Сюда-то и собирался революционный пролетариат «грызть» «Капитал» Маркса. Грызли упорно, несмотря на голод и отчаянный холод этой хибарки. Занимались при плохом освещении. Когда лопалось стекло, у кого-нибудь из нас находился огарок свечки; зажигали его и снова продолжали учебу. Засиживались до поздней ночи. Разбирали Карла Маркса, Энгельса, Лассаля, Бокля, Чернышевского. Происходили горячие споры о прочитанном. Больше всех спорил Саша Хозецской. Парнишка он был упрямый, горячий, энергичный. Бывало, с работы идет — обязательно кого-нибудь из торговцев облает:

— Ишь, как от прибавочной стоимости растолстел.

В этот флигель собирались чуть ли не со всей Москвы: из Замоскворечья с завода «Гоппер»—Поляков; кажется, бывал и модельщик Самохин с этого же завода; с Брестской ж. д. — слесарь Немчинов и Прокофьев из Преображенской и из Измайлова. Вообще трудно всех упомнить. Да и было-то тогда организованного революционного пролетариата, рабочих-марксистов человек 50 или 60 да интеллигенции, которая имела активную связь с нашим кружком, человек 10 или 15.

---

[1] Восп. З. Л. Лаврова были помещены в 1929 г. в газете «Рабочая Москва». Лавров умер в 1931 г. *С. М.*

[2] Теперь улица Баумана.

[3] Очевидно — Хозецкой.—

В 1895 г. кружок Хозецского и Бойе был разгромлен жандармерией. Многих арестовали. Помню, остались немногие — я, Лавров, Никита Федорович Голоднов, рабочий-токарь с завода Вейхельдта, Мария Бойе. Был организован мною революционный кружок у меня на квартире, там же, в Лефортове, на углу Денисовского и Дорослободского переулка, напротив так называемого трактира «Каторга». Вот тут-то, рядом с «Каторгой» и приютился революционный кружок марксистов—Московский союз освобождения труда РСДРП, который образовался в 1898 г. [1].

Тогда я работал на заводе Вейхельдта. Этот завод знаменит тем, что он являлся рассадником революционной идеи среди пролетариата Москвы. Хозяин этого завода был скупой, требовательный, строгий и выжимал из рабочих все соки. Штрафовал беспощадно за всякую мелочь.

В мой кружок в 1895 и 1896 гг. входили рабочие с завода Вейхельдта: Зиновий Яковлевич Литвинов-Седой, Петр Ястребов, Никита Голоднов, Иван Дзиконский, Николай Кириллов и много других с разных фабрик и заводов Басманного и Лефортовского районов. Дело кипело. Я снабжал рабочих нелегальщиной, которую мне доставлял добросовестно и аккуратно Николай Михайлович Величкин. Этот интеллигент был неутомим; бывало, зимой в мороз прибежит вечером в летнем пальтишке, весь набит нелегальщиной, а утром мне нужно было ее рассовать своим товарищам на заводе. Ребята были жадны до этих книжек. Бывало, как приду на работу, они уже ждут меня, как манны. А книжки были действительно заманчивы, как-то: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Царь-голод», «Краткая политэкономия» Свидерского, «Куда наши денежки идут, куда наши кровные ползут» и др.

Да, жизнь была кипучая, боевая. Жили мы — не тужили, нюни не распускали, не скулили и не хныкали, а ковали без устали. Горячие брызги от раскаленного железа жгли нам грудь, лицо и плечи, но мы ковали Октябрь, диктатуру пролетариата, которая в настоящее время обрабатывается, шлифуется и полируется.

---

[1] Дело идет, очевидно, о «Московском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». — *С. М.*

Волынкин

Из воспоминаний рабочего [1]

В 1894 году, когда мне было 16 лет, я работал на фабрике Малышева (мебельных материалов) в Москве, на Благуше. Всего рабочих было человек 200, работа производилась ручным способом, физически страшно трудная; работали сдельно и зарабатывали от 80 коп. до 1 рубля в день, а продолжительность рабочего дня была от 14 до 15 часов. Столовались в артельной кухне, спали тут же на станках. за ворота нас выпускали только по субботам и воскресеньям; получку получали, когда вздумается хозяину. Рабочие были темные и забитые, хозяина страшно боялись. Часто нас зимой выгоняли за ворота пособлять лошадям везти во двор фабрики материал или дрова, а кто не желал итти, тому сейчас же давали расчет. Мы были как крепостные: в воскресенье кто запоздает после 10 часов вечера пройти в ворота, то дворник бил за это по шее. Духовной жизни не было никакой, по вечерам пели песни или рассказывали друг другу сказки, газеты читали страшно редко, а если и читали когда, то исключительно «Московский Листок», да и то только лишь хронику и фельетоны Пазухина. Молодежи нас на этой фабрике было человек 15, из них часть ходила в воскресную школу на Ново-Басманную улицу, где помещалось Ольховское училище; там была группа учителей-прогрессистов или народников (точно не помню), занимались они с нами очень хорошо, собирали более понятливых рабочих в отдельную группу, читали нам лекции по химии, физике, русской истории и политической экономии. Эта школа нам много помогла в смысле нашего развития. Была там также и библиотека, из которой мы прочитывали много хороших книг, в том числе всех русских классиков, беллетристов и всю народническую литературу. И так у нас на фабрике образовалась группа молодых рабочих, и мы повели отдельную жизнь от стариков: водку не пили, сказок не слушали, собирались, бывало, летом на Семеновском кладбище, а зимой у кого-нибудь на квартире и читали вслух; помню, читали Успенского, Златовратского, За-

[1] Воспоминания эти записаны в 1923 г. по поручению Моск. Истпарта тов. Е. Н. Поповой. Здесь приводится отрывок из этих воспоминаний.— *С. М.*

содимского, Писемского, Эркмана-Шатриана «История одного крестьянина», Виктора Гюго «Спартак» и много других книг. Когда мы прочитали достаточно таких книг, то нас прочитанная литература не стала удовлетворять, потому что в ней было мало писано о рабочих и о их тяжелом житье и как им улучшить свое положение. Мы слышали, что есть еще другие книги — подпольные, бесцензурные, в них и написана вся правда о рабочих и указано, как нужно рабочему улучшить свое положение. Очень нам хотелось почитать этих книг; хотя и знали, что за них сажают в тюрьмы и всячески преследуют, но все-таки мы их везде искали. Наконец наше желание исполнилось. Помню, в 1897 году осенью к нам на фабрику поступил ткач Василий Петрович Быков, ему было лет 35, из себя высокий брюнет с длинными волосами и суровым взглядом. В первое время он ни с кем из нас не разговаривал, держался особняком, и про него на фабрике прошел слух, что он не признает бога. Нам очень хотелось познакомиться с ним поближе, но он нас как-то все сторонился. Так продолжалось целую зиму до весны. Сам же тов. Быков за нами все наблюдал и к нам приглядывался. Наконец, вскоре после пасхи, как-то раз в субботу он подходит ко мне и говорит: «Завтра в 11 час. утра приходите гулять на Семеновское кладбище, там я вам кое-что прочитаю, и скажи своим товарищам, а больше никому не говори». И вот в воскресенье нас человек 10 молодежи собралось на кладбище, и мы в первый раз услыхали подпольные книги. Помню, он нам прочитал две брошюрки: «Пауки и мухи» и «Хитрая механика». Мы, затая дух и с замиранием сердца, слушали эти книжки; нам было немного страшно, и вместе с тем мы поняли настоящую правду. Дальше он нам рассказал о ткаче Петре Алексеев, с которым сам был лично знаком; еще рассказывал о морозовской стачке; и так мы просидели с ним до вечера. После этого у нас открылись глаза и мысли наши стали работать по-новому.

Из беседы с Марией Аристарховной Игнатовой [1]

(По ее личным воспоминаниям)

Игнатов (или Игнатьев) Федер Игнатьевич родился в Смоленской губ., Гжатском уезде (1864 г.), учился в городском училище. Обучался слесарному мастерству. В Москве работал сначала в Нижегородских железнодорожных мастерских помощником слесаря, потом слесарем в вагонных мастерских. Здесь он работал до 1893 года, когда был уволен за подачу прошения об улучшении санитарно-жилищных условий рабочих. В 1893 г. поступил на завод Гужона (слесарем). Здесь он познакомился с Филимоновым, Андреем Карпузи (который работал в это время на зав. Гужона) и с К. Бойе; стал ходить к К. Бойе, у которого происходили чтения. Ф. Игнатов брал книжки у К. Бойе, которые потом читал на дому у Игнатовых. Читала чаще всего жена Игнатова Мария Аристарховна, так как рабочим нравилось ее чтение: она была хорошо грамотной. Собирались рабочие с завода Гужон — Неугадов и Красивский, приходили два брата Бойе, Андрей Карпузи, А. Хозецкой, Михаил Петров, Ф. Поляков. Жили Игнатовы в это время по Большому Рогожскому пер., в д. Шировской. Читали: 1) «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», 2) «О штрафах», 3) «Стачки». Литературу приносил А. Хозецкой.

В мае 1895 г. Игнатов был уволен с завода Гужона за агитацию и пропаганду и поступил в мастерские Моск.-Курской ж. д. После провала кружка соц.-демократов чтения прекратились.

Мария Аристарховна помнит, что муж ее Ф. Игнатов (слесарь) и Филимонов Владимир Ильич (токарь) с фабрики Гужона ходили куда-то на чтения, где были рабочие и с других заводов и фабрик: с зав. Перенуда, Вейхельдта и др. Перед коронацией в 1896 г. Игнатова выслали из Москвы на 2 месяца. Летом 1896 г. Игнатов возвратился в Москву, и у него завязались связи с кружком Колокольникова, но Игнатов принимал в это время участие в агитации и пропаганде очень незначительное. Из старых знакомых ходила Мария Федоровна Бойе.

---

[1] Игнатова, старуха лет 70, жила в приюте для стариков и старух Рогожско-Симоновского района. Записано Н. П. Милютиной в 1923 г. — *С. М.*

О маевке 30 апреля 1895 г. я знаю следующее: недели за 2 до 30 апреля пришел К. Бойе и позвал Игнатова ехать в Кусково выбрать место для сходки. Дня за два до сходки Пелагея Сергеевна[1] принесла к Игнатовым на квартиру литературу (воззвание о 1 мае). На сходке выступил Карпузи, народу было много.

В 1901 г. Игнатов делается зубатовцем (зубатовцы вербовались из среды возвращающихся из-под ареста рабочих). В это время Игнатов состоял членом совета рабочих механич. производств[2]. В 1905 г. Игнатов поступил швейцаром в одну из школ, каковая служила местом собраний рабочих; рабочие к нему, как к зубатовцу, относились очень подозрительно, и он никакого почти участия в 1905 г. не принимал, ушел в чтение. С 1910 г. до революции состоял служащим «Общества чтений для рабочих». В 1918 г. поступил курьером в Рогож.-Сим. совет и в 1919 г. умер от сыпного тифа, состоя сочувствующим коммунистической партии и членом коммунистического клуба Рогожско-Симоновского района.

---

[1] П. С. Мокроусова-Карпузи.
[2] Зубатовская организация. — *С. М.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо С. И. Прокофьева к С. И. Мицкевичу [1]

Дорогой Сергей Иванович!

На Ваш запрос о Миролюбове хотел написать побольше, да боюсь перепутать, так прошло много времени, когда я оторвался от Москвы. Новое поколение, наша смена не может себе представить, в каких потемках мы, старые рабочие, блуждали, точно слепые, ища дорогу к выходу из своего бесправного положения. Мы спотыкались на каждом шагу. Легальная литература того времени еще больше затемняла наш ум и усыпляла наше классовое самосознание. Царящая темнота и сплошная безграмотность среди рабочих того печального времени, какое переживали мы, толкали на суеверие, и религия крепко держала нас в своих цепких руках. Чувствуешь с болью, как мы плелись в потемках, ища смысла жизни, и натыкались на вредные мысли духовных отцов вроде того, что «истина не может быть постигнута человеческим умом». Рабочие того времени мало интересовались своим положением, ибо большинство было связано с деревней и на свое положение смотрело как на временное. Грамотная молодежь читала больше народническую литературу, и подсахаренного мужичка писателя Златовратского принимала за действительность. Книга «Власть земли» Успенского имела большой успех; места в книге, где говорилось, как крестьяне-переселенцы, уходя на другие места, целовали свою землю и набирали ее в платочек на память, читали с волнением. Мы были во власти земли, царя и бога. Только знакомство с Вами освежило ту атмосферу, в которой мы жили, и та марксистская литература, с которой мы стали знакомиться, прояснила те потемки и указала путь к борьбе. Это—40 лет назад. В то время, в 1891 г., и начал строиться заводик Грачева, кажется в Курбатовском пер. На этом заводе, по словам Николая Антоновича Миролюбова, слесаря этого завода, с которым я познакомился, кажется, в 1893 году, было не более 100 человек, потом этот завод вырос к 1900 году, когда уже меня не было в Москве. Миролюбов был одним из симпатичных юношей, но очень религиозный, до фанатизма; несмотря на это, он очень скоро стал членом нашей ячейки. Подпольную ли-

---

[1] Это письмо получено мною от С. И. Прокофьева 6 декабря 1931 г.

тературу, которой Вы снабжали нас, мы читали вместе, и прочитанное Миролюбов легко усваивал, и в нашей ячейке он сделался одним из лучших пропагандистов. Если Немчинов начинал пропаганду с евангелия, так сказать, обходным путем подходил к рабочему, то Миролюбов бил в самую точку. Из выписываемой нами газеты «Русские Ведомости» все попадавшиеся статейки, касающиеся рабочего движения на Западе, особенно корреспонденции из Берлина Иоллоса, Миролюбов вырезывал, наклеивал их на тетрадку, и этот материал давал ему возможность легче и безопасней подойти к рабочему. С этого он начинал свою беседу, а потом уже переходил и на подпольную литературу. Таким образом Миролюбов завел на заводе Грачева свой кружок, с которым занимался самостоятельно. Он был очень умелым пропагандистом и осторожным, почему он и избегал всевозможных репрессий со стороны полиции, но трусливым он не был. В 1895 г., кажется, в мае месяце, когда за студентом Дурново усилилась слежка и надо было из его квартиры перенести станок со шрифтом в другое место, то Миролюбов взялся за это дело и со мной он вынес эти тяжелые вещи, передав на хранение своему товарищу, приказчику на Мал. Грузинской улице в лавке Воронцова. В августе 1895 г. я был арестован и сидел в «Каменщиках». Миролюбов от Грачева перешел на работу в тюремную мастерскую инструктором, чтобы связаться с арестованными. После моей высылки в Екатеринодар Миролюбов переехал в Петербург и поступил на Обуховский завод, где работали наши товарищи: Семенов и Дымов. Из Петербурга он уехал в Германию и вернулся обратно разочарованным. Я его потом потерял из виду, но слышал, что он переехал в Сибирь и работал где-то там мастером. С завода Грачева двух рабочих я встретил у студента Орлова, который с ними занимался, но в то время я был перегружен и в виду конспирации, чувствуя за собой слежку, новых знакомств не заводил, а завод Грачева, в виду его незначительности по тому времени, выпал из поля моего зрения. Вот почему я не могу сообщить Вам более точных данных. Мне кажется, об этом может сообщить или написать свои воспоминания Немчинов, который все время жил в Москве, и на его глазах рос Грачевский завод. Сергей Иванович! писать о том, что было раньше, в каких условиях мы работали, как-то не вяжется с сегодняшним днем. Я помню старых рабочих, которые на своей спине выносили крепостное право и рассказывали нам, молодым рабочим, о жизни у помещика, мы слушали как сказку, а теперь говорить, как мы, старые рабочие, шептали, что вычитаем в газете между строк о борьбе рабочих на Западе, и с каким риском давали читать под-

польную литературу! Разве это не сказка? Взять ту темную, суеверную, некультурную массу рабочих 40 лет назад, работавшую по 12 и более часов в сутки, и сравнить, с каким геройством сейчас рабочая молодежь строит новую жизнь, из бывшего пролетария превратившись в хозяина страны, удивляя весь мир своей энергией, завоевав симпатию пролетариев всех стран, заставила дрожать буржуазию Запада своей пятилеткой, переходом на 7-часовой рабочий день. Разве это не сказка? Социализм — наше мечта — становится действительностью. Плановое хозяйство нашей страны прокладывает столбовую дорогу к коммунизму. Видеть на своем веку перерождение страны из самой отсталой, темной, забитой в страну передовую, указывающую путь к борьбе за лучшую жизнь рабочим всего мира—эта действительность дает такую веру в скорый конец эксплоатации человека человеком, что мы, старики, еще увидим на своем веку Союз советов всех стран. Конец звериной борьбы между людьми не за горами!

Письмо Н. А. Афанасьева к С. И. Мицкевичу [1]

Здравствуй Сергей Иванович!

Я вычитал в газетах, где сначала Лавров поведал о первых московских рабочих собраниях, потом Вы, С. И., проверили этот домик; верно и Вы бывали там часто, и это было, как я помню, в 1895 году перед пасхой, так в апреле месяце, помните, я приходил со старичком лысым Осипом Васильевым с фабрики Филиппова, что у Салтыковского моста, где и постановили сделать собрание на 1 мая в Кускове, как раз в Шереметьевской роще.

На нашем собрании были: Хозецкой Саня, Костя Бойе, Мария Бойе, Поляков Федор Иванович (впоследствии сослан был в гор. Канск, Енисейской губ., и там помер), Осип Васильев — старичок лысый, небольшой — и много других и я — Афанасьев, да верно и Вы [2] были тогда.

С Поляковым Федором Ивановичем до 1902 года я вел переписку в бытность мою на фабрике на Кавказе, в городе Петровске, Дагестанской области. Теперь мне 63 года, и я работаю кустарем-личником у себя на квартире и состою в промсоюзе.

Афанасьев Ник. Афан.

В заключение пожелаю Вам всего лучшего.

---

[1] Это письмо было получено мною от Н. А. Афанасьева в 1929 г. после празднования в апреле этого года 35-летия Московской организации. При нем была приложена рукописная копия с 1-майского воззвания, которая здесь и приводится, другое воззвание на 1 мая см. в «Литер. Моск. раб. союза», стр. 65—68. — *С. М.*

[2] Я сидел в это время в Таганской тюрьме, в Москве.— *С. М.*

Воззвание на 1 мая *

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-е мая.

Наступает весна, солнце все сильней и сильней нагревает спящую природу, призывая к жизни сотни миллионов всякой твари земной. Все пробудилось: леса, луга покрываются новой зеленью. Там, где снежный покров точно в оковах держал спящую природу, там теперь ключом бьет новая жизнь, жизнь, полная силы. Люди спешат насладиться всеми прелестями наступившей весны. 1 мая длинные вереницы карет и колясок с разодетыми богачами несутся за город для того, чтобы подышать свежим воздухом и встретить весну.

Все наслаждаются, только одни фабричные и заводские рабочие не знают об этой весне и не видят весеннего солнца, они попрежнему заперты в стенах душных фабрик и заводов. У них одно солнце и для зимы и для весны: электрическая лампочка или газовый рожок, при свете которых они работают. Но, чу! за границей и на рабочих повеяло весной, там и рабочие наравне с богачами встречают весну. Там 1 мая рабочие кончают работу и идут за город со знаменами на митинг, где обсуждают свое положение, и в этот день пред'являют свои требования правительству об улучшении своего положения. Но мы, русские рабочие, пока тайно постановили этот день 1 мая праздновать вместе с рабочими западных стран.

Да здравствует 1 мая — праздник рабочих всех стран!

Воскресенье [1]

Если бы вам пришлось побывать в Я[рославле], то вы услышали бы везде, начиная с салонов и кончая пивными для простого народа, речь об одном и том же — о стачке на Корзинкинской фабрике. Насколько взволнованы этим событием я[рославск]ие обыватели, можно видеть из того, что, когда по случаю пожара забили тревогу, все думали, что рабочие двинулись в самый город, от которого фабрика отстоит на версту.

---

* Это воззвание прочитал на маевке в 1895 г. в Шереметьевской роще революционер Мартын (т. е. Мартын Николаевич Лядов-Мандельштам.— *С. М.*).

[1] Это письмо Каверина, студента-марксиста в Ярославском лицее, поддерживавшего связь с Московской организацией. Даются сведения о стачке на Корзинкинской мануфактуре в мае 1895 г. Найдено в числе «вещественных доказательств» в Архиве революции и внешних сношений.— *С. М.*

На бульварах, где обыкновенно гуляет весь Яр., до вас доносятся слова из кучки трех и более человек такого рода: «Рабочих убито...», «Беззаконие», «По статье 1359 ул. о наказ. и ст.ст. 1358, 1358...» и т. д. И благодаря тому, что стачка эта сильно взволновала всех, нельзя проследить истинные ее размеры и результаты, которые получают все более и более... громадную величину в устных передачах. Доподлинно пока известно, что в городской больнице есть раненые рабочие и работницы; достоверно известно, что 6 человек убитых и человек 18 раненых; говорят, что есть убитые и раненые между солдатами. Кстати, вся дивизия охраняет теперь фабрику. Но, что всего интересней: фабричной администрацией, ее поведением сильно возмущены такие лица, как здешний прокурор, начальник Казенной палаты и др. Рабочие же особенно высказывают недовольство Щаповым, помощником директора, и бухгалтером, после выдачи коих они соглашались приняться за работу. Главный виновник же, управляющий Федоров, остался за спинами своих подчиненных и удрал в Москву. Щапов скрылся, переодевшись предварительно в женский костюм. Указанные же высокопоставленные, прокурор и др., удивляются также поведению рабочих. Разбито ничего не было, виновниками же столкновения с войском были полковник Миклашевский и один офицер, фамилию которого не знаю (замечаю, что все, что я передаю, знаю из официальных источников: губернатора, прокурора, начальника Казенной палаты).

Так, Миклашевский, полковник, явившись на фабрику, прежде всего обратился с отборными русскими словечками к рабочим, приказывая немедленно разойтись; когда же получил ответы, велел стрелять, сначала холостыми, потом вверх, и вот здесь рикошетом был убит мальчик (9 лет) и женщина сильно ранена.

С офицером же произошла такая штука. Рабочие, скопляясь все более и более в одно место, потеснили роту солдат; офицер, тоже сказавший предварительно по-русски, приказал взять ружья на руки и бить прикладами; рабочий, замахнувшийся на него камнем, был проткнут насквозь штыком. Ответственность за поведение сего офицера взял на себя губернатор. Часто бывают стычки между солдатами и рабочими, когда последние препятствуют желающим работать итти в корпуса (желающими прекратить стачку являются пока исключительно женщины). Что же было сегодня, одному богу пока известно, предполагаю только, что случилось нечто ужасное; утром с 8 часов видел, как с музыкой прошло войско на фабрику, и вечером на

бульваре, который обыкновенно громят[1] офицеры, не было видно ни одного военного. Прежде чем перейти к причине стачки, не могу не сообщить несколько случаев, хорошо характеризующих поведение рабочих. Первый день, в среду, они желали послать телеграмму и прошение великому князю Сергею Александровичу, но все это не было принято на телеграфе по распоряжению губернатора. В четверг разнесся между рабочими слух, что едет великий князь, и они отправились в числе 500 чел. на встречу с гимном, об'яснить ему свое безвыходное положение, но были остановлены солдатами по дороге. Публика, посещающая фабрику, доктора и др., сверх своего ожидания не слышали ни одного грубого слова, даже нет особых повышений в разговорах, но во всем чувствуется удивительная со стороны рабочего сдержанность (по словам доктора). Одного только просили, не разговаривать с рабочим из опасения его целости и своей, боясь придать стачке другую какую-либо личину . . . . .[2], дать возможность начальству видеть в стачке что-нибудь иное. К другому обращались с такими словами: «Ты что здесь шляешься? Мало ли кто может нарядиться, — вчера видели одного, а стали с ним говорить, он говорит-то глупее нас, а когда цыкнули, он дал деркача к солдатам». Когда губернатор уговаривал их разойтись, говоря приблизительно следующее: «Ребята, идите спать, ведь уже 11 часов», ему ответили: «Дедушка, иди ты спать, ведь ты уже стар и кости, чай, уже ломят, а мы народ привычный». Когда перевозчику было запрещено возить рабочих из города на фабрику, через . . . . .[3], а он все-таки перевозил, стали говорить, что его возьмут в участок, он отвечал: «Ну, что же, надо и мне отдохнуть; ведь тоже устал, целые сутки перевозя». И когда городовой на берегу об'явил, чтобы он шел с ним в участок, тот: «А перевозить ты за меня будешь? Ведь хозяин мой не ты, а, впрочем, пойдем — отдохну».

Причина: сбавка платы с 68 коп. с пуда до 45. Было об'явлено об этом недавно; когда же рабочие уходили на праздники, им ничего не было сказано о сбавке и были взяты у них на праздник рабочие книги, без уплаты даже части денег, заработанных до пасхи. Эта же сбавка коснулась и вновь нанятых на праздники рабочих, большею частью из Владимирской губ. Кроме того работа теперь производится с отбросами, а не с хорошим хлопком. Так что если рабочего сдельная плата прежде была 12—15 и

[1] Так в рукописи. — *С. М.*
[2] Неразборчиво в рукописи. — *С. М.*
[3] Слово не разобрано. — *С. М.*

20 руб., теперь она не доходит до 10 руб., а бывает 8, 9 и даже 6 руб. Виновник Федоров. Если же присоединить сюда зверство Щапова и лисью натуру директора, постоянные штрафы, которые были увеличены с 2 коп. за прогульный час до 5, то будет понятна причина стачки. Забастовало около 7.000 человек, и яро требовали выдачи Щапова и бухгалтера.

Борис Константинов.

Говорят, что прокурор откажется вести это дело, — комедия. Не очень давно видели фабрику студенты, посетив ее с профессором, и все было хорошо, а в особенности хороши обед и речь Федорова, в которой он старался доказать, что наш рабочий лучше западного и живет не хуже.

С. И. Мицкевич

О старейшей ячейке Ленинского района на заводе бывш. Гоппера, потом Михельсона, ныне имени Ильича [1]

Летом 1894 г. через одного миссионера-начетчика, жившего в единоверческом Хлудовском монастыре, я познакомился с модельщиком с завода Гоппера Тимофеем Тимофеевичем Самохиным. Я получил связь на новом заводе и притом связь очень интересную.

Самохин был очень развитой рабочий, он еще до знакомства с нами интересовался рабочим вопросом, перечитал все легальные книги по этому вопросу, которые смог достать в библиотеках, изучал эсперанто с целью завести переписку с заграничными рабочими и давно жаждал знакомства с революционной интеллигенцией. Первой книжкой, которую он получил от нас, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу прекрасно усвоил. На заводе Гоппера он не был одинок: там был уже несколько лет кружок рабочих, во главе его стоял мастер модельного цеха Иван Семенович Малинин, в него входили еще следующие товарищи: И. А. Привалов, М. С. Алексеев, Яков Ларионов, С. Ф. Степанов, П. Егоров, А. Н. Кудрин, М. Васильев, Г. С. Малахов, П. А. Старостин, А. П. Сергеев, Циголь. Самохин доставлял книги и брошюры, получаемые от нас, в этот кружок; книги читались совместно и обсуждались. Через несколько месяцев Самохин заявил, что они усвоили книжки, которые мы им давали, и просили прислать им руководителя для более углубленных занятий. Самохин стал ходить по кружкам рабочих с других заводов.

---

[1] Статья эта была помещена в «Рабочей газете» в октябре 1923 г.

Гопперовский кружок скоро перешел к более широкой агитации в массе. В мае 1895 г. хозяин Гоппер получил анонимное письмо, в котором описывается организационная работа этого кружка. Письмо это Гоппер переслал в охранное отделение, в архиве которого оно и сохранилось. Вот содержание этого интересного письма[1]: «Москва, Братьям Гоппера, Алану Васильевичу у Вас мастер модельной Иван Антонов (Ив. Ант. Привалов. *С. М.*) не признающий бога высших властей и всех сбивает мальчиков модельщиков. Загородная компания собирает молодых людей Сергея Федотова, Григория Сергеева, Александра Никанорова, Михаила Васильева, Павла Егорова и собирает много мальчиков с разных заводов, стали стачки делать, собирается их большая компания человек по 200—150 и хотят бунт сделать и добираются до инспектора и не признают государя».

Полицейский пристав получил письмо сходного содержания:

«Господину приставу. Просим вас покорнейше узнать об мастеровом люде, проживающих у сыновей Гоппера на заводе. Модельщики есть, не признающие бога и высших властей и ругают не печатными словами его величество, их же модельный мастер Иван Антонов и Сергей Федотов, московский мещанин, розыскали таких студентов, студенты доставляют книги такие, чтобы не повиноваться властям, собираются за город всех заводов человек 300—500 и хотят сделать самоуправство».

Из этих писем видно, как широко велось дело в 1895 г.

В августе 1895 г. были большие аресты среди московских рабочих. Хотя гопперовских рабочих они и не задели, но Самохин, повидимому, счел более благоразумным уехать в Петербург. Там он примыкает к кружку, руководимому В. И. Лениным, и арестовывается в январе 1896 г. по делу этого кружка. После шести месяцев предварительного заключения он поселяется в Орехово-Зуеве, где опять ведет пропаганду среди рабочих. Приговор он получает: шесть месяцев тюрьмы и 3 года гласного надзора. Что стало с ним дальше, мне неизвестно.

А между тем гопперовский кружок продолжает работу. В 1896 г. выделяются еще как энергичные агитаторы гопперовские рабочие Гаврилов и Изот Михалевский. В 1896 г. многие члены кружка арестовываются, другие арестовываются в 1897 г., и кружок в своем первоначальном составе прекращает свое существование.

[1] Сохраняется правописание подлинника. — *С. М.*

Но дело, заложенное этой первой ячейкой, не погибло. Нашлись продолжатели. Организация продолжала жить и дожила до революции и до нашего времени. Нынешняя ячейка продолжает дело, начатое ячейкой Малинина и Самохина. Она должна содействовать его победоносному завершению.

Следует отметить также связь первой ячейки завода Ильича с Ильичем через Самохина и других гопперовских рабочих, переселившихся в Питер: Шепелева[1], Морозова, Демичева.

Привожу здесь еще документы, касающиеся кружка на этом заводе.

13 марта 1896 г. за № 2669 поступил из С.-Петерб. жанд. упр. запрос в Московское охранное отделение с препровождением фотографической группы рабочих завода Гоппер, с целью выяснения лиц, изображенных на карточке.

В ответ на этот запрос за № 2067 1896 г. последовал ответ, устанавливающий фамилии рабочих, при чем сообщается, что на карточке двое, лежащие впереди своих товарищей — крестьянин Бронницкого уезда, Троицко-Лобановской волости, деревни Мидтковой Иван Семенов Малинин (бывший мастер зав. Гоп.) и запасной унтер-офицер лейб-гвард. Литовского полка, из мещан гор. Горецка, Иван Антонов Привалов; оба эти лица принадлежат к соц.-демократическому кружку.

При отношении приложен список лиц, изображенных на карточке:

1 ряд: 1) Малинин Иван Семенов. 2) Привалов Иван Антонов. 4) Алексеев Михаил Сергеев. 5) Яков Ларионов. 12) Самохин Тимофей Тимофеев.

2-й ряд: 3) Сергей Федотов Степанов. 6) Егоров Павел. 7) Кудрин Александр Никанорович. 8) Васильев Михаил. 13) Малахов Григорий Сергеев. 14) Старостин Иван Алексеев.

3-й ряд: 3) Сергеев Андрей Платонов. 7) Циголь. 11) Ларионов.

Карточка снята в 1892 году[2].

Секретно

Отношение начальника Моск. губерн. жандармск. управл. от 16 апреля 1896 года № 2841

«Начальник С.-Петербургского губ. жан. управления, при отношении от 13-го сего апреля за № 3543, при копии с постановления, пре-

[1] Шепелев — ныне член Общ. старых большевиков.
[2] Карточка эта хранится в Музее революции Союза ССР в Москве.

проводил ко мне на распоряжение фотограф. группу рабочих модельной мастерской завода Гоппера, снятую в 1892 году, близ Симонова монастыря, отобранную по обыску 27 февраля с. г. у Степана Зайцева, привлеченного вместе с изображенными на этой группе Тимофеем Самохиным, Семеном Шепелевым и Дмитрием Деминевым, к производящемуся при С.-Петерб. губ. жан. управлении дознанию по обвинению в преступлении, предусмотр. 250 ст. ул. о наказ. Из помянутой копии с постановления усматривается, что относительно изображенных на группе Ивана Семенова Малинина и Ивана Антонова Привалова, что они в политическом отношении неблагонадежны и деятельность их проявилась в г. Москве. Независимо изложенного, из копии с показания обвиняемого Тимофея Самохина усматривается, что он летом 1894 г., работая на заводе Гоппера в Москве, познакомился там с каким-то интеллигентом, назвавшимся Иваном Ивановичем, который, давая ему для прочтения различные нелегальные издания, и беседами развивал его в известном направлении. Свидания у них назначались преимущественно на Кокоревском бульваре. Зимой 1894—95 гг. Самохин, по приглашению помянутого интеллигента, в числе 4 рабочих, присутствовал на чтении по тетрадям теории Карла Маркса в неизвестной ему квартире, на углу Пятницкой ул. и какого-то переулка, вскоре после чего он слышал об аресте этого интеллигента.

В целях выяснения изложенных обстоятельств, прошу распоряжения Вашего Превосходительства о сообщении мне, что именно известно о преступной деятельности Ивана Семенова Малинина и Ивана Ант. Привалова, а равно о сообщении могущих оказаться в распоряжении вашем сведений, в разъяснение обстоятельств, объясненных Самохиным, и в видах выяснения, на чьей именно квартире могли происходить сходки.

За нач. упр. П. Иванов».

Дело 487 1894 г.

№ 30 5 *Секретно*

От 20 апреля 1896 г.

Отношение охр. отд. нач. Моск. губ. жанд. упр.

«На отношение № 2841 имею честь уведомить Ваше Пр-во, что рабочие Иван Семенов Малинин и Иван Антонов Привалов замечены в агитации среди рабочих, в устройстве между ними сходок и распространении разных революционных и тенденциозных изданий. Интеллигент, руководивший рабочими, именовавший себя «Иван. Иванов.», должен быть известный вам Сергей Иванович Мицкевич, а свидания, устраиваемые им на Кокоревском бульваре, должны быть отнесены к зиме 1893—94 гг.».

Показания Федора Иванова Полякова

Протокол № 73 [1]

1895 года ноября 28 дня.

Я желаю дать объяснения по всем обстоятельствам дела. Будучи начитан в области экономической литературы, я, хо-

[1] Приведенное здесь характерное показание Ф. И. Полякова написано им собственноручно при допросе в Московском жандармском управлении 28 ноября 1895 г. (см. в «Архиве революции и внешней политики», дело Московской судебной палаты № 28, 1896 г. в трех томах). Показания эти являются только подтверждением тех сведений, которые жандармы почерпнули из других показаний; ни одного нового факта или лица Поляков не называет. — *С. М.*

тя и не знаком хорошо с Марксом, но по тому, насколько его знаю, могу себя причислить по убеждениям к марксистам. Следя за разработкой рабочего вопроса по газетным сведениям, я осенью прошлого года узнал о поданной в министерство финансов лодзинскими фабрикантами записке о сокращении рабочего дня. В виду того, что рядом с этим вопросом представляется для рабочих не менее насущным и вопрос об организации материальной помощи рабочим, у меня возникла мысль, что и сами рабочие должны возбудить ходатайство по обоим этим вопросам. Ту же мысль я встретил и у некоторых из наиболее развитых знакомых мне рабочих, вследствие чего среди рабочих понемногу образовалось течение за то, чтобы, собрав возможно большее количество подписей, обратиться в министерство финансов или к государю императору с петицией о сокращении в законодательном порядке рабочего дня и о разрешении учредить рабочий союз, который заведывал бы материальной помощью нуждающимся рабочим и подысканием им заработка. Это движение охватило все заводы города Москвы, некоторые из ее фабрик, а также фабрики провинциальные, как, например, в Раменском, Измайлове и Орехово-Зуеве. Об этом я сужу по тем сведениям, которые имел от моих знакомых, имевших в свою очередь знакомых на других фабриках и заводах. Но затем это направление несколько видоизменилось: рядом с мыслями о легализации рабочей организации появилась мысль о самовольном учреждении рабочего союза, без предварительного его разрешения, с тем, чтобы рабочий союз был разрешен уже как совершившийся факт, после того, как он докажет и свою пользу и свою силу. Я лично, стремясь к под'ему нравственного и умственного уровня рабочих, раздавал им разные книжки, при чем между ними попадались и нелегальные. Последние я давал с выбором, наиболее развитым людям, и в ограниченном количестве. Нелегальные книжки мне приходилось получать от Константина Федоровича Бойе, у которого было больше, чем у меня, знакомых интеллигентов. Я из числа интеллигентов знал только Мартына Николаевича Мандельштама и Александра Васильевича Кирпичникова. С первым я познакомился осенью прошлого года через того же Бойе, а Кирпичникова я встречал только весной текущего года раза три или четыре на рабочих сходках. Весной была майская сходка между Кусковым и Вешняками, затем 28 мая на берегу реки Яузы и там же 4 июня. На майской сходке Мандельштам прочел и раздал рабочим гектографированное воззвание, озаглавленное «Воззвание на 1 мая», то самое, которое вы мне пред'являете. На следующих сходках обсуждался проект устава рабочего союза, прочитанный Мандельшта-

мом. Кем он был выработан — не знаю. Рабочие в принципе отнеслись к этому проекту сочувственно, но не поняли отдельные параграфы устава, которые упоминали об отделениях союза, о порядке их действий и вообще касались подробностей организации и ее деятельности. На майской сходке собралось человек около трехсот, а на других двух — человек по пятидесяти. Я участвовал в приглашении рабочих на сходки, а задуманы они были тоже рабочими. Из лиц, изображенных на пред'являемых мне вами карточках, я никого не знаю и на сходках их не видал. По поводу пред'являемых мне вами документов об'ясняю: печатное воззвание, начинающееся словами :«Мы живем в такое время, когда мелкое хозяйство и мелкие мастерские все гибнут», мне знакомо; экземпляра два этого воззвания я дня за три до пасхи текущего года получил от Константина Бойе и передал в Раменском Семену Васильеву Королеву. О происхождении этого воззвания я ничего не знаю. Воззвание, начинающееся словами: «Воззвание. Товарищи рабочие, наше положение с каждым годом все ухудшается», мне также знакомо. 7-го или 8-го июня текущего года Мандельштам через Федора Федоровича Бойе или сам, встретив меня у Бойе (хорошенько не помню), сказал мне, чтобы я пришел к нему на квартиру 9-го июня взять у него воззвания к рабочим, которые должны были быть к тому времени изготовлены, сохранить их до 11-го июня, а в этот день принести на назначенную между станциями Люблино и Люберцами, верстах в пяти от Николо-Угреши, рабочую сходку. 9-го июня, часов в пять или в шесть вечера, я пришел к Мандельштаму и получил от него сверток с упомянутыми воззваниями в количестве, мне думается, около трехсот экземпляров. Воззвания эти я отнес к Федору Бойе, а куда он их девал, я не знаю. 11 числа на сходку они были принесены рабочим-токарем Дмитрием Барбасоном, отечества его я не знаю. Сходка эта не состоялась, потому что многие не пришли, узнав о недавних арестах в Москве. Барбасон передал эти воззвания кому-то из рабочих, кому не знаю, а потом я слышал, что этот рабочий, боясь хранить воззвания у себя, разбросал их по дороге, возвращаясь со сходки. Записка, начинающаяся словами: «К. пораньше добудьте мне «Вар», писана мною Федору Бойе перед троицыным днем текущего года. В ней я просил Бойе достать мне брошюру «Варлен перед судом исправительной полиции», которую предполагал я отвезти в Раменское и передать кому-нибудь из рабочих, которых я почти всех знаю. Под литерами А. И. подразумевается Александр Иванович Хозецкой. Слова письма, относящиеся до его поездки в Раменское «будут очень рады», означают, что раменские рабочие будут рады видеть

Хозецкого. В фразе «кой-что из прежнего, если сможешь добыть», под словом прежнего я подразумевал, насколько могу припомнить, первое из пред'явленных мне ныне вами воззваний. В фразе «штук 8—10 листков последнего выпуска» я подразумевал воззвание, данное мне Мандельштамом, думая, что экземпляры его где-нибудь еще сохранились. Ни одного из упомянутых в письме изданий Бойе добыть не удалось. На клочке желтой бумаги воззвание, начинающееся словами: «Товарищи, пора опомниться», было составлено мною в июле текущего года, а для напечатания я его передал знакомому мне рабочему-типографщику по имени Роману, по отчеству, кажется, Петров, а фамилия его мне неизвестна. Где он в то время работал, я также не знаю, а ранее он работал в типографии Пашкова. Роман должен был отпечатать это воззвание в той легальной типографии, где он в то время работал. Он мне отпечатал штук 30 этих воззваний, после чего я в июле месяце на сходке, происходившей в один из праздничных дней на Даниловском кладбище, раздал эти воззвания рабочим. Таким же способом через того же Романа мною были изданы пред'являемые мне вами стихотворение, озаглавленное «Награда», и воззвание, начинающееся словами: «Товарищи работники! За границей рабочие добились 8- или 9-часового рабочего дня». Стихотворение «Награда» написано самородком-поэтом Константином Голицыным, работающим на фабрике Викулы Морозова. Еще в 1892 году я списал это стихотворение из целой тетрадки стихотворений Голицына, данной мне одним моим знакомым, имени которого я не знаю. Пред'являемый мне вами рукописный экземпляр этого стихотворения писан мною и был передан мною Мандельштаму с просьбой издать его, так как я догадывался, что у Мандельштама есть какой-то способ воспроизводить различные вещи путем печати. Но Мандельштам никакого определенного ответа мне не дал. Отпечатанные Романом экземпляры «Награды» были частью розданы мною, Александром Кудриным и Сергеем Кузнецовым на рабочей сходке в июне месяце на Даниловском кладбище, частью отвезены мною в Раменское. Отпечатанные Романом воззвания были составлены мною в начале августа текущего года, отпечатано было экземпляров около ста, которые я и раздал рабочим на сходке, происходившей 15-го августа в местности близ Перова, под названием Ключики. Собрались мы там в количестве около 70 человек, в той части рощицы, которая ближе к проезжей дороге и расположена недалеко от водокачки. На этой сходке был также и типографщик Роман. Лица, изображенные на пред'явленных мне карточках, мне незнакомы и на сходке 15 августа я их не видал. На вопрос ваш, знал ли я,

что у Мартына Мандельштама или у кого-либо из близких ему лиц имеется типографский станок и принадлежности к нему, отвечаю: об этом мне ничего известно не было, хотя, как я сказал выше, я об этом и догадывался. Поправки в настоящем протоколе сделаны моей рукой. Федор Иванов Поляков.

Полицейская справка о Ф. И. Полякове

«Иванов Федор, по прозвищу Поляков, 25 лет, православный, мещанин г. Бронницы, Московского уезда, фабричный рабочий; в 1880 г. окончил курс в Бронницком приходском училище». Такую справку дает Московское жандармское управление об этом интересном рабочем соц.-дем., активном деятеле с.-д. кружка 1893—95 гг. Сам Ф. И. Поляков при производстве дознания в 1895 г. пишет о себе следующее: «Федор Иванов, фамилии не имею, а прозывают меня Поляков, родился в 1870 г. 12 февраля в городе Бронницы, Московской губернии. Токарь по дереву на механическом заводе Гоппер. В Москву приехал в ноябре 1891 года из села Раменского, где жил на фабрике Малютина, где проживает до настоящего времени моя мать. Приехав в Москву, поступил на фабрику Прохорова, а затем работал у Михайлова, Бурюгина, Гужона и Гоппер. В течение того же времени жил или в фабричных казарменных учреждениях, или на частной квартире». 16 августа 1895 г. Поляков был арестован, пытался бежать, но безуспешно. В личном деле его (№ 302) сохранилась докладная записка околоточного надзирателя 1-го участка Пятницкой части Альберта Кулеша от 10 сентября 1895 г. года следующего содержания:

«16 августа сего 1895 года я по приказанию В. Высок-я должен был отвезти в Пречистенский полиц. д. арестованного мещанина г. Бронницы Ф. И. Полякова, При чем только что я от'ехал от дома Календарёва, что по Б. Мартыновскому пер., 2 участка Серпуховской части, небольшое расстояние, как Поляков, с целью убежать, правой рукой толкнул меня, но в это время я успел ухватить его за полу пиджака, и таким образом он, Поляков, вырываясь, упал на мостовую, куда подоспели дворник дома Бердикова по Арсентьевскому пер., московский мещанин Лужниковской слободы Вас. М. Константинов и городовые того же участка Ив. Гавр. Титов, знаки № 442, и Петр (фамилия не разобрана), знаки № 436, которые по моему приказанию связали Полякову руки. В это время ехал околоточный надзиратель 2-го участка Серпуховской части Лелье, который дал мне для дальнейшего сопровождения арестованного Полякова дворника дома Синицина, кр. Раненбургского уезда, Рязанской губернии, Лариона Алекс. Тиронина. Ко всему вышеизложенному имею честь доложить, что в то время, когда Полякову связывали руки, он позволил себе ругать меня всевозможными словами и грозил, что когда-нибудь отплатит нам всем, и кроме упомянутых лиц все происходившее с Поляковым видел возивший меня с Поляковым извозчик № 8890, отставной унтер-офицер из мещан г. Подольска Григ. Ерем. Лисанский, проживающий в д. Щербакова, по Б. Серпуховке.

Околоточный надзиратель *Альберт Кулеша*».

Документы об Е. И. Немчинове[1]

Секретно

Московско-Брестское жандармское полиц. управление железных дорог, июля 30-го дня 1894 года № 90.

Г. Московскому обер-полицмейстеру.

По имеющимся в подведомственном мне управлении сведениям оказывается, что в районе 2-го участка Пресненской ч., по Соколовскому пер., в д. Навозова, в месте жительства рабочего мастерских Моск.-Брестск. ж. д., мещанина г. Мосальска, Калужской губ., Евгения Ивановича Немчинова, происходят весьма часто собрания рабочих вышеупомянутых мастерских, для бесед. Имея в виду, что вслед за арестом в 1892 г. служащих в мастерских Моск.-Брестск. ж. д. технологов Бруснева и Епифанова и слесаря Егупова, всем рабочим, принявшим участие в подписке известной суммы денег сим лицам, вышеназванным Немчиновым раздавалась брошюра «Темная вода», обнаружить которую не представилось возможным, я считаю необходимым как о сборищах железнодорожных рабочих, так и об обращении в среде их означенной брошюры довести до сведения В. Превосходительства.

Отношение того же М.-Б. жанд. пол. упр. от 14/VIII 1894 г. за № 109.

В дополнение к отношению за № 90 сообщается, что получены сведения: У рабочего московских мастерских Моск.-Брестской ж. д. Евгения Иванова Немчинова имеется гектограф, помощью которого он воспроизводит брошюры вредного направления, между прочим, «Царская земля», подобно брошюре «Темная вода», и эту последнюю достать не представилось возможным, так как сообщники Немчинова ведут дело осторожно.

(По описи № 414 1894 г.).

Совершенно секретно

Начальник Московск. губернск. жанд. управл. 8 июня 1896 г. № 4185.
В департамент полиции.

Мною получены сведения, что будто бы среди рабочих в мастерских Московско-Брестской железной дороги усиленно распространяются возмутительного содержания листки и брошюры преимущественно по рабочему вопросу и ведутся словесные беседы в том же революционном направлении.

Брошюры и листки составляются «профессором» и студентами, доставляются ими для распространения десятнику означенных мастерских Евгению Немчинову, по ремеслу богеторез, который руководит вышесказанными беседами. В прошлом мае месяце рабочие названных мастерских устроили сходку в подгородной местности «Сокольники», при чем из'явившие желание присутствовать на сходке, для отличия от других, имели при себе цветок ландышей. Евгений Немчинов проживает в Москве, во 2-м Тишинском-среднем переулке, в доме Навозова.

Ген.-лейт. Шрам.

---

[1] Здесь помещены документы, характеризующие тот надзор, под которым состояли рабочие железнодорожных мастерских и в частности Е. И. Немчинов (см. его воспом. в этой книге).—*С. М.*

Личн. дело охр. 625—1896 г.

Арестован 1896 г. 9 июля

Справка охр. отд. по данным агентур.

Евгений Иванович Немчинов.
7-го августа из-под стражи освобожден.

Немчинов Евг. Ив. — хороший знакомый Прокофьева, арестованного по делу Мицкевича, вел сношения с Колокольниковым, распространял прокламации и устраивал сходки в Сокольниках. Ничего предосудительного по обыску не обнаружено.

Справка из дела № 377, т. II, 1896 г.

«Евг. Ив. Немчинов не был привлечен к формальному дознанию в качестве обвиняемого, в виду того, что в период времени с момента ликвидации до возбуждения дознания появились данные, указывавшие на отсутствие основания к такому привлечению».

Протокол [1]

Д. 487 1895 года.

1895 года июля 2-го дня в с. Раменском я, отд. корп. жандармов ротмистр Бот согласно предписания нач. Моск. губ. жанд. управ. от 7-го июня с. г. за № 3189 г. расспрашивал крестьянина Бронницкого уезда, Велинской волости и села Малахова, Мамонта Калмыкова в качестве свидетеля по делу о государственном преступлении, который показал: 26-го сентября 1894 года около 11 ч. вечера явился ко мне в дом, находящийся в селе Малахове, сын мой Семен Мамонт. Калмыков в очень пьяном виде и начал производить шум у меня в доме; тогда я сказал ему, что «разве у нашего батюшки, благочестивого царя нет людей и судей, чтобы унять тебя, грубияна, невежу». На это сын мой мне ответил: «Не благочестивого, а нечестивого, ишь у него шея-то, как у вола, мясным топором не перерубишь, он всякие вина пьет, лиссабонское, коньяк и лимонад, а нас за смирновскую бранят». На это я возразил, что он не имеет права ругать помазанника божия. На это мне Семен ответил: «Чорт его помазал; вы мужики — дураки; если бы передались благочестивому обществу, умным студентам, то бы Россия вздохнула, всяк бы себе был господин; если бы я знал, где это благочестивое общество, умные студенты, которые стараются убить царя, я бы у них был первый член. Царя следует выбирать непременно, только на три года». Более сказать ничего не могу. Свидетелей при этом разговоре никого не было, т.-е. хотя моя жена Алек. Петрова в то время и находилась, но в настоящее время она умерла. Крестьянин Мамонт Михеев Калмыков.

Ротмистр Бот.

В результате донесения за С. Калмыковым установлено полицейское наблюдение.

---

[1] Характерный донос отца, старозаветного крестьянина, на своего сына, рабочего Раменской мануфактуры, затронутого уже революционной пропагандой. *С. М.*

Выдержки из воспоминаний Виктора Чернова [1]

Вскоре после приезда Чернова в Москву, осенью 1892 г., он был приглашен для руководства кружком, состоящим из курсисток. Чернов был принят за марксиста, потому что изучал тогда Маркса, и получил кружок с тем, чтобы «в основу занятий была положена Марксовая схема: историческое развитие человеческой культуры, освещаемое с экономической точки зрения». Когда он явился в кружок, то организатор кружка, по кличке «тетенька» (А. А. Давыдова-Рейнгольд) [2], заявила ему, что «в позапрошлом году в этом кружке читалось о первобытной культуре, в прошлом — о культуре Греции и Рима. Следовательно, в этом году на очереди средние века. Особенное внимание должно быть обращено, конечно, на экономические отношения, развитие товарного хозяйства и подготовление капитализма» (стр. 98—99). Чернов взялся за ведение кружка, но, конечно, повел его не в марксистском духе; его постарались поэтому скоро оттереть от кружка.

Далее Чернов так характеризует только что народившийся русский марксизм:

«Он (т. е. марксизм) в то время едва выходил из целого ряда маленьких лабораторий, приготовлявших свежеиспеченных, но уже совершенно законченных, фанатически убежденных сторонников нового миросозерцания. На одну из таких маленьких лабораторий мне и пришлось натолкнуться у «тетеньки». Таких лобараторий было довольно много, и вскоре последовательный ряд «выпусков» из них дал себя почувствовать» (стр. 109). «Мы были, — продолжает Чернов, — по преимуществу искателями (разрядка подлинника); они — утвердившимися в правой вере. Среди «нас» было больше индивидуального разнообразия, пестроты и «шаткости» во взглядах (как и полагается мелкобуржуазным индивидуалистам. — С. М.), среди «них» (т. е. марксистов.— С. М.) взгляды были словно остриженными под гребенку и обмундированными по одному фабричному образцу...» (стр. 108). «Они были сплоченнее нас: новизна их учения на русской почве заставляла их вырабатывать массовое тяготение друг к другу и противопоставлять себя всему миру. Марксисты складывались на наших глазах в какое-то воин-

---

[1] Из книги В. Чернова «Записки социалиста-революционера», книга 1, изд. Гржебина, Берлин, 1922 г. Эти выдержки были напечатаны в журн. «Пролет. Революц.», № 12 за 1922 г. Здесь помещаются, как любопытная характеристика марксистских кружков со стороны тогдашнего нашего противника-народовольца, ныне эсера-эмигранта-интервента.—

[2] Анна Александровна Давыдова-Рейнгольд, сестра И. А. Давыдова, жена А. И. Рязанова. — С. М.

ствующее духовное братство, которое об'являло непримиримую войну всему остальному и всех немарксистов сваливало в одну кучу... Мы все для молодых марксистов были равно архаическими утопистами и мелкобуржуазными «обомшелыми троглодитами», как обзывал нас в середине 90-х годов один из видных марксистских публицистов» (стр. 108—109).

Приведу еще несколько выдержек из ст. Чернова, в которых он характеризует тогдашний марксистский кружок и формы его работы среди интеллигенции:

«Теоретическим главой московского марксизма был тогда Иосиф Давыдов, позднее отступивший от него и ушедший к философским «идеалистам» [1]. Его правой рукой был очень способный адвокат Рязанов [2] (это была его настоящая фамилия — не следует смешивать его с И. Гольдендахом, известным по его литературному псевдониму «Рязанов»). Та «тетенька», с которой я столкнулся при ведении кружка курсисток, была родная сестра Давыдова, бывшая замужем за Рязановым. Быть может, еще более важную роль для укрепления в Москве марксизма сыграл Мицкевич [3], с которым, однако, мы почти не сталкивались: он был занят в других сферах, он проникал в рабочие кварталы. Более эпизодически выступал Винокуров [4]. Наезжал из Орла статистик П. П. Румянцев [5], впоследствии убежденный карьерист, а тогда такой же марксист. Затем стали появляться уже и другие фигуры, напр., Финн-Енотаевский [6] и еще кое-кто. Для студенческой молодежи ощутительнее всего было влияние Рязанова. Вокруг него всегда группировался кружок людей, усиленно переводивших на русский язык всевозможные немецкие марксистские брошюры и статьи, особенно из «Arbeiter bibliothek» Макса Шиппеля и из журнала Каутского «Die Neue Zeit». Рязанов был резкий, упорный, догматический и весьма уверенный в себе человек, усердный спорщик и пропагандист, довольно искусный диалектик и неутомимый полемист. Он охотно и часто выступал публично; в речах любил озадачивать парадоксами и заострять свои положения,

---

[1] Иосиф Александрович Давыдов, ныне член ВКП(б), живет в Ленинграде. См. его воспом. в этой книге, стр. 151). — *С. М.*

[2] Арк. Ив. Рязанов (см. его воспом. в этой книге, стр. 124).

[3] С. И. Мицкевич.

[4] Александр Ник. Винокуров (см. его воспом. в этой книге, стр. 29).

[5] П. П. Румянцев впоследствии, в 1905 г., член ЦК РС-ДРП (большевиков). После революции 1905—07 гг. отошел от политической работы, поступил на правительственную службу по статистике, умер после Октябрьской революции в Берлине. — *С. М.*

[6] Осужден по процессу меньшевиков-интернационалистов в 1931 г.— *С. М.*

чтобы глубже врезать их в сознание слушающих. Как сейчас помню, например, один «Татьянин день» в огромном зале ресторана, битком набитом уже слегка подгулявшим студенчеством. Были случайные почетные гости из Петербурга, в их числе профессор Н. И. Кареев. Были ораторы, влезавшие на стол и расточавшие свое красноречие... Едва успел слезть со стола Кареев, как наш Рязанов встрепенулся, словно боевой конь, заслышавший трубный звук. Он выступил вперед и холодно-саркастически, мефистофельским тоном заговорил: «Нам много толковали сейчас об идейности и идеях, — начал он, — но что такое идеи? Что такое идейность? В чем она? Разве для всех она в одном и том же. Увы! Это далеко не так. Когда-то, правда, в человеческом обществе была большая однородность идей — это тогда, когда однородно было самое общество. Но вот развилось разделение труда; а разделение труда стало фундаментом разделения идей. Не идейность, а хозяйство двигало историю. Движение идей — это только игра теней, отбрасываемых от себя настоящими вещами. Взывать к идейности — это значит беспомощно апеллировать к царству теней. Нам говорили о торжестве в личности сознательного начала. Но что такое сознание? Простой эпифеномен, побочный, не имеющий значения продукт истинного, основного процесса. Резкий переход от тепла к холоду сопровождается сознанием; медленный и постепенный не ощущается нами и не передается в сознание. Вот и все. Через сознание думать произвести какие-либо перевороты — это значит мыслить кверху ногами. Индивидуальное сознание вообще случайно и неважно; когда же в нем проявляется классовое сознание, то это значительно, как симптом глубоких социально-экономических изменений, но тоже не более, как симптом. Итак, отвергнем эти пустопорожние обращения к нашей идейности и сознательности, эти, поистине, «письма без адресов», эти «удары шпагой по воде, нелепые, как нелепы стремления взять в плен человеческую тень». И т. д., и т. д. Это был его обычный жанр ...[1].

«Вспоминаются мне и типичные, устраивавшиеся en grand[2] студенческие вечеринки. Вот, например, одна из них. В обширном здании какой-то из частных гимназий идет шумное молодое веселье. В одной комнате — танцы; в другой — буфет; в третьей примостился хор; в четвертой — курильная. Везде шум, смех, ходят, болтают, везде брызжет юная жизнерадостность. Но вот по зале снуют какие-то две-три фи-

---

[1] Конечно, нельзя полагаться на точность изложения Черновым взглядов А. И. Рязанова и других марксистов.— *С. М.*

[2] На широкую ногу.— *С. М.*

гуры. Они присматриваются к шумной толпе, и время-от-времени подходят к одному, другому или отводят отдельных лиц в сторону от окружающей их компании. Несколько фраз на ухо — и тот куда-то удаляется. Один.. другой... третий... еще и еще... Все удаляются в одном и том же направлении, иногда в сопровождении услужливого чичероне. Если вы удостоились попасть в число этих избранных, вы отправляетесь той же дорогой. Вас проводят какими-то коридорами, иногда чуть не катакомбами, к какой-нибудь отдаленной заветной двери. За заветной дверью оказывается загроможденный сваленными партами класс; он уже набит почти битком; холодно, темно. Добывается «освещение» в виде стеаринового огарка; при его тусклом мерцании комната принимает таинственно-романтический вид. Все условия налицо, чтобы программа вечеринки была полна, ибо настоящая вечеринка — это непременно «вечеринка с разговорами»...

«Застрельщиком» «разговоров», непременным членом таких собраний является, конечно, марксист. Он — последняя новость политического сезона. Он громогласно заявляет, что все старые направления умерли, что только по недоразумению они иногда считают себя живыми; что «последние могикане», выходцы из сданного в архив истории прошлого, смешны и жалки в своих немощных стараниях «гальванизировать труп». Марксист — кандидат в единственные наследники исторического «выморочного имущества», оставшегося от прежних партий. Он выходит твердой поступью и с места в карьер пред'являет доказательства своих прав.

В «разговорах» становится привычным начинать танцовать от печки, т.-е. от выступления застрельщика-марксиста. Самое выступление уже стереотипизировано. Он вынимает из бокового кармана маленькую записную книжечку, придвигает к себе единственный свечной огарок и открывает огонь. «Книжечка»—это настоящий кладезь походной марксистской премудрости. В ней — склад цифр, убивающий наповал все народнические предрассудки...

«— Прежде всего я позволю себе дать слово голосу жизни, говорящему языком цифр. В таком-то году в России выплавлялось столько-то пудов чугуна. К такому-то году это количество возросло до такой-то цифры. Добыча каменного угля поднялась... Оборот банков увеличился... валовое производство текстильной промышленности изменилось...»

И, проведя слушателей сквозь строй этих статистических параллелей, оратор победоносно заключал:

«— Из этих неумолимых цифр вы видете, вы, можно сказать, осязаете, что вопреки всем народническим ламентациям и фантазиям, опрокидывая их и безжалостно смеясь

над ними, капитализм в России раз-ви-ва-ет-ся. Община, артель, патриархальное сословное единство крестьянства—этот палладиум народничества — трещит по всем швам. Зато растет тот единственный элемент, на котором можно обосновать веру в будущее — промышленный пролетариат. К нему, и только к нему, могут прилепиться те, кто не хочет загубить даром своих сил, безумно пытаясь плыть против течения истории. Давно пора вместо этого сказать капитализму: что делаешь, делай скорее. Только его дальнейшее развитие даст нам точку опоры для трезвой, серьезной борьбы. Мы можем спокойно выжидать результатов этого развития; время работает за нас. Кто ищет других путей, не найдет ничего, кроме утопий и авантюр: или террористических, или бунтарских, или политикантских, или, наконец, экономически-реакционных...» (стр. 158—164).

Что касается до отношения к студенческому движению, то марксисты отрицали самостоятельное значение его. Вот что пишет об этом Чернов:

«В моей памяти встает прежде всего фигура красивого брюнета, грека по происхождению, Калафати; затем кружок рязанцев, среди которых выделяется Вл. Жданов. Студенческое движение, — говорили они, — имеет смысл лишь до тех пор, пока в обществе недостаточно резко деление на классы. На заре буржуазного строя, когда ему нужна политическая свобода, увлекающаяся молодежь идет дальше своих отцов по революционному пути и даже порой заходит так далеко, что отрывается от «своих» и подает сгоряча руку следующему историческому классу. Но все это — переходящее. С развитием капитализма резче обозначаются классы, и учащаяся молодежь распределяется между ними. Время внеклассовой интеллигенции кончается, а студенчество — только зародышевая форма внеклассовой интеллигенции. В Россиии с народовольчества эта полоса канула в вечность. Теперь всякое общестуденческое дело и общестуденческое движение — беспочвенная утопия...» (стр. 117).

Л. П. Меньщиков

Первые соц.-дем. кружки в Москве [1]

В Москве начальные успехи марксизма относятся к первым годам того же десятилетия, при чем уже с весны

---

[1] Отрывок из книги Л. П. Меньщикова «Охрана и революция» (часть 1, стр. 245—248) приводится здесь, чтобы показать, какие методы употребляла охранка для освещения работы революционных организаций.— *С. М.*

1893 г. Бердяеву пришлось уделить особое внимание представителям революционного течения, которое стало очень быстро завоевывать умы и которому суждено было сыграть впоследствии такую исключительную роль.

26 апреля 1893 г. под наблюдение московских филеров поступили А. Н. Винокуров и его жена П. И. Винокурова; осенью (октябрь и ноябрь) слежка за ними сделалась хронической; она установила, что к числу ближайших знакомых Винокурова и его жены принадлежат: И. Давыдов, сестра его А. Рейнгольд и второй муж ее А. Рязанов, а также Гр. Мандельштам, С. И. Мицкевич, З. И. Серебряков, И. Немолякин, М. Н. Корнатовская и, наконец, сама А. Е. Серебрякова, которая нашла нужным почтить самолично рождение нового члена московской революционной семьи.

Благодаря своей «мамочке» [1], охранное отделение знало, что квартира Давыдовых являлась школой экономического материализма; было известно также, что Мицкевич старался обзавестись связями среди рабочих и даже приобрел таковые в мастерских Московско-Брестской жел. дор., пользуясь содействием помощника машиниста С. И. Прокофьева.

Но Бердяев в это время был занят народоправцами, на которых надеялся пожать лавры, и потому молодой социалдемократии особого внимания не уделял.

Между тем отдельные признаки указывали на то, что интерес революционной интеллигенции к пролетариату и само рабочее движение стихийно и самочинно начинали расти в геометрической прогрессии.

Нельзя сказать, чтобы охранное отделение этого не замечало; но сразу приспособиться к новой обстановке оно не могло: у него не было достаточной агентуры для всестороннего освещения революционного движения, рост которого направлялся вглубь и вширь.

Этот недостаток секретных сотрудников в значительной степени покрывался успешной деятельностью почтовых «цензоров», доставлявших охране своими перлюстрационными сведениями ценнейший розыскной материал, который, перекрещиваясь с агентурными указаниями, держал розыск на верном пути.

В октябре 1893 года, например, департамент полиции сообщил Бердяеву о том, что М. Нечаев разослал по почте (А. Чичкину, И. Алексинскому, Б. Федченко) приглашения явиться на собрание и что живущая за границей В. Чичкина находится в сношениях с москвичами «Николаем» и «Фе-

[1] «Мамочка» — А. Е. Серебрякова, знаменитая московская провокаторша, осужденная советским судом в 1926 г. — *С. М.*

дором», которые сообщают ей (и петербургскому технологу Батурину) о кружке (6 реалистов и 2 гимназиста), в котором читают нелегальную литературу. Эти указания заставили охранное отделение обратить внимание на Чичкиных и Батуриных, которые через два года уже встали в боевые ряды московской социал-демократии.

В январе 1894 года были получены тоже перлюстрационным путем указания на новое лицо, принадлежавшее также к марксистскому кружку. В письме, автором которого оказался М. Цейтлин, к П. М. Ротгауз в Варшаву сообщалось условным языком о «специализации наших сил и наличных наших способностей в одном направлении», при чем упоминались имена Мартына Мандельштама, его сестры Евгении (Генриетты), по мужу Леховой, и др. лиц. К числу знакомых Цейтлина, как выяснилось, принадлежали и супруги Винокуровы.

Тогда же почтовая «цензура» представила копию письма на имя Н. Н. Лебедевой, писанного В. А. Ждановым (впоследствии муж адресатки), на которого департамент полиции рекомендовал Бердяеву обратить внимание. Но оказалось, что охранное отделение занялось этим лицом еще ранее. Как мы уже знаем, 3 декабря 1893 года к Жданову принес гектограф Д. Калафати (знакомый секретного сотрудника Невского). В связи с этим обстоятельством было установлено наблюдение за О. Хаминым (приятель Жданова), который, по январским сообщениям агентуры, должен был разносить новую, только что изданную, «программу».

20 апреля 1894 года Жданов был обыскан и арестован, так как у него нашли «Об'явление об издании социал-демократической библиотеки» (потом его сослали в Вологодскую губернию).

Дело С. И. Мицкевича

В числе бумаг, отобранных у Жданова, оказалось письмо к Мицкевичу; но последний, как мы видели, охранному отделению уже был известен; находился ли он в непосредственныхн сношениях со шпионкой А. Серебряковой — это вопрос; но Мицкевич был знаком (а это почти равносильно) с Корнатовской, а также с ее подругами И. Калининой и М. Рыбиной (из Ниж.-Новгорода). Бердяев знал о выдающейся роли Мицкевича в организации социал-демократического кружка и ждал лишь благоприятного момента, чтобы с ним покончить.

Корреспонденция Мицкевича тоже не миновала цепких щупальцев почтовой «цензуры». 25 января 1894 г. департамент полиции сообщил Московскому охранному отделению

копию письма к Мицкевичу весьма конспиративного содержания, которое заканчивалось просьбой немедленно уничтожить его; автором письма оказался С. Н. Предтеченский, живший в 1892 г. с Мицкевичем, а лицами, о которых шла речь в корреспонденции, — М. А. Плотников и Н. В. Поздняков, которые были на замечании охранки.

Несмотря на все эти «данные», более основательно Мицкевичем охранное отделение занялось только осенью 1894 года, во второй половине ноября, когда за ним было установлено ежедневное наблюдение. В виду большой подвижности «лидера», филерские проследки дали существенные результаты и в течение двух недель выяснили ближайший антураж наблюдаемого и в том числе главных его сотрудников по нелегальной работе.

3-го декабря Мицкевич был арестован одновременно с Винокуровым, Цейтлиным и многими другими в виду студенческих волнений; по обыску у него нашли мимеограф с принадлежностями, серию статей социал-демократического содержания («Беседы»), гектографированные воззвания к рабочим завода Вейхельдта, рукописную программу русских социал-демократов... Дело о Мицкевиче было передано для производства дознания в Московское жандармское управление.

Так произошла первая стычка охранки с авангардом московской социал-демократии, стычка, перешедшая затем в длительный и ожесточенный поединок, затянувшийся более чем на два десятилетия.

Филерские донесения

1) Сведения [1] по наблюдению за супругами Александром Николаевым и Пелагеей Ивановой Винокуровыми в 1893 г.

Апреля 1893 г.

26. Лекарь Александр Николаев Винокуров ходил в университетские клиники, на Девичьем поле, а жена его Пелагея Иванова была вечером на спектакле в Большом театре.

28. У Винокурова в доме Удаловой, по Большому Овчинниковскому переулку, два раза был бывший студент Московского университета, а ныне студент С.-Петербургского, Евгений Алексеев Звягинцев. П. Винокурова ходила в

[1] Помещаются эти «сведения», филерские донесения, для того, чтобы показать, как пристально наблюдала охранка за нашей работой, освещая ее как путем внешнего с помощью филеров, так и внутреннего при помощи провокаторов (А. Е. Серебрякова) «освещения» работы складывающейся организации.— *С. М.*

дом Трусова, по Проточному пер., к супругам Павлу Алексееву и Анне Егоровой Серебряковым.

Сентября 1893 г.

4. А. Винокуров посетил Серебряковых, в доме Трусова, по Проточному переулку.

18. А. Винокуров дважды ходил в редакцию «Энциклопедического Словаря», а оттуда зашел в дом Хомякова, по Большой Молчановке, где живут студент Юрьевского университета Аркадий Иванов Рязанов и Бася Мордухова (по св. крещению Анна Александрова) Рейнгольд.

19. А. Винокуров посетил лекаря Сергея Иванова Мицкевича, проживающего в доме Гирш, по Малой Бронной улице, кв. № 42, а от него пошел в дом Хомякова, по Большой Молчановке (к Давыдову, Рязанову и Анне Рейнгольд), куда в другие часы заходила и П. Винокурова.

20. А. Винокуров из дому вышел с московским мещанином Григорием Николаевым Мандельштамом, недавно приехавшим из города Орла, где состоял под гласным надзором полиции; у Спасских ворот разошлись — А. Винокуров направился в редакцию «Энциклопедического Словаря», а Г. Мандельштам зашел в Окружной суд, а оттуда в дом Грязнова, по Николо-Воробьинскому пер., где временно поселился у своей сестры Евгении Николаевой, состоявшей в замужестве за студентом-медиком Московского университета Сергеем Тимофеевым Пеховым, живущим с нею; в той же квартире проживал тогда другой брат ее Мартын Львов Мандельштам и студент Московского университета Мендель Эселев Цейтлин. Затем Григорий Мандельштам ходил в управление 2-го участка Яузской части являть свое проходное свидетельство, а оттуда отправился на Никитский бульвар, дом Зачатьевского монастыря, где живут студенты Московского университета Дмитрий Павлов Калафати и Иосиф Теофилов Павлицкий; Григорий Мандельштам отсюда вышел с Калафати, и оба пошли в дом Хомякова, по Б. Молчановке, потом в дом Черкесова, по той же улице, к жене запасного фейерверкера Зинаиде Александровой Серебряковой, от коей потом вышли в сопровождении барыньки, которую Григорий Мандельштам, простившись с Калафати, проводил в дом Чернецова, кв. № 12, по Новой Басманной улице, где проживали в то время: мещанин гор. Орла Иван Иванов Немолякин, студент императорского технического училища Дмитрий Александров Волков и дочь лифляндского гражданина Мария Евгеньева Мазинг; по пути Григорий Мандельштам виделся с бывшим студентом Московского университета Карлом Юлиевым Блюменталь.

21. А. Винокуров посетил редакцию «Энциклопедического Словаря», а в $7\frac{3}{4}$ ч. вечера к нему на квартиру пришел Григорий Мандельштам, имея при себе книгу. П. Винокурова ходила в дом Хомякова, по Б. Молчановке, откуда вышла с Б. Рейнгольд и обе отправились в дом Лисицина, по Б. Толстовскому пер., где проживает семейство профессора Чупрова, затем вернулись в дом Хомякова; оттуда Винокурова пошла домой.

22. П. Винокурова с корзиной поехала к Мандельштаму в д. Грязнова, по Николо-Воробьинскому пер.; через $1\frac{1}{2}$ часа вышла оттуда, имея ту же корзину, с Григорием Мандельштамом, у которого была связка книг, завернутых в бумагу; оба отправились на квартиру к Винокуровым, по дороге Г. Мандельштам опустил письмо; от них последний с книгами же ходил в Окружной суд, вечером вторично посетил Винокуровых, оставив у них свои книги.

23. Винокуровых посетил Григорий Мандельштам.

24. А. Винокуров виделся на Арбате с Ос. Морд. Давыдовым, передавшим ему книгу, которую Винокуров принес к себе домой.

25. У Винокуровых был с 5 до 9 часов вечера Григорий Мандельштам.

26. Супруги Винокуровы навестили П. А. и А. Е. Серебряковых, от которых П. Винокурова пошла в дом Хомякова (Рязанов, Давыдов и Б. Рейнгольд), вынесла книгу и отправилась домой. Вечером к Винокуровым пришли Григорий и Мартын Мандельштамы, которые в 10 часов вышли с первыми — у Балчуга Винокуровы простились и вернулись домой, Мандельштамы тоже.

28. Винокуровых посетил Гр. Мандельштам. В $4\frac{1}{2}$ часа дня А. Винокуров зашел к Калафати и И. Павлицкому, от них он пошел к С. Ив. Мицкевичу, с коим затем и вышел, сопровождаемый еще мещанином Костромской губернии Сергеем Ивановым Прокофьевым; около университета Мицкевич отделился, и Прокофьев с Винокуровым пошли на квартиру к последнему, куда скоро явились Мартын Мандельштам, а потом и С. Мицкевич, который в 11 часов вечера вышел с С. Прокофьевым и, распрощавшись, пошли по домам: С. Мицкевич в дом Гирш, а С. Прокофьев — в дом Кудрявцева по Трындинскому переулку[1].

Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве подполковник Бердяев.

[1] Это и было как раз собрание, на котором было заложено основание Московской партийной организации в виде «шестерки». Донесения филеров отмечают пять лиц: хозяева квартиры А. Н. и П. И. Ви-

2) Сведения по наблюдению за врачом Московской губернской земской управы Мицкевичем, проживавшим в д. № 10. Шелинг, по Прогонному пер., в квартире супругов Винокуровых.

19 ноября 1894 года. Мицкевич вышел в 9½ часов утра на занятия в Губернскую земскую управу; пробыв там до 3½ часов пополудни, вернулся домой. В 6 часов отправился на Малую Якиманку в д. Гагон, к жившим там Кафтанову Сергею Михайлову и крестьянину Ковалеву Гавриилу Никитину. Пробыв с полчаса, отправился к университету, в пивную. По выходе из портерной встретился со студентом Владимиром Сергеевым Елпатьевским, с которым отправился на Большую Серпуховку, в Большой Мартыновский пер., в д. Кузнецова, к жившим там Василию Филиппову Ельчину (личн. гр.) и дочери священника Зинаиде Васильевне Калиопиной и дочерям коллежского регистратора Варваре и Елизавете Федоровым Масленниковым, пробыв там до 12 часов ночи и идя оттуда один, Мицкевич вернулся домой (Елпатьевский остался).

20 ноября. Мицкевич в 2 часа дня отправился в книжный магазин Карбасникова на Плющихе, в доме Орлова, где знаком с хозяином магазина, после вернулся домой. В 5½ часов вторично вышел, отправившись в Скатертный пер., в д. № 39, Волошкевича, к студенту Московского университета Дмитрию Павловичу Калафати; выйдя вместе, Мицкевич и Калафати отправились на Немецкую улицу, в д. № 7, Хватова, после по той же улице, в дом № 23 Труфанова, где живет козельский мещанин, слесарь Константин Федоров Бойе.

21 ноября. Мицкевич вышел в 6 часов вечера, отправился в Хамовники, Пуговичный пер., дом Соколова, к жившим там: сыну титулярного советника Виктору Петровичу Захлыстову и сыну поручика Павлу Васильевичу Оленину, пробыл ¾ часа, вернулся домой.

22 ноября. В 9½ часов утра Мицкевич отправился на службу, в 3½ часа вернулся домой. В 6 часов вечера вышел вторично и отправился на Плющиху, в дом Орлова, в магазин Карбасникова (вошел в магазин с заднего хода), откуда вернулся домой в 9½ часов вечера.

23 ноября. Мицкевич в 3 часа дня отправился в Скатертный переулок, в дом Волошкевича, к Калафати, от

нокуровы и трое «гостей» — С. И. Мицкевич, М. Н. Мандельштам-Лядов и С. И. Прокофьев, шестой член организации — Е. И. Спонти, присутствовавший на этом собрании, не попал еще под наблюдение филеров, так как только недавно (в августе) приехал в Москву и не успел еще быть зарегистрированным в охране. — *С. М.*

него вернулся домой. Вторично вышел в 6 часов вечера и отправился в Пуговичный переулок, в дом Соколова, к Захлыстову и Оленину.

24 ноября. Был на службе. В 6 часов вечера к Мицкевичу пришел студент С.-Петербургского технологического института Алексей Александрович Ганшин; пробыв у него полчаса, Ганшин вышел с Мицкевичем. На Поварской улице Ганшин остался ожидать, а Мицкевич пошел в дом Волошкевича, к Калафати; по возвращении Мицкевича названные лица, немного пройдя, простились, при чем Мицкевич передал что-то в виде письма Ганшину. После этого Мицкевич пошел в дом Гонецкой на Арбате к бывшему студенту Ивану Васильевичу Денисову, жившему совместно со студентом Московского университета Михаилом Николаевым Янишевским и Алексеем Максимовым Кокиным; пробыв у них с ¼ часа, пошел на Нижнюю Кисловку, в дом № 3, Домовладельческого товарищества, в квартиру № 15; пробыв ¼ часа, отправился на старую свою квартиру в д. Корш, по Малой Молчановке; пробыв здесь полчаса, вернулся домой. Ганшин был проведен в Семинарный тупик, в дом № 10, кв. 1, к ученикам Технического училища, братьям Александру и Владимиру Николаевым Масленниковым, пробыв у коих ¼ часа, отправился в д. Воронова, по Цветному бульвару, где он временно проживал.

25 ноября. Мицкевич был на службе в Губернской земской управе.

26 ноября. Мицкевич в 11 часов отправился в Скатертный пер., в дом Волошкевича, к Калафати. Пробыв 20 минут, пошел на Садовую улицу, в дом № 373, Чулкова, где проживает бывший подпоручик 107 пех. полка Евгений Игнатьевич Спонти, живший ранее совместно с турецким подданным Андреем Дмитриевым Карпузи; пробыв ¾ часа, наблюдаемый отправился в Яковлевский пер., в д. № 19 Баланова, к живущим там студенту Московского университета Дмитрию Ильичу Ульянову и к супругам Марку Тимофеевичу и Анне Ильиной Елизаровым. Пробыв там 2½ часа, вынес сверток, в виде папки, завернутый в газетную бумагу; после заходил в писчебумажный магазин «Сотрудник школ» Залесской, на Воздвиженке, откуда вынес сверток в трубку, и со всем этим вернулся домой. В 7½ часов вышел вторично. На Новинском бульваре, как было видно, назначено свидание с Денисовым, с которым, поговорив, прошелся; тут же вскоре к нему присоединился врач Александр Николаевич Винокуров, от которого Мицкевич получил сверток и тут же передал его Денисову, после этого Винокуров поздоровался с Денисовым,

последний со свертком отделился к неподалеку его ожидавшему студенту Московского университета Борису Александрову Келлер. Затем оба последних отправились в дом Гонецкой, где проживал Денисов, и, оставив там сверток, пошли в дом Остроумова, кв. № 6, по Нащекинскому переулку, где живут студенты Московского университета Николай Анатольевич Жданов и Николай Николаевич Малышев, таганрогская мещанская девица Софья Ивановна Муралова и две дочери тюменского 2-й гильдии купца Надежда и Вера Киприяновны Пеньевские. Мицкевич и Винокуров, немного поговорив, простились, Винокуров убежал бегом с бульвара, а Мицкевич отправился в дом Виноградова на Якиманке, где была назначена вечеринка нижегородского землячества, недопущенная полицией.

27 ноября. Мицкевич был на службе.

29 ноября. Мицкевич был на службе. В 6 часов отправился в дом Чулкова, по Садовой улице, к Спонти и Карпузи, где пробыл до 9½ часов вечера.

30 ноября. Был на службе. В 6 часов вечера Мицкевич вышел с Олениным, около манежа простились, Оленин отправился к Иванову, а затем зашел к себе на квартиру, в дом Соколова, по Пуговичному переулку.

29 ноября. Мицкевич был на службе. В 6 часов отправился по Сивцеву Вражку, в дом Акимова, к жившему там студенту Московского университета Николаю Васильевичу Оппокову; выйдя от последнего очень скоро, отправился по той же улице в дом Нартова, к жившим там: дочери коллежского асессора Марии Владимировне Черняевой и бывшему студенту Московского университета Николаю Захаровичу Васильеву; пробыв до 10 часов вечера, вернулся домой.

2 декабря. Был на службе [1].

Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве подполковник

Бердяев.

Технические средства организации [2]

«У Мицкевича при обыске 3 декабря 1894 г. взято:

1.

а) Копировальный аппарат, именуемый «мимеограф».

---

[1] 3 декабря утром С. И. Мицкевич был арестован.

Надо признать, что все эти сведения филеров верны и отличаются большой точностью.—С. М.

[2] Помещается здесь несколько документов для характеристики технических средств («техники») организации. Более подробно см. об этом в кн. «Литер. Моск. раб. союза» (стр. 41—44). (См. прод. сноски).

б) Две деревянные рамы с каменной доской.

в) Деревянная рама с аспидной доской.

2.

а) Валик с деревянной ручкой.

б) Две картонных трубки для помещения бумаги к аппарату. 16 листов бумаги для работы на аппарате, разграфленной на квадраты.

в) 8 листов вощеной и 8 листов японской бумаги с штемпелями фирм.

г) 32 листа вощеной бумаги.

д) Лист красной пропускной бумаги с оттиском текста.

е) Три оловянных тюба с красками и стеклянный пузырек с жидкостью».

(Из отношения № 1213 20/III—95 г. Нач. М. Ж. У. в Деп. полиции).

У С. И. Мицкевича при обыске 3 декабря 1894 г. обнаружено:

1) Мимеограф Эдиссона со всеми к нему принадлежностями и заготовленными для оттиска листками и текстом преступного содержания.

Чтобы выяснить источник получения мимеографа Мицкевичем, были допрошены в качестве свидетелей филеры Московского охранного отделения, наблюдавшие за ним. Из показаний их, а равно из дневников наблюдения за Мицкевичем добыты указания, дающие повод предполагать, что мимеограф поступил к Мицкевичу в ноябре 1894 г. от проживающегов г. Москве студента Ульянова, а затем Мицкевичем и Винокуровым был передан, на время, бывшему студенту Денисову и студенту Келлеру.

У Кирпичникова при обыске 10 июня 1895 г. взято:

1. Аппарат, подобный мимеографу, состоящий из двух рам с одним стеклом и металлической сеткой.

2. а) Деревянная палочка в виде ручки для пера со стальною иглой.

б) Валик для растирания краски.

в) Матовое стекло.

г) Склянка из-под глицерина с черною краской.

Эти же документы доказывают, что утверждение Бонч-Бруевича в книге «На заре революц. пролетарской борьбы», что «первый мимеограф был поставлен в 1895 г. летом»... не верно: до лета 1895 г. 2 мимеографа уже печатали в Москве нелегальную литературу, и первый нелегальный мимеограф был поставлен в конце октября или в начале ноября 1894 г. на моей квартире, а первой издана на нем брошюра «Царь Александр III умер» (умер он 20 октября ст. ст. 1894 г.). Об этом см. также «Литер. Моск. раб. союза», стр. 170.— *С. М.*

д) Картонная папка серого цвета.

е) 22 пары листов вощеной и японской бумаги и еще 2 отдельных листа японской бумаги.

ж) Два листа наждачной бумаги.

з) Полулист бумаги с надписью «Что-нибудь».

и) Лист бумаги с жировыми пятнами.

У бр. Масленниковых при обыске 10 июня 1895 г. взято:

1. Ручной типографский станок.
2. Три деревянные дощечки.
3. Железный ключ.
4. Цилиндрический валик с одной ручкой.
5. Плита толстого шлифованного стекла.
6. Валик с двумя ручками.
7. Жестянная с крышкой коробка с шрифтом и прибором для печатания.
8. Прибор для набора.
9. Деревянная четырехугольная доска.
10. Три небольшие фарфоровые чашечки.
11. Кусок каучука, отрезанный от шарообразной массы.

Доклад министра юстиции Муравьева министру внутренних дел о тайном сообществе московских социал-демократов.

Д. 314, т. III 1897 г. *Секретно.*

Министерство юстиции. Временная канцелярия по производству особых дел. Октября 5-го дня 1896 г. № 238. С.-Петербург.

О тайном сообществе „Московских социал-демократов".

Господину министру внутренних дел.

Министр юстиции препровождает министру внутр. дел дознание в 3-х томах по обвинению врача С. Мицкевича и других в числе 53-х лиц, составленное по таковому дознанию заключение, веществ. доказат. к делу — просит о возвращении этого дела по заключении.

При чем министр юстиции находит:

«что обстоятельства настоящего дела заключаются в следующем: В конце 1894 года среди фабричного населения г. Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического и отчасти революционного содержания, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устройству касс для организованной борьбы с капиталистами. Эти прокламации, а равно распространявшиеся на ряду с ними произведения подпольной прессы и устная пропаганда некоторых лиц, вызвали на фабриках волнения и беспорядки. Под влиянием означенной агитации рабочие

проявили стремление к совместному обсуждению интересовавших их вопросов и стали в окрестностях столицы периодически устраивать многолюдные сходки. На собраниях этих руководители — преимущественно представители интеллигентного класса — раздавали противоправительственные издания и произносили речи, указывая на неудовлетворительность экономического положения трудящегося сословия, а также на необходимость единения и упорной борьбы с существующим общественным строем в видах достижения социалистической свободы и политической власти.

Негласным наблюдением, а затем и всесторонним формальным расследованием, возбужденным при Моск. г. ж. у., установлено, что описанное движение было вызвано деятельностью организовавшегося в г. Москве тайного революционного кружка «социал-демократов», который своей конечной целью поставил ниспровержение установленного в России порядка управления. Главными руководителями этого сообщества были: 1) Мартын Мандельштам (Лядов), 2) Сергей Иванович Мицкевич, 3) А. Н. Винокуров, 4) А. Н. Масленников, 5) В. Н. Масленников, 6) П. Д. Дурново, 7) А. В. Кирпичников, 8) Ф. И. Поляков, 9) К. Ф. Бойе, 10) Ф. Ф. Бойе, 11) А. И. Хозецкой, 12) Е. И. Спонти, 13) Андрей Дмитрович Карпузи, 14) П. С. Карпузи, 15) Ар. Иван. Рязанов, 16) Е. А. Петрова, 17) Д. М. Колчин.

Названные лица, стремясь к осуществлению противоправительственных целей, старались возбудить волнения среди фабричного населения на почве мелких нужд и требований имея в виду приучить рабочих к отстаиванию их интересов и пробудить в них классовое самосознание, при наличности которого только, по мнению агитаторов, и возможно было бы трудящемуся сословию захватить общественную и политическую власть в свои руки. В этих целях поименованные члены кружка составляли воззвания и переводили с иностранных языков преступного содержания статьи и брошюры, печатали таковые на имевшихся в их распоряжении типографском станке, гектографе и мимеографе, распространяли изготовленные таким образом в большом числе экземпляров подпольные произведения среди фабричного населения, а также в кругу своих единомышленников и знакомых, стараясь заинтересовать наибольшее число лиц вопросами социал-демократического характера, и, наконец, собирали сходки, руководили ими и произносили речи, в которых, порицая современное экономическое положение, призывали рабочих к открытой борьбе с капиталистами для достижения равенства и свободы.

Степень виновности отдельных лиц:

Мартын Мандельштам и Мицкевич, об'единяя и направляя преступную деятельность организованного ими кружка и озабочиваясь привлечением новых членов, приобрели кроме того в общее пользование необходимые для воспроизведения нелегальных изданий аппараты и, вступив в непосредственные сношения с революционными деятелями за границею, получали через посредство их противоправительственные сочинения, положившие основание дальнейшей пропаганде. Независимо от сего, дознанием выяснно, что текст большинства воззваний к рабочим составлен М. Мандельштамом и Федором Ивановым Поляковым и что эти обвиняемые, а равно Мицкевич и Винокуров проявили особую энергию в деле преступной агитации.

При обыске у перечисленных лиц, за исключением Полякова, Колчина, Рязанова и братьев Бойе, обнаружено значительное количество социал-демократического и революционного содержания книг, брошюр заграничных изданий, рукописных сочинений, статей и заметок, указывавших на противоправительственную их деятельность.

Допрошенные на дознании вышепоименованные семнадцать обвиняемых безусловно отрицали принадлежность свою к какому-либо тайному сообществу, но к сему М. Мандельштам, Поляков, Кирпичников, Ф. Бойе, Колчин, Петрова, Андр. и П. Карпузи присовокупили, что, задавшись целью улучшения экономического положения рабочих, они в видах этих старались заинтересовать последних вопросами социалистического характера путем широкого распространения в среде их произведений подпольной прессы и совместных бесед на устраивавшихся собраниях.

Александр Винокуров и Рязанов признали лишь факт переписки нелегальных изданий, остальные же обвиняемые дали уклончивые и отчасти противоречивые об'яснения, ни в чем однако не опровергнувшие достоверности добытых против них улик.

(Дальше идет перечисление следующих участников с указанием лет, звания, должности). 18) Е. Э. Лакур. 19) А. И. Косарев. 20 (А. М. Богомолов. 21) Н. И. Блинов, 22) Р. Г. Наумов. 23) А. Н. Гузаков. 24) В. А. Комаров, 25) С. В. Королев, 26) А. Ф. Маклаков—распространяли среди рабочих противоправительственные издания, в видах преступной агитации, при чем дознанием установлено, что Лакур, Богомолов, Наумов и Королев находились в непосредственных отношениях с главными руководителями кружка. Отрицая на допросе принадлежность свою к тайному сообществу, названные лица, за исключением Комарова и Маклакова, признали указанную революционную деятельность, и лишь Богомолов

заявил, что он не знал о противозаконном содержании раздаваемых им брошюр.

При обыске у 27) А. И. Ганшина обнаружено около 40 запрещенных изданий, преимущественно народовольческого направления, в том числе 28 номеров «Летучего Листка» от 1 апреля 1895 года, тождественного с отобранным у Кирпичникова.

Ганшин, признавая свои социал-демократические убеждения, показал, что найденные у него революционные сочинения он получил в С.-Петербурге от одного знакомого (назвать которого отказался) для вручения в Москве другому неизвестному лицу.

Номер «Летучего Листка», по словам Ганшина, был им передан Кирпичникову в виду выраженного последним желания ознакомиться с содержанием статьи, озаглавленной «В каких эпигонов выродились представители народовольческого движения». Каковое обстоятельство подтвердил и Кирпичников.

Наконец, 28) Г. Н. Мандельштам, 29) Д. П. Калафати, 30) М. Е. Цейтлин, 31) И. А. Давыдов, 32) П. И. Винокурова, 33) М. Х. Горбачев, 34) Д. М. Буканов — являются виновными в том, что они, хотя и не принадлежали к составу кружка «социал-демократов» и не принимали непосредственного участия в агитаторской деятельности его членов, тем не менее, находясь в близких отношениях с большинством последних и сочувствуя их стремлениям, по поручению Мицкевича, Мартына Мандельштам и других, переводили с иностранных языков и переписывали с оригиналов противоправительственные сочинения, направленные к порицанию установленного в России образа правления.

При допросе названные обвиняемые признали лишь факт изготовления произведений подпольной прессы, за исключением Цейтлина, Давыдова и Буканова, которые, отрицая это обстоятельство, однако не отвергали своего знакомства со многими членами кружка.

Привлеченные к сему делу 35) Анф. Смирнова, 36) Н. Желвакова, 37) М. Левит, 38) Леонтия Биронт, 39) Д. Малинов, 40) С. Прокофьев, 41) М. Добрынин, 42) М. Маслов — данными расследованиями изобличаются лишь в хранении запрещенных изданий, каковое деяние влечет за собой наказание, не соединенное с лишением или ограничением прав, а относительно 43) Якова Гинзбурга, 44) Келлер, 45) Чекеруль-Куш. 46) А. Козловского, 47) И. Денисова, 48) В. Каверина. 49) А. Козлова, 50) М. Петрова и 52) И. Попова — дознанием не добыто достаточных оснований к обвинению их в совершении какого-либо государственного преступления. Нако-

нец, 53) В. Ананьев привлечен в виду показания Ф. Бойе о том, что Ананьев давал ему для чтения нелегальные издания.

При производстве расследования Ананьев скрылся и до сего времени остался не разысканным.

«Из числа привлеченных по сему дознанию лиц содержится под стражей: Мицкевич с 3 декабря 1894 года; Дурново, А. и П. Карпузи, Кирпичников, М. Мандельштам, А. и В. Масленниковы — с 10 июня 1895 года; Винокуров и Г. Мандельштам — с 24 июня; К. Бойе, Поляков и Хозецкой — с 16 августа; Наумов и Спонти — с 12 декабря и Королев — с 16 декабря того же 1895 года; Лакур — с 15 января 1896 года.

Во время производства расследования находились в предварительном заключении: Левит и Ганшин около 8½ месяцев, Петрова и Калафати около 8-ми, Цейтлин, Рязанов и Давыдов почти 6½ месяцев, Биронт и Прокофьев около полугода, Ф. Бойе и П. Винокурова почти 5½ месяцев, Косарев, Козлов, Комаров и Маклаков около 5-ти, Буканов, Гузаков и Козловский около 4-х месяцев, Горбачева почти 3 месяца, Петрова, Богомолов и Колчин немного более 2-х месяцев, Келлер, Гинзбург и Смирнова около 2-х месяцев, Каверин и Желвакова более месяца, Денисов, Чекеруль-Куш и Блинов около месяца и Попов 10 дней.

На основании изложенного и приняв во внимание степень откровенности представленных обвиняемыми показаний, продолжительность предварительного их заключения и несовершеннолетие Богомолова, бр. Бойе, Косарева, Гузакова и Наумова, а равно имея в виду, что более восьмимесячным содержанием под стражею Ганшин в достаточной мере понес наказание за совершенное им деяние, я, разделяя мнение военного министра относительно подведомственных ему лиц, полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы, по вменении в наказание вышеназванным обвиняемым предварительного содержания под стражей, сверх того

(следует приговор)

Министр юстиции

Статс-секретарь Муравьев.

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ **ПРИГОВОР**
Февраля 5-го дня 1897 г.
№ 301
С.-Петербург

По высочайшему повелению господину прокурору Московской судебной палаты.

Государь император по всеподданейшему докладу моему обстоятельств дела о враче Сергее Мицкевиче и других обвиняемых в государственном преступлении в 5-й день февраля 1897 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы, по вменении обвиняемым в наказание предварительного содержания под стражей:

I. Запасного унтер-офицера Мартына Мандельштама выслать под гласный надзор полиции в Якутскую область на пять лет, исключив его кроме того из запаса армии.

II. Выслать под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь Сергея Мицкевича, Александра Винокурова и Григория Мандельштама на 5 лет каждого, а Федора Иванова по прозвищу Полякова на три года, при чем принятием означенных мер взыскания в отношении Александра Винокурова и Григория Мандельштама разрешив и другое приостановленное о них дознание, производившееся в г. Екатеринославе, а равно оставить без дальнейшего исполнения относительно Григория Мандельштама высочайшее повеление 15-го декабря 1893 года.

III. Выслать под гласный надзор полиции в Вятскую губернию Алексея Ганшина на три года и в Архангельскую губернию:

Петра Дурново, Александра Масленникова, Владимира Масленникова, Константина Бойе, Алекс. Хозецского, Андрея Карпузи, Пелагею Карпузи и Иосифа Давыдова — на три года, а Евгения Спонти и Евдокию Петрову — на два года, оставив при этом в отношении Иосифа Давыдова без исполнения высочайшее повеление, воспоследовавшее 12 июля 1895 года.

IV. Подчинить гласному надзору полиции в избранных местах жительства, за исключением столиц, столичных губерний, университетских городов и г. Ярославля, Пелагею Винокурову, Дмитрия Калафати, Менделя Цейтлина, Аркадия Рязанова — на три года, а Евгения Лакур и Александра Кирпичникова на два года.

V. Подвергнуть гласному надзору полиции в местах родины Федора Бойе, Александра Косарева, Романа Наумова (он же Быканов) и Семена Королева (он же Баули) —

на три года, Марию Горбачеву, Николая Блинова, Александра Гузакова, Василия Алексеева, по прозвищу Комарова, и Алексея Маклакова — на два года, Александра Богомолова и Дмитрия Буканова — на один год.

VI. Рядового 9-го драгунского Елисаветградского полка Дмитрия Колчина подчинить на все время состояния на действительной службе строгому надзору военного начальства, а в случае увольнения его в запас до истечения трех лет подвергнуть на остальное время гласному надзору в месте родины.

О таковой монаршей воле, мною одновременно с сим сообщенной к исполнению министру внутренних дел относительно высылки обвиняемых и учреждения за ними гласного надзора полиции и военному министру в отношении применения к Колчину определенной для него меры взыскания, а также исключения Мартына Мандельштама из запаса армии, поставлю ваше превосходительство в известность, вследствие рапорта от 25-го мая 1896 года за № 1060, для надлежащих с вашей стороны распоряжений о вменении помянутым в высочайшем повелении лицам в наказание предварительного содержания под стражею.

К сему считаю нужным присовокупить, что, по состоявшемуся с министерством внутренних дел соглашению, настоящее дознание о высылке Ананьева приостановлено впредь до явки его или задержания и прекращено: в отношении Якова Гинзбурга, Бориса Келлера, Николая Чекеруль-Куша, Альфонса Козловского, Ивана Денисова, Василия Каверина, Александра Козлова, Василия Леднова, Михаила Петрова и Ивана Попова за недоказанностью обвинения, а относительно Анфисы Смирновой, Надежды Желваковой, Леонтии Биронт, Мовши Левит, Давида Малинова, Сергея Прокофьева, Михаила Добрынина и Михаила Маслова на основании 1 п. ст. XIII и XXIII всемилостивейшего манифеста 14 мая 1896 года.

Подлинное дознание с относящимися к нему приложениями и вещественными доказательствами при сем возвращается.

Министр юстиции

Статс-секретарь Муравьев

Завед. канцелярией Стремоухов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Т

У

Ф

Х

Ц

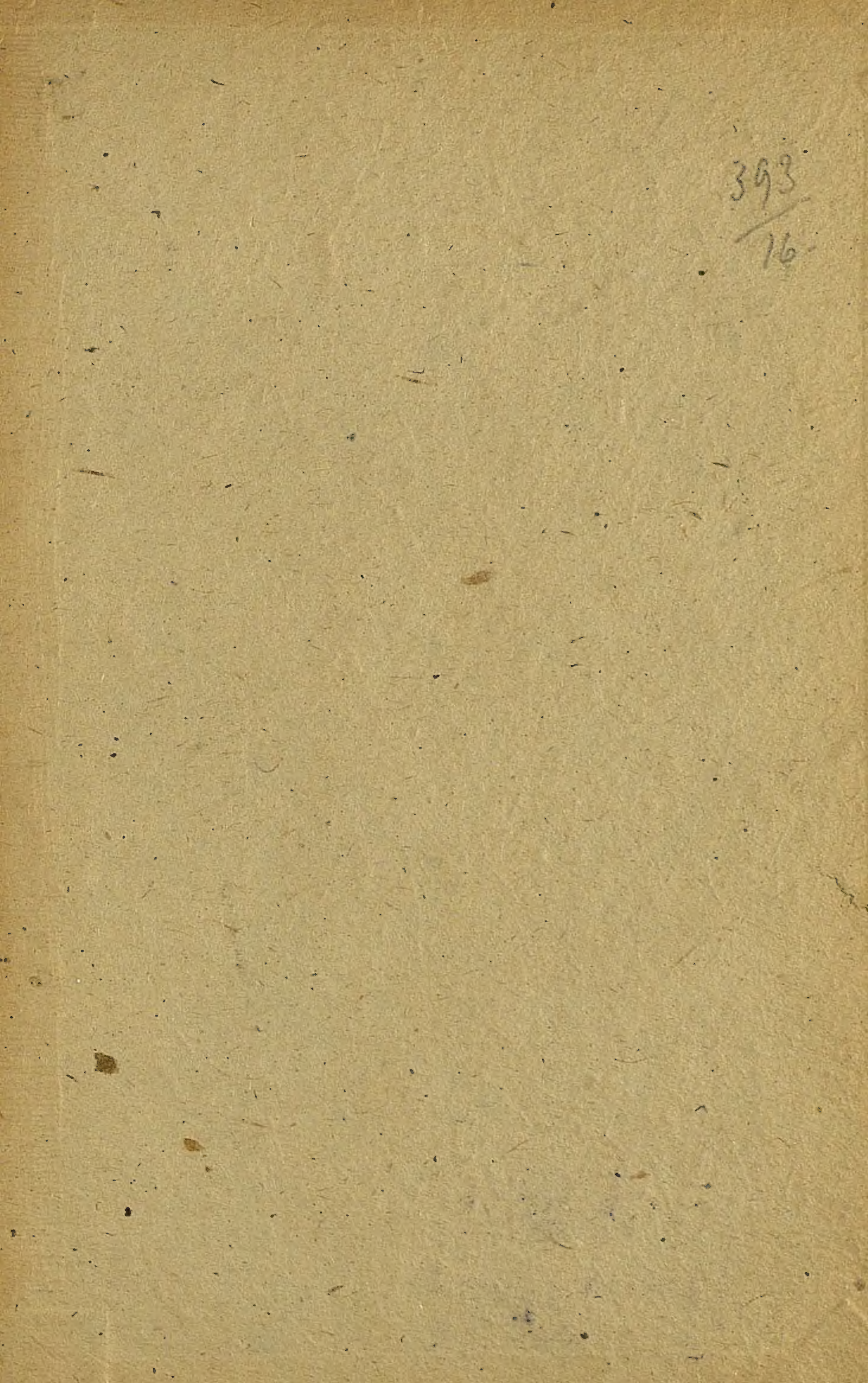
Ч

Ш

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

393/16

Цена 5 р.

ЗАКА[illegible] Н[illegible]РАВЛЯТЬ:

[illegible] Пра[illegible]нию издательства полит[illegible]тор[illegible] — Москва. [illegible] 10. Лопухинский пер., 5; тел. 3-[illegible]-73, 1-[illegible]1-26.

[illegible] [illegible]азину издательства политкаторжан — Москва, центр, Петровка, 7; тел. 4-18-[illegible] и 3-65-20